

Недолёт

Повесть по пьесе В. Сквирского « Недолёт».

« Нет таких невероятных событий, которые не могли бы случиться. »

Кто--то из великих.

Эта незамысловатая история правдива с первой до последней строчки. Во всяком случае, мне так казалось в тот момент, когда я написал на чистом листе это название. Её героев я не знал и не знаю по сей день, но они мне, почему--то, близки и дороги. Пьесу, по которой сделана эта повесть, я написал по заказу моего замечательного друга, главного режиссера Хабаровского театра Юры Веригина, к сорокалетию нашей залитой кровью победы в той страшной Великой Отечественной войне. Победы, которая, с моей точки зрения, ничего, кроме океана крови и бессмысленного крошева десятков миллионов жителей нашей страны, ничего хорошего не дала её народу. Разве что чувство радости, что не всех нас перемололи в этой адской бессмысленной мясорубке, да что с фашизмом разделались.. Побежденный невероятно тяжёлой ценой, наш противник быстро поднялся на ноги и зажил богато и счастливо. Мы же, победители, до сих пор плетёмся в последних строчках слаборазвитых стран, выбирая себе вождей--один страшнее и бездарнее другого. К счастью, герои этой повести не знали, за что и за кого они отдавали свои жизни. Не знали что их ждёт после победы, за которую они погибали и в которую они свято верили. Их гнал на смерть вбитый коммунистической пропагандой в их головы, да и, присущий российскому народу патриотизм, гений Отца Всех Народов, и нерушимая вера в справедливость этой народной войны. Не знаю, к счастью или к несчастью, но большинство из них не дожили до наших дней. Но память об их, поистине героических подвигах, народ сохранил в своих сердцах.

.....X.....

Плотный утренний туман ещё не поднялся к верхушкам деревьев и нежно укутывал бруствер траншеи. Молоденький лейтенант, еще не полностью проснувшийся, придерживая планшет рукой, зевая, не спеша пробирался по плохо утопанному дну свежее выкопанной траншеи. Начавшаяся артподготовка противника говорила о возможной и скорой атаке немцев. Атаке, в которой, его, практически полностью уничтоженному взводу, и при отсутствии снарядов к двум исправным пушкам не чем было противостоять противнику. Вражеский снаряд разорвался совсем близко, и лейтенанта с головы до ног окатило сырой землей. Отряхиваясь и протирая глаза, он споткнулся о ноги вжавшегося всем телом в землю солдата.

--Кто?

--Спросил он.

Солдат присел, облокотясь на стенку траншеи.

--Бондарев, товарищ лейтенант.

--Ну, Лукич, ты и зарылся как крот. Одна грудь с заду торчит.

--Да нет. То не крот я, а совсем наоборот. Я же, як та ящерица, у которой фост, ёлкин корень, оторвало.

--Где взвод?

--Да кто ж его знает... Поразбежались некоторые. Все кто не ранен, тут. А кто в воронке сидят. Подзалегли. Скоро, видать, немец добивать нас ползет. Ждут, сукины дети, елкин корень, когда туман сойдёт.

--Дуй к воронке и тащи их всех, кто может еще ползти, сюда.

--А ежели не пойдут? Не всхотят.

--Что значит не всхотят? В дезертиры, что ли, хотят записаться? Тогда с ними по законам военного времени! Ползи!..

Лукич перебросил автомат через плечо и, чертыхаясь, полез на бруствер. Настроение у него было хреновое, если не сказать круче. Ночью почти не сомкнул глаз, так как было голодно и холодно. Горячую пищу, тыловики не подвозили уже второй день, а командирские сто грамм из НЗ лейтенанта плохо согревали, не говоря уже об утолении бурчалки в животе, которая от спирта только трещала еще бойчее. А тут ещё и икота вдруг ни с того, ни с сего откуда—то выскочила, зараза, елкин корень... И громкая такая... Даже перед ребятами неудобно. Ещё подумают со страху... Вот уж где подначки--то пойдут. Одна срамней другой. Что—что, а уж на это они мастера... Куда там.... Профессионалы! И про полные штаны ...И ещё про что--нибудь похлеще... У тебя, мол, Лукич, от страха так зубы стучат, что конца артподготовки не будет слышно... А страх--то он перед каждой атакой, конечно, всегда есть. А то как же без него--то?... Да кому это охота из насыженной траншеи, а то ещё и из теплого блиндажа на сырой склизкий бруствер под немецкую пулю лезть? Дураков нынче нет. Все на гражданке остались, в теплом доме, у печки, елкин корень...Конечно, на войне много разных средств существует, чтобы страх этот унять. Можно заорать во всю глотку :« За Родину , за Сталина!» Можно вопить: « Урра!» Вон Нечипайло, так тот, вообще, такие матюги бросает--уши вянут. Много способов есть, много! И у каждого свой талисман, заговоренный, как бы! Но что там не кричи, а убивать—то всё равно убивают. Против пули или осколка гранаты или мины никто ещё крика не придумал! Никто... Хотя чего бояться--то? На гражданке у него никого не осталось. Жены, детей не завёл, не успел. Да и с невестой такой, чтобы с ней в законный брак с удовольствием идти--тоже не представился случай встретиться. Старики ещё до войны померли. Никто его не ждёт...Ну, разве что, соседка по коммуналке, Катька--Катерина, мягкая перина. С ней у него, с одной стороны, чего--то, вроде, как бы и было, а с другой стороны -- и не было....Скорее, и не было... В последнее время, аккуратно перед самой мобилизацией, к ней учитель из восьмой квартиры, что выше этажом на его же лестнице, повадился тайком шастать. Да букеты дешёвые всё за пазухой таскал, для маскировки. Интеллигент вшивый в очках, шляпе и с парусиновым портфелем под мышкой. Надушит моднячком «Шипром» так, что от него собаки и кошки шарахаются, и крадётся, гад....Но самое главное, так это то, что Катька, когда этот хмырь болотный у её, к себе в комнату не допускала. Говорила в щелку двери, что он ей бухгалтерский отчет помогает писать. Врала же, сучка! Сто процентов врала. И провожать не пришла...

Так за раздумьем он незаметно и дополз до воронки.

Лейтенант стряхнул комья глины с шинели и простуженно просипел:

-- Нечипайло! Ты куда провалился? Слышишь меня?

Из-- за поворота траншеи на карачках выполз до бровей измазанный глиной, неряшливо одетый солдат в дырявой пилотке.

--Як чего же не вслышу? Зараз вас вслышу, товарищ влейтенант. Добре, как вслышу.

--Где каска?

Солдат почесал за ухом, и громко сморкнувшись поочередно из обеих ноздрей виновато пропел:

--Да вона, в колодезь свалилась, як я над водой внагибнулся.

--Удивительно, как это ты сам туда не внагибнулся, чертяка. Сними с убитого и надень.

--Да тож нечестно вбудеть. Там же фамилья не моя вбудет написана .

--Перед кем это нечестно? Перед убитым товарищем, что ли? Ну, ты даёшь! Вот башку тебе оторвёт под корень, тогда честно будет!

--Так, товарищ влейтенант, вдак ежели воторвёт, вдак и каска не поможе.

--Ты мне не философствуй, а выполняй приказ. Обалдуй...

-Як я вразве философствую, товарищ влейтенант. Я ведь как понимаю своей головой:--каска як вона же до плечей не достает? Она вже тильки лоб забранироваает?

--А ты две возьми, да ширинку одной забронируй, умник.

Через бруствер в траншею скатился Лукич и с ним пятеро солдат. Вымазанные глиной с головы до ног, с сунувшимися от усталости и недосыпания лицами, потухшими глазами они представляли собой довольно жалкое зрелище. Лейтенант грустно оглядел остатки своего бывшего воинства и, достав из кармана шинели мятую пачку «Казбека», мрачно окинул взглядом синюю этикетку и нервно закурил. Лихой всадник на крутом, вздыбившемся коне имел очень малое сходство с солдатами его взвода, которых выстроил перед ним совсем еще молодой парень, сержант Лукич. Папиросы в коробке закончились. Осталась в кармане шинели только подмокшая пачка «Беломорканала». Впрочем, еще меньшее сходство имел лихой наездник и с героическими строителями этого, никому не нужного канала, на котором сложили свои, ни в чем неповинные головы, десятки, если не сотни тысяч, зеков. Родной брат отца-- дядька лейтенанта был среди них. В тот раз ему с отцом посчастливилось: хотя и издалека но всё же увидеть его и его сотоварищей по лагерю. Зрелище этих ходячих полутрупов его ужаснуло, и оставило неизгладимый след в ещё неокрепшей юной душе, беспредельно преданного Родине, Партии и Великому Вождю, комсомольца, нанеся сильнейший удар по психике. Он хорошо знал своего дядьку, командарма танковой дивизии, красивого храброго командира с залихватским светлым чубом и усами Чапаева. Какое--то время он даже жил у них в семье. В его сознании пионера, а затем юного комсомольца именно он был воплощением преданного коммуниста--ленинца! Дядька катал его на танке и однажды дал ему, пятнадцатилетнему пацану, сесть за рычаги тяжёлой машины и самостоятельно провести танк через полосу препятствий. Дядьку взяли в тридцать шестом как японского шпиона,

но по ходатайству самого наркома обороны заменили расстрел на рытьё этого, проклятого Богом и зеками, «Беломорканала»,-- этой «важнейшей коммунистической стройки». Насколько она оказалась важной для экономики страны, показало время. За первые пять лет после завершения работ, через её, поистине «золотые» шлюзы ада, прошло всего несколько десятков маломерных судов. После увиденного на стройке парень хотел подать заявление о выходе из комсомола, но отец разубедил его, доходчиво объяснив возможные последствия этого необдуманного юношеского порыва. После окончания школы в 41 году, он пошел в военное училище и, не закончив его, был призван в чине младшего лейтенанта в артиллерию.

Лукич кое-- как подровнял строй и устало рявкнул:

--Товарищ лейтенант, по вашему приказанию...

Лейтенант вяло махнул рукой, что должно было означать команду:-- «отставить», и грустно спросил:

--Это всё?

--Так точно, товарищ лейтенант. Санитарка и пять раненных дожидаются в воронке...

--Как ты доложил:--дожидаются?

--Так точно, товарищ лейтенант.

--Хорошенькое слово ты подобрал--дожидаются... И кого, и чего они там дожидаются, --не спросил у них?

--Никак нет, товарищ лейтенант, не выпросил, елкин корень... Как--то в башку не пришло спросить...

--А сам --то ты, как думаешь?

Лукич почесал лоб под каской и неуверенно прогнусавил:

--Чего, чего....А чего и ждать--то в нашем положении, окромя немецкой атаки, товарищ лейтенант. Окромя её, родимой, и ждать ничего не приходится, елкин корень... Разве что, пожрать чего тыловые привезут, ежели они близенько от нас, но до атаки уж точно не успеют. Не успеют, елкин корень... Тут и к гадалке не ходи.

--Пять, говоришь, и плюс Валентина... Положеньице, нуте--нате...--хрен в томате.... Передвигаться --то хоть немного они способны? Скажем, хоть до того леса дойти?...

--Да как вам сказать,...елкин корень, Разве, что Бобров...У него ранение в две руки, но ноги целы, но он с автоматом управляться не сможет. А Семенюк, Лифшиц, Кирза и Мылин --те навряд,... елкин корень...Навряд...

--Да... . А комвзвода помер?

--На небушко ушёл, родимый. К ангелам подался ещё до обстрела. Уже и охладел поди... Елкин корень...

--А это кто еще ползёт?

--Этот--то? Конечно же, рядовой Нечипайло. А кто же окромя его? Он каску искать аж за воронку ползал. У его же, сами знаете,--циндром запоздания.

--Не циндром, а синдром. Выучи ты хоть это, в конце концов.

--Выучу, товарищ лейтенант. Видит Бог, обязательно выучу. Сразу же после победы над лютым врагом Гитлером и выучу, елкин корень...

Лейтенант устало махнул рукой и едва успел отскочить от свалившегося с бруствера чуть ли ни ему на голову грузного тела бойца.

--Нечипайло, опять наряд вне очереди захотел? И что это у тебя на голове за каска? Ты, часом, её не у самого ли фюрера слямзил?

--Ни, втоварищ влетенант. С простого вфрица вдохлого одолжил на времечко. Он и так полежит.

Дружный хохот бойцов и их реплики заглушили его оправдания

--Нет, братки, он её с Геббельса стянул, оттого так долго и полз. Шутка сказать, это же сколько надо в положении-- «задница в небо», ползти до Берлина и обратно?

--А что, ребята, ему идёт! А? Нечипайло, из тебя фартовый фриц получится, ты вот только штаны подтяни.

--Его, братки, надо в разведку, за языком к фрицам послать. Он там точно за своего сойдет! Только его по запашку бы не опознали...

Лейтенант снял с головы смущённого солдата каску и брезгливо выкинул её за бруствер.

--Ты что перед самой атакой цирк разыгрывать решил? Другого времени не нашёл?

Нечипайло захлюпал носом и виновато заблеял:

--Да вже валялась вчистенькая, а я вдак подумав: ни водним ли чёрт вчем свой лоб прикрыть... Пуля она вже вдура... Ей всё одно от какой каски вотскакивать? Шо от своей фашистской, шо от нашей всоветской? А шо, ни так?

--Хорошо сказал, что лоб она прикрывает, а не мозги. Ползи назад и найди нашу. Взвод подтянись, отставить смешки. Не до того сейчас. Вольно. Садись. Курите. Ну что, ребятки, дело наше, похоже, дерьмо. На сей раз, вроде бы, фрицы своё берут. На этом участке фронта мы отвоевались. Полк отошёл, как говорится, в сводках информбюро, на ранее намеченные тыловые рубежи. Соседи: третья и вторая батареи прикрытия уничтожены огнем значительно превосходящими нас на этом участке силами противника. Пора отходить и нам. Командир наш убит. Мост взорван. Будем ждать темноты и ночью попытаемся форсировать реку... Если, конечно, немцы не пойдут в атаку. Но они пока молчат. Может и передумали. Будут брать измором, а скорее всего, им неохота без толку укладывать своих ради взвода наших. Будут, сволочи, ждать, пока мы сами не сдадимся или не смоемся. Для того и пугнули нас ложной артподготовкой. Пушки дарить я им не собираюсь. Они хоть и без боекомплектов, но стрелять из них можно, и ещё как. Было бы чем... И, конечно, нам

вслед. Позволить им сделать это я не могу, а, потому, какие будут на этот счет предложения? Я лично, думаю, что их надо разукomплектовать, то есть снять затворы, и закопать их вместе с прицелами.

--Восстановят, товарищ лейтенант! Как пить дать, восстановят. Это им как два пальца обоссать! Вон кругом сколько пушек подбитых валяется. В тыл свезут, и укomплектуют. Да их и возить—то в тыл не надо, на месте соберут.

--Взорвать их надо, елкин корень.

--Чем взрывать--то будешь, Лукич? Уж не гранатами ли?

--И то верно. Гранатой её, голубушку, не возьмёшь. Тут, елкин корень, что--то покрепче требуется. Рвануть их надо с землицей в стволе. Вот какой коленкор. Елкин корень.

--С землицей--то, оно бы, конечно, милое дело, да где же, братки, хоть парочку снарядов раздобыть? Был бы старшина Трусин в порядке, он бы что--нибудь обязательно сообразил. Лукич, он как тебе там,... в воронке показался?...Шансы на выживание есть?

--Как, как.... Дышать-- дышал, елкин корень, но не так уж, чтобы шибко....

--А говорить и соображать мог?

--А кто его знает. Это Валентину надо спросить. Она, елкин корень, в этом вопросе поболее меня в курсе.

Лейтенант затоптал окурок и подозвал солдата, сидящего на лафете, почти по ствол закопанной в землю пушки.

--Вась, слазь ещё разок в воронку, погляди, как там Трусин. И если он... ну...более--менее,... ну, в общем, сам понимаешь, подтащи его к траншее... Скажи, я очень просил. А если Валентина будет шуметь, не слушай её. Скажи, я приказал. Понял?

--А чо тут не понять, дотащу живого или мертвого. Не впервой, поди... А, между прочим, там, в ящичке еще три снаряда с отсыревшими капсюлями валяются...

--Да кому они с мокрыми капсюлями нужны, елкин корень. Разве, что Гитлеру в задницу забить?

--Так что, товарищ лейтенант, мне за Трусиным ползти или принести их Лукичу, чтобы он к фюреру в Берлин смотался, на предмет забить ему снаряд промеж этих самых ягодиц?

--Отставить шутки, нашли время. Я вот что думаю, а что если эти капсюля вытащить, да вместо них детонаторы от гранат вставить .

--Верно, товарищ лейтенант. На последний-- то раз можно. В сырой гильзе дырку поглубже проковыряем и айда. Как говорится, писец кошке--больше гадить под столом не будет.

--Кулибин вы, товарищ лейтенант. Чистой воды Кулибин. Вот, фрицем буду, тому, кто сможет их вытащить и не подорваться, я, елкин корень, медаль свою отдам. Не пожалею! Видит бог, не пожалею.

Лейтенант задумался. Конечно, это может быть лучшим решением, но гнать бойца, который за столь опасное дело возьмется, это практически отправить его на верную смерть?... Имеет ли он на это право. Да он--то имеет.... Война, есть война... Приказали--исполняй... Да вот существует такая противная иной раз штука под названием--совесть...

--Так ты, Лукич, считаешь, это может получиться?

Лукич почесал затылок. Аккуратно оторвал квадратик от газеты. Не спеша скрутил самокрутку. Профессионально поплюнул её и заклеил. Зажёг. Крепко затянулся и, выпустив облако дыма, утвердительно кивнул головой.

--Тут ведь какое дело, елкин корень, тут ведь главное, как говорится, не забздеть, когда сырой капсулю ковыряешь да вытаскиваешь. А уж тут, конечно, обязательно надобно перекреститься три раза. И плюнуть разок через левое плечо. Это обязательно. Да «Отче наш» прочесть, молитва такая есть для еного дела. Меня бабка отцова, когда я у ей в деревне летом жил, учила. Даже по лбу деревянной ложкой была, ежели какое слово забывал. Такое дело, елкин корень.

Васька приложился к фляжке со спиртом. Громко выдохнул и спросил вроде как бы без особого интереса.

--А молитву--то эту кто читать должен, тот, кто капсулю из гильзы тянет, или за него кто другой может её мамане --боженьке зачитать?

--Ясно дело, сам. Господь, он же должен понять, кто же его за жизнь свою просит, Василий или Иван, или Петр? Молитва, Василий, дело тонкое и ответственное. Это тебе не за девками бегать, да под юбками у их шарить, елкин корень, тут душа твоя должна быть молитвою полна до краёв, и душу эту свою ты вместе с молитвой и отправляешь напрямиком к Спасителю. А он её получает и, как там у их водится по уставу, выносит на общее собрание святых. Советуется, значит, с апостолами, и они уже коллективно, как в Кремле на политбюро, решают: удовлетворить твою просьбу или, елкин корень, послать тебя подальше к ядреней фене, на хутор бабочек ловить!

--Ни хрена себе!... Так, сколько же на это времени--то надо, елкин корень?! Это, ежели, на личное дело каждого просителя полное партийное бюро святых устраивать, никакого прогресса тебе не будет! Одна сплошная волокита! У нас в колхозе, еще при старом председателе, так все собрания членов проходили. Оттого, почитай, и времени на работу в поле уже и не оставалось. Оттого и план по заготовкам не выполняли. А потом из края приехал представитель в портупее и с наганом. Посидел на таком собрании и председателя увез в тюрьму, без права переписки на десять лет. И все сразу и наладилось. И собрания закончились, и трудодни, хоть и небольшие, но сразу пошли.

Лейтенант хмыкнул и еще раз оглядел жалкие остатки своих богатырей в драных мокрых насквозь шинелях и стоптанных, а где и в дырявых кирзовых сапогах.

--Добровольцы есть?

Унылое молчание было красноречивым ответом.

--Ну, так что, герои? Мне самому назначать, или жребий потянем?

С бруствера в траншею шумно свалился Нечипайло с двумя касками. Одна в руках, другая, надетая задом наперёд--на голове. Дружный хохот прервал затянувшуюся паузу. Нечипайло в недоумении оглядел обе каски, поменял их местами. Довольный произведённым эффектом, он вытащил трофейный кисет с вышитым на нём сердечком и надписью по--немецки: « Дарю тебе моё горячее девичье сердце, Фриц», начал не спеша сворачивать самокрутку. Хохот товарищей ни с какой стороны не трогал его. Он привык к подобному выражению чувств однополчан, когда дело касалось непосредственно его персоны. Нечипайло уважал в этой жизни три вещи: во--первых, конечно, Родину. А как же без этого? В это понятие входило: родное село, с покосившейся хатой прапрадедушкиной работы, с вечно текущей соломенной крышей, стоящей почти на самой дороге. Полусгнивший сарай постройки тех же древних годов. Коровы Люська, два хряка, маманя, сеструха Файка и придурочная, косая на один глаз приживалка тётка Таисья Долбанутая в детстве лошадиным копытом, след от которого так и отпечатался у неё на лбу на всю её бессмысленную жизнь, тетка в племяннике души не чаяла и воспитывала его в своих, может и убогих, но на редкость твёрдых понятиях. Школу — семилетку они закончили за двенадцать лет, третий и пятый класс конечно, закончили на одних тройках, но всё же умудрились каждый из них одолеть за год, и очень гордились двумя этими победами. Жизненные соки, которыми природа--мать одарила его в полной мере, не добравшись до его головы, видать, далеко им было, пошли в мышцы, и по силе он был первым парнем на селе. Мог вместо лошади тащить телегу с сеном. В колхозе был лучшим косцом летом и скотником-- зимой. Местные красавицы его игнорировали за бесперспективность после женитьбы, зато девки, что попроще, ластились без меры, прижимались, да на танцах в клубе он и у стенки не стоял, и на сеновал один опосля танцев не залазил. Следующим уважением пользовалась охота и , конечно, само собой, охотничья собака по кличке Матрос--сучий нос! Пес был чистейших дворянских собачьих кровей, но для охотничьей моды, его бывший, ушедший в лучший мир старый хозяин, подрубил собакину хвост и выдавал за малорослого дога. Дворняга была смышлёная и ласковая, как и большинство безродных бродячих собак. Дело своё знала, плавала и приносила из озера уток--подранок .Нюх имела преотличный, и даже насобачилась поднимать переднюю лапу и становиться в стойку перед добычей. Нового хозяина любила почти так же, как и тётка Таисия, и ходила за ним тенью даже на танцы в клуб, а тем паче, на сеновал с девками.. Но третьим, бесконечно трепетным уважением и пылкой любовью его и тетки был ,безусловно, Вождь Всех Народов, Светоч Партии, Дорогой Товарищ Иосиф Виссарионович Сталин. Тот самый, который даровал ему безмятежное, счастливое, хотя и шибко голодное детство, а также всё, что я перечислил до этого. В Бога, который почему —то, высоко на небе, за тучами, прятался от населения всей земли, Нечипайло не верил. Да и на кой хрен ему сдался этот неземной, невидимый, витающий где--то в тучах Бог, когда в каждой газете, в каждой передаче по радио, в каждом кино, живой Вождь улыбался ему и всем, всем гражданам Великой ,непобедимой, самой при самой, замечательной и сильной в мире страны! И не только им, своим детям, но даже его собаке Матросу. Пес, когда слышал по радио слово--Сталин, громко гавкал от счастья и уважения к Великому на весь мир Вождю. А вот при слове Ленин такой реакции не проявлял. Из чего тётка Тасья и Нечипайло считали, что даже собака понимает, что дедушка Ленин ниже по чину, чем товарищ Сталин Иосиф Виссарионович! К тому же, тот уже давно сушился под лампами в Мавзолее, где--то в далекой Москве, от которой до ихнего украинского села было ехать и ехать, как, всё равно что до Луны. И хоть во всех газетах каждый день и ввали, что он вечно живой, Нечипайло и тётка понимали, что вся эта брехня для понта. Для засирания мозгов простым рабочим и крестьянам. Где это видано, чтобы заспиртованный в формалине, выпрошенный изнутри мертвяк, считай скелет, обтянутый как барабан выдубленной кожей, был живым? Хоть ты

каким бы большевиком не был, хоть первым по партийному списку, хоть вторым! Да и совести у него видать не-- много было. Одних попов сколько перебил да перевешал, а сколько церковью порушил, да колоколов порасколочил! А раскулачил и по миру пустил сколько добротных рукастых семей! А вот за дорогого и всеми любимого товарища Сталина, вождя мирового пролетариата и крестьянства и он, и тетка Таисья готовы были отдать свои жизни, хоть сейчас, хоть когда! И как только началась эта справедливая, победоносная война, тетка собрала, всё, что было в доме из еды в полотняный мешок и сама отвела племянника в военкомат. Его определили в артиллерию. И вот тут--то на фронте натренированные в колхозе его стальные мускулыгодились как нельзя лучше. Он один мог подносить снарядные ящики, которые, и двоим—то солдатам было по силам только в самый раз. Легко разворачивал пушку за лафет и подцеплял её к конной тяге. А когда пара коней была не в силах вытащить колеса пушки из грязи, он впрягался третьим, и проблема решалась нараз. Во взводе его любили, но если возникал хотя бы малейший повод для подначки, подшучивали над его несколько замедленным способом мышления от души. Его несколько замедленного действия мозг шуток не воспринимал, во всяком случае, сразу, а позже он о них просто забывал. На дружеские подначки отвечал серьёзно: вопрос—ответ!

--Ну, мужик, ты даёшь! Вторая каска--то тебе зачем? Про запас, поди, если пуля первую насквозь пробьёт и из затылка выйдёт. Так или как?

--Ребята, зачем ему, вообще, каска нужна. Она же железная, а лоб--то у него стальной? Любая пуля отскочит, даже бронебойная! Верно же, Нечипайло?

Нечипайло переждал хохот и, раскурив самокрутку спокойно отпарировал:

--Не путай, вострянной. Это моей тетке Таисье лошадь копытом лоб не сподобилась впробить, а у меня--то лоб самый выбыкновенный, из кости и кожи, как у всех. Верно же, втоварищ лейтенант.

Лейтенант, едва сдерживая смех, высморкался для вида и, стараясь выглядеть строгим начальником, скомандовал:

--Отставить смех, тоже мне нашли время. Нечипайло, возьмите из ящика три снаряда с сырыми капсюлями и помогите сержанту поменять эти капсюли на детонаторы от гранат. Задание ясно?

--А чо вже внясного тут? Все вже яснее ясного. Водни треба виволочь с гильзы, а вторые, вкаторые с гранат, в ихуиевые вже дырки и вставить.

--Выполняй, только осторожно.

Один из бойцов хмыкнул в рукав и, как можно более серьёзно, заметил:

--Ты, браток, когда сержант разряжать снаряд будет, развернись к нему тылом, встань как твоя собака Барбос--сучий на четыре лапы, вторую каску

на задницу покрепче натяни и закрепи ремешком в паху за эту самую штуку... Вот тут—то, в аккурат, тебе немецкая и сгодится. Сержант, а ты проверь, крепко ли она у него на ягодицах сидит, мало ли что может приключиться. Тут, ты сам понимаешь, дело такое—тонкое....

Под дружный хохот сержант с Нечипайло уползли в соседнюю воронку, рядом с той, в которой с горсткой раненых сидела медсестра Валентина, предмет безответной любви, взаимной ревности и неосуществимой мечты всех солдат взвода. Не избежал этих чувств и молодой лейтенант, двадцатилетний выпускник, куйбышевской офицерской школы, закончивший её в аккурат двадцатого июня 1941 года и прямиком отправленный на фронт. Правда, перед отправкой ему разрешили заскочить домой, взять пару сменного нижнего белья, и простится с родителями. Невесту он так же, как и Лукич, да и многие солдаты и молодые командиры завести не успел. В девятом классе, как и положено, у него случился нормальный школьный роман, но сразу после

десятого он, сразу же, попал в школу лейтенантов, а она уехала в столицу и поступила в иняз. Год они обменивались нечастыми письмами. Интервалы становились все длиннее. Новые подружки, толпившиеся стайками у КПП его школы и новые друзья у неё в институте. Новые жаркие поцелуи с новыми друзьями постепенно погасили яркие впечатления первых школьных платонических сексуальных всплесков. Последний обмен письмами произошел за три месяца до начала войны. На вокзал его провожали только мама с папой, младшая сестрёнка с кошкой на руках и соседская собака, которую он часто подкармливал, таская кусочки колбасы из холодильника на коммунальной кухне. Командир из него получился отличный. Храбрый и соображающий. Его батарея 37 мм. пушек считалась лучшей в дивизии, и комполка полковник Хорошев перед самым отходом из окружения представил его к «Красной звезде» Но представление сгнуло вместе с попавшей в окружение, разбежавшейся по лесам и потонувшей в белорусских болотах дивизией. Батарея--единственное подразделение, которое осталось на последнем занятом рубеже, до последнего снаряда прикрывала отход главных сил. И вот сейчас, когда не осталось ни одного годного снаряда и большей части солдат, была вынуждена разделить судьбу погибшей, а скорее разбежавшейся от страха и безнадежности дальнейшего сопротивления врагу дивизии. Немцы не спешили с последними атаками на оставшийся без боеприпасов жалкий взвод. Они понимали, что эта горстка измученных голодных солдат никуда не денется, и незачем тратить на них своих людей. Лейтенант знал, что положение взвода критическое. Надо было срочно уходить, но сердце обливалось кровью, когда он думал о том, что две его боевые красавицы, целехонькие и невредимые достанутся врагу.

--Лукич, выруби жердь для трамбовки земли в стволе, а вы Гребнев ему помогите. Ганкин, Булочкин, снять прицелы, разбить и зарыть в землю. Лукич прижался виском к пламегасителю ствола и что--то тихим шепотом бубнил про себя:

--Прости, старушка, прости родная. Я тебя, елкин корень, если Господь ещё жизни маненько даст, век не забуду.

Лейтенант отвернувшись, смахнул слезу со щеки и стараясь сохранить командирский тон окликнул бойца:

--Кухолев, пришли санинструктора, а сам посиди в воронке ранеными. Лукич, что ты гладишь ствол нашей подружки, как невесту. Быстро выполнять приказ.

Он мало верил, что идея с детонаторами пройдет, но другого способа лишить пушек боеспособности не видел. Да его, пожалуй, и не было. Через бруствер в траншею вползли санинструктор Валентина и старшина Трусин. Голова старшины была забинтована, бинты пропитались свежей кровью. Двигался он не уверенно, опираясь на Валентину. На вымазанной глиной гимнастерке выстроились в ряд орден «Красного знамени», медаль «За отвагу», которую вместе с солдатским орденом «Славы», старшина ценил выше всех остальных и несколько других медалей. Трусова во взводе любили. И не только за твердый справедливый характер и личную храбрость, но и за занимательные рассказы из мировой и российской истории, которые на привалах солдаты слушали с открытым ртом. До войны он был учителем истории в старших классах. Увлекался археологией и, обладая блестящей памятью, казалось, знал всё на свете. Ни для кого не было тайной, что недоступная королева взвода Валечка, явно выделяет старшину из всех остальных претендентов на её персональное внимание. Имея высшее образование и трехгодичный обязательной срок службы в армии после института, он уже, как минимум, должен

был носить лейтенантские или даже капитанские погоны, но в первый же месяц войны оспорил дурацкий безграмотный приказ командира дивизии дряхлеющего выживающего из ума конника, ничего не смыслившего в тонкостях артиллерийского мастерства, грубого и мстительного бывшего буденовского комэска, и был разжалован в солдаты. На судьбу не роптал, считал, что легко отделался тогда. А ведь мог бы, и загреметь в штрафбат.... Валентина ему тоже очень симпатизировала. Однако война не городская танцплощадка, а вой и грохот разорвавшихся снарядов, не сладостный сексуальный звук патефонной пластинки. Солдатские эмоции глубоко запрятаны под броней тяжелых сырых шинелей и гимнастеров, пропитанных потом, страхом, отчаянием, ненавистью к врагу и тяжестью бесконечных переходов. Война со всеми ее далеко не романтическими заботами забирала всего человека в жесткий кулак, напроць, отсекая всё, что ни касалось лично ее варварских кровавых интересов. И трепетные, едва пробившиеся ростки любви, всё же, иной раз пробуждающейся в молодых горячих сердцах, влюблённые, как правило, старались откладывать за далёкий, невероятно желанный и счастливый день победы. Правда, Трусов, хоть по годам был тоже очень молод, был уже далеко не мальчик, и в довоенной жизни повидал ни мало, но былой опыт, отнюдь, не гарантирует запрета появления новой влюблённости, а, может быть, даже наоборот, стимулирует её новое пробуждение. Лейтенант обнял старшину и прижался щекой к щеке.

--Оклемаля, значит. Спасибо тебе, Валентина. А то, я было загрузил, когда Нечипайло записал его в покойнички.

--Я тут не причём, товарищ лейтенант, ей Богу не причём. Это он сам. Я думала уже всё. Ведь без всяких признаков..... Только, разве что, ещё теплый...А тут,-- нате вам, вдруг встал в полный рост. Дай, говорит, попить. Причем спокойно так. Как будто, только, что и не лежал себе покойничком. Я от неожиданности чуть в обморок не упала. Даже страшно как то стало....Новое явление Христа народу... Картина такая есть. Я её в книжке видела. А что, Трусин похож на Христа с иконы? Верно же?

Трусин засмеялся.

--Спасибо Валюша, но сейчас, скорее, на чёрта в сапогах, чтобы упрятать копыта. А насчёт упасть в обморок, это ты оставь. Ты у нас девушка героическая, тебя воскресшим жмуриком не возьмёшь. Кстати, а где Лукич, товарищ лейтенант?

--Да жив он, жив. Жив и здоров, как и его «ёлкин корень». Не волнуйся. За жердью пошёл. Пушки--матушки подрывать будем.

--Ой, жалость то, какая... Они же, почитай, живые...Родимые наши девчухи...

--Жалко--то оно, конечно, жалко, да только жалко знаешь где?...Другого выхода Валечка нет. А живыми отдавать их в плен немцам, чтобы они потом по нашим же били,--это что, лучше?.

Трусин почесал в затылке и попросил у Гребнева самосада. Свернул сигарку. Лицо у него было напряжённое. Видно какая--то тяжелая мысль неотвязно давила на мозг.

--Уходить будем, лейтенант?

--А у тебя есть другие предложения? Можем, конечно, к фрицам на поклон пойти. Вон они в листовках пишут, как в их концлагерях пленным сладко живётся... Окружены мы старшина со всех

сторон, так я думаю. И пробираться к нашим надо будет всем порознь. Ты--то как? Передвигаться сможешь?

--Могу, командир, могу. Меня малость контузило, но это же не смертельно. В истории войн таких примеров было множество. Багратиона так же контузило. С адмиралом Ушаковым похожая история была.. С Нельсоном даже дважды.... И ничего, обходилось. И битвы выигрывали, оставшись в строю. А мы что, хуже, что ли наших предков? Верно же Гребнев?

--А я в кинофильме видел своими глазами, как одному адмиралу башку снарядом начисто снесло. Было такое?

--Было. Фамилия этого адмирала...

Трусин схватился руками за голову и потерял сознание. Гребнев едва успел его подхватить. Валя вскрикнула и наклонилась над старшиной, пытаясь привести его в чувство.

Лейтенант поднял с земли оброненную Трусиным дымящуюся сигарку и, оторвав мокрый конец газеты, глубоко затянулся. Адская смесь самосада с сырой махоркой, выбила слезы из глаз и заставила его сильно закашляться. Он обтер глаза и нос мокрым грязным рукавом шинели и ни к кому, конкретно не обращаясь, озабоченно и грустно произнёс:

--Похоже, наш великий историк не ходун. Надо будет и его нести. Гребнев возьми ещё кого--нибудь из ребят и сообразите пяток носилок. Валя, как там твои?

--Трое умерли: Лившиц, Мылин и Кирза. Батюшкин и Свирич, пока не приходят в сознание... Боюсь и не придут.

--Так.... Выходит, двое и Трусин...Гребнёв, носилок трое.

На краю траншеи показался Нечипайло с двумя снарядами подмышками. На лице его играла счастливая улыбка.

Ты чему радуешься, чёртик мазанный, перемазанный?

--А чо? Вжисть она идёт. Птички вчирикают. лягухи квочат. Живи и радуйся пока жив. Верно же, втоварищ влейтенант? Сейчас я штык в воронку взакину и лады.

-- Дурень радуется, быть беде. В народе говорят....

Проворчал Гребнёв, И не успел он закончить фразу, как в воронке раздался сильный взрыв, и комья глины попадали в траншею. Нечипайло дико заорал и, бросив снаряды, смешно, как ящерица, вихляя задом, быстро пополз к воронке. Лейтенант и солдаты сняли пилотки. Валентина всплакнула.

Лейтенант поправил и без того прекрасно сидевшую портупею и бросил:

--Четверо носилок.

Трусин, вдруг, как будто ничего и не произошло, поднялся на ноги и закончил начатую до обморока фразу:

--Фамилия этого адмирала, Макаров....

-----X-----

Свист и грохот разрывов затих. Лукич поднялся с земли, отряхнул ватник, ощупал себя и удовлетворенно произнёс:

--Кажись живой, елкин корень. И вроде бы даже осколками не задело. Видать Господь на моей стороне, прикрыл, заступился. А где же это я? Ага, понял, ёлкин корень, на полигоне. Конечно на полигоне... Вот и корзинка с грибами обернулась. Да, везунчик ты, Лукич, везунчик, ёлкин корень. Старый хрен... Хотя, как обормотом ты в свои молодые годы был, так и в старости обормотом и остался....Опять перепутал чётные числа в календаре с нечётными...

Он поднял перевернутую корзинку с рассыпавшимися грибами и, ползая по сырой траве начал их подбирать и складывать обратно.

Это же надо что бы было такое... Кажись, войну пережил, домой вернулся, семью создал с детьми и внуками, а тут такое... А ватник всё же запортило краем... Бояться сильно стал я этого свиста... В войну—то, наверное, попривык. Валентина говорила, что как и все кланялся, конечно, каждой болванке, но в штаны уже не накладывал... Это хорошо, что мясца, а того ещё хуже костей не прихватило, елкин корень. Видать смысленый осколок попался... А, скорее, Господь отвел его чуток. А ведь лейтенант упреждал меня, старого дурака:-- Лукич, не перепутай четные с нечётными. В календаре для верности пометь... А я ...Эх, ёлкин корень... По нечётным по грибы на полигон ни ногой, понял, по нечетным—стрельбы. А я, выходит, старый хрен, перепутал... Да, память—то с той контузии совсем сдала... Совсем. А лейтенант наш, молодец! Молодец, ёлкин корень. Его и годы —то вроде как и не берут. Моложавый, опять же при полном уме, осанке и памяти, а уж ему—то, пожалуй, уже ого—го—го..., а то и поболее. Он меня всего —то года на два и помладше. В войну—то совсем соплёнком был, ёлкин корень, а уже батареей командовал. И неплохо командовал, Валентина много про него рассказывала. Много и хорошо. И надо же, до полковника дослужился! Ещё бы чуть—чуть и самим генералом бы стал. Да вот списали по годам на пенсион, в отставку. Хорошо форму да барашковую папаху не отобрали. С нашей—то мудрой, а скорее с мудатской властью и такое могло случиться. Могло...С нашими—то нынешними недоумками ещё как могло....Не выслужился, видать. Не те места лизал... Или язык, видать, не достаточно шершавый у его. А, скорее и, вообще, не подлаживался. Он у нас такой....Гордостью не обделён от рождения.

Новый залп, сильный свист и близкие разрывы заставили Лукича заново прилечь, ползком, боком, боком отползти от греха подальше к краю полигона, и залезть в старую воронку.

Надо идти. Вторая очередь, видать начинается. Да,... кабы не та контузия, мать её женщина, ... глядишь, я бы тоже...не генералом, конечно, елкин корень, не генералом, но уж и не сторожем на дровяном складе столько—то лет не отходил бы, это уж точно... Это уж точно... Хотя, тоже, с какого боку на это поглядеть... Сейчас в наше—то смутное времечко, когда главный правитель болтун—болтуном, а пол страны воры да жульё —сторож, считай, почти что первая профессия. Заглавная, можно сказать, ёлкин корень. Сегодня без отцовской древней берданки, да хорошей собаки лучше из сторожки и не выходи. Распустился народец, распоясался от липовой свободы с непривычки..... Иосифа Виссарионовича, генералиссимуса, ох как на них не хватает. При его—то опричниках, куда как поспокойнее было. Днём участковый да дружинники на улицах порядок сохраняли, а по

ночам--черные воронки кого надо и не надо в хорошие места вывозили... Конечно, усатый--конопатый тоже зверюга был ещё тот, ни своих, ни чужих не жалел, но худо бедно войну-то при нём выиграли. Хотя и со страшными потерями, но немца со своей земли прогнали, да поучили, как положено. Чтобы сучий потрох, елкин корень, из своей германщины с пушками да танками больше к нам носа не казал. Да—а, оно, конечно, человек—то наш, генералиссимус, не самый добрый на всей планете был, но языком трепал, уж куда как поменьше нынешнего. Поменьше... И порядок при нём был... Был порядок, это уж точно!

Канонада стихла, но звон в ушах ещё не прошел. Лукич сел, вынул сигаретку «Прима». Не торопясь раскурил её отсыревшую от соприкосновения с карманом, где пачка находилась, рядом с мокрой травой, и начал прикидывать свой оправдательный разговор с женой. Придумывать правдоподобную причину, почему задержался так надолго, и как умудрился вырвать клочок ватина из ватника. Знал он, что Валентина женщина незлобивая и отходчивая, но как и большинство представительниц этого пола, который непонятно почему, елкин корень, называют слабым, дотошная, громогласная, и на каждый заданный ею вопрос обязательно требующая получения вразумительного ответа. Тут ведь что было самое важное, а самое важное это сделать так, чтобы она ни каким образом не догадалась, что он на полигоне попал под стрельбы. А коли догадается, всё! Как говорится: писец кошке, больше, зараза, под столом гадить не будет. И полигонным грибным прогулкам, считай,--крышка! Больше туда одного в жисть не пустит, хоть ты застрелись. Вот она такая крутая ейная бабская натура!

Но на этот раз всё обошлось. И здесь, видать, опять Господь своей доброй натурой вмешался. Конечно, не исключено, что он это и не самолично так сотворил, а ангелу хранителю дело Лукича перепоручил, но факт остаётся фактом—на сей раз--пронесло! Да и разговор получился короткий. Наливая густые духовитые щи спросила теплым голосом:

-- Ты где это ватник изорвал? Поди, целый килограмм ваты с корнем выдрал. Тебя что волки на полигоне драли? Или какая тигра полосатая из кустов напала?

--Волков, Валюша, давным давно в наших лесах повыбивали, а тигре из Африки больно далеко бежать за моим старым пропотевшим ватником. Сам удивился, когда увидел. А как ободрал, убей Бог и не припомню, елкин корень, видать об сук какой зацепился.

--Хорошую ты себе отговорочку нашёл, чуть что—не помню и всё тут! Забываешь, что уже годков под пятьдесят хоть и с новой, но с чистой памятью живёшь.

--Нет, я и вправду этого не припомню. А про волков есть хороший анекдот, вчерась шофёр самосвала рассказал. Я с ним твоими котлетками поделился, а он мне про волков. Идёт, значит, красная шапочка по лесу, свежие пирожки и бульончик куриный в термосе любимой бабушке несёт. Вдруг слышит топот. Бежит, значит, кто—то по лесу, елкин корень, и шибко топает. Волк—думает она. Сейчас подбежит и съест меня с косточками и прочими потрохами. А то и того хуже—обесчестит! Ну, девчонка—то она была смышленная, недаром красный берет носила, как солдаты ВДВ. Пусть, думает, он лучше честь мою девичью заберёт, чем жизнь молодую, елкин корень, начисто загубит. Ну, разделась она, значит быстренько, трусишке сняла, рядышком с телом уложила и лежит, ни жива, ни мертва, закрыв глазки и ушки от страха. Прошло минуток десять никакого насилия, а топот приближается. От страха она себе в обмороке и отключилась. Очухалась, значит, открывает глазки свои голубенькие—ни тебе пирожков в корзинке, ни термоса

с бульончиком и записка: пирожки и бульончик отдали сиротам, трусики постирали и погладили, с приветом, тимуровцы!

--Всё?

--Всё. А что, плохой анекдот?

--Для шофёра самосвала в самый раз, а что по мне, так это просто пошлятина. А что это ты моими котлета всех подряд кормишь? Если тебе много, буду давать поменьше.

--Да нет, Валюша, просто ему надо было в рейс срочно уезжать, а в нашей лавке продавщица такое объявление на закрытом окошке повесила: «Ушла на обед. Вернусь, когда наемся». Не отпускать же голодным мужика. Да и запах от твоих котлет в такое возбуждение голодного мужика привел, что он того и гляди и меня готов был вместо них съесть!

--Тебе борща налить? Давай, пока не остыл. Я его уже третий раз грею.

--Налей, есть страсть как охота. Я, Валь, что хочу тебе сказать, так получилось, что я сегодня весь наш взвод видел. И лейтенанта, и Трусина Николая Степановича, и клоуна нашего, Нечипайло. Помнишь Нечипайло?

--Да кто же его придурка забудет—то. Придурок и был. Шут гороховый! Его лейтенант зря потом в штрафбат не сдал, когда уже из окружения вышли. А ты где их- то всех видел, на карточке?

--Да нет.... Эх не хотел говорить...Да сдуру ляпнул.

--Чего ляпнул—то сдуру? Не поняла я?...

--Да, я сегодня на полигоне случайно под стрельбы попал. Числа перепутал четные с нечётными. Мне Егор Тимофеевич сказал, в какие ходить можно, а я, старый дурень, спутал. Вот, значит, и попал, елкин корень....А как снаряды стали свистеть над башкой, у меня что—то в голове и случилось....такое... Так щелкнуло что—то вдруг, и всё что было на батарее перед уходом с позиции, я разом и вспомнил, елкин корень,... Да не просто вспомнил, а всё это, почитай, как наяву я и увидел.... Узрел в самом натуральном виде, можно сказать! И что интересно, всё так чётко, как будто, всё это при мне тут же сейчас происходит...!. Представляешь?

--Ой, и что только с тобой и делать —то не знаю..... Не одно, так другое... Зашибёт же дурака ни за что. Ты вот говоришь, что Нечипайло придурок, а ты что лучше, что ли? Ох, чувствую я, дорого мне эти твои грибочки встанут. Ой, как дорого. Всё! Больше не пуцу, и даже не думай! И Егору Тимофеевичу строго настрою накажу, чтобы на дых не подпускал тебя к его чертову полигону. Тебе, с твоей беспамятной головой—то, только под снарядами на полигонах и шастать! Ешь, горе ты моё луковое, елкин корень. Ну, ей Богу, одно слово, елкин корень....Ешь, дурачок.

Лукич виновато сел за стол, но хоть пока добирался до дома, в животе бурчало от голода, ложка с дымящейся ароматной капустой и красным буряком не лезла в рот. Конечно, жена была права. Сто раз права. Рвущиеся снаряды рядышком с тобой, дело не шуточное. Если бы это еще были бы просто свистящие пустые болванки.... Просвистела, пролетела над головой, в землю зарылась, да и хрен, как говорить, с ней, елкин корень. Но, вот когда она с динамитом, и осколки метров на сто в разные стороны летят куда не попади, это другое дело... Уж что, что, а это—то он хорошо знал. На

собственном опыте мурашковых на спине испытал не одну сотню раз. Не приведи Господь ещё хоть раз попасть в такую переделку. А если с другой стороны поглядеть на это дело....Тут совсем другой коленкор получается. Потерять на такой срок прошлую память, и, потом, начинать жизнь по новой, выкинув все радости молодой довоенной жизни...Школу, первые поцелуйчики в щёчку с девчонками после уроков за сараем... Танцы на школьных вечерах и в Доме Культуры под оркестр и провожание по темным тропинкам..... Нет, этого он, конечно, не помнил. Всё это унесла проклятая контузия, елкин корень... Взрыв этого последнего для него в войну снаряда..... Но все эти радости довоенной молодости наверняка с ним были. Всё это он видел в послевоенных фильмах: «Летят журавли», «Я шагаю по Москве»...и в десятках других...И всё это украл у него этот проклятый снаряд!...Проклятый, елкин корень. Ну, а если поглядеть на это дело с другой стороны, то и плюс есть в этом беспамятстве. Есть, есть.... Не шарахнуло бы, и на Валюше-- бы не женился. Она же меня выходила тогда. В всему в новой после контузии жизни заново научила... Научила!... Куда бы я тогда без неё?... Видать, любила... Но я, хоть и без памяти, а парнем из себя тоже ничего был. Образован, правда, был не так —то уж чтобы очень, но зато характер покладистый имел . И без вредных привычек, как теперь любят выражаться в газетной литературе, елкин корень. Усы чапаевские на лице имел поначалу и стройность в теле, да и руки из нужного положенного им природой места росли, из плечей... Потом, правда, с годами всё подрастерял. Сперва лысина образовалась на макушке. Потом живот из молодых размеров, из- под солдатского ремня выкатился наружу. И что интересно—не от пива, я этот напиток вполне в меру потреблял и потребляю, а так, от возраста. Потом кожа кукожится морщинами на весь организм пошла. Начала вроде культурно, с морды лица. А потом как пошла, елкин корень,... как пошла,... по всему телу. И началось одно за другим, одно за другим. Волосы положенное им природой на черепе место-- совсем его покинули, только на затылке малость, да на груди седые остались. Зубы во рту куда—то подевались, чистить порошком стало нечего. Протезы—то и под краном в ванной можно мылом отмыть. Отдышка опять же, да бессонница по ночам. Правда, в моём охранном деле это плюс, сторожить ночью легче, но всё равно, это же не порядок. Да что там и говорить. Оно слово: —гены, да хромые сомы,- как моя образованная соседка любит выражаться , сикось накось пошли..... Выпендривается она, старая стерва--кочерга, конечно, елкин корень. Образованность свою на коммунальной кухне показывает... Как ни говори, она же в молодые годы техникум ветеринарный почти что закончила...Сейчас вся из себя в белом грязном халате крыс да тараканов в домах травит.... А может оно так и есть, с этими генами, хромосомами....Медицина, она, елкин корень, дело тонкое, научное. Я, как —то спросил у нее медицинского совета:—как, мол, унять запоры в желудке. Лесная малина, говорит, очень помогает, самое лучшее слабительное средство. По себе, говорит, знаю, особенно, когда медведь в малиннике притаился. Любит старая покрывка остроумничать. А что ей ещё остается—то,....старая дева, она и есть старая дева....Я ей говорю: « Степановна, ты на себя в зеркало погляди, увидешь какая обезьяна оттуда вылезит. Ты говорю после бани свои кудры можешь карманным фонариком сушить, и граблями причесываться». Не верит, окаянная. «Я,-- говорит,-- первой красавицей в молодые годы была. Куда это все это могло подеваться? Вон, еще Ломоносов, великий ученый говорил, что ничего в природе бесследно не пропадает, все просто меняет форму, а содержание остается тем же. Так что, я как была первая девка на селе, такой же и осталась. Просто это в новой моей оболочке рассмотреть надо!» А ,может быть, она и права! По мне, лично, моя Валюша какой была в молодости, такой и осталась! Верно говорит народная мудрость: старость начинается тогда, когда больше денег тратится на поддержание здоровья, чем на его разрушение. Вот возьми сейчас, как у женщин омоложение происходит: макияж там всякий шмакияж, маникюр—педикюр, подтяжка—натяжка. Э-э-эх! А в

детстве, чтобы стать красивой, достаточно было просто надеть на голову бант. А молодёжь—то как распустилась? Ничего святого. Я внука своего спрашиваю:-- Костик, ты, наконец—то, с кем ни--будь соберёшься свить семейное гнёздышко? Годков--то уже на это дело, говорю, с гаком хватает. А ты всё по девкам, да по девкам.-- «Не мельтешишь, дед, говорит, не парься,--это значит по молодежному не шебуршишь за зря,--которая из этих первая птичка залетит, с той и совью. Это хорошо Валюша не слышала, она бы ему такое закатила... Рука у неё, конечно, легкая, но когда в ней сковородка...

Лукич наклонил тарелку, вычерпал борщ из тарелки до чистоты, облизнул ложку с другой стороны и, тяжело вздохнув, кликнул жену.

--Валь, а Валь!

Валентина недовольно вышла из кухни, вытирая мокрые до локтей руки

--Ну, чем обрадуешь ещё?

--А Сапунок - то Володька, сержант наш, значит тогда на снаряде в воронке и подорвался? Так было дело?

--Подорвался, подорвался, сердешный... Не повезло. Перед самым отходом подорвался. А ведь какой человек хороший был. А какой умелец....А ты откуда это вспомнил вдруг?

--Не слушаешь, ты ... Я же тебе говорю, что сам на полигоне всё это видел. Своими собственными глазами, вот как тебя сейчас, елкин корень. И как Нечипайло из воронки снаряды принёс. И как Володьку в этой воронке рвануло.

--Рвануло...Ох, как рвануло... Шут гороховый...

--Кто шут гороховый—то? Володька?

--Да что ты пристал, как банный лист. Причём тут Володька? Нечипайло, конечно, елкин корень ему во все места! Его умелых ручек дело. Ешь! Да ложись, поспи, тебе через три часа на дежурство идти!

На дежурство, на дежурство... Да куда оно к чёрту денется это проклятое дежурство. Знала бы, как оно обрыдло мне, елкин корень... И ворота ломанные эти, и эта допотопная берданка, мать её.... И этот чёртов телефон, по которому начальство проверяет, сплю я мертвым сном праведника или вахту несую, елкин корень, будь оно всё проклято!...Дали бы пенсию чуток побольше двум старикам, так хоть под конец жизни пожить было бы можно. Да куда там... Наши правители только языком болтать могут об уважении к ветеранам войны, им—то сладко живётся...Валь, а Валь? Ты куда ушла —то? У меня к тебе вопрос один есть.

--Ну что ты меня всё дёргаешь, у меня тесто из кастрюли бежит. От пирожков—то с картошкой и грибами на дорожку, поди, не откажешься.

--Валь, а Трусин Николай Степанович... Он как, жив ещё?

--А куда денется. Жив. В Туле он, кажись, а может в Орле. Не помню уже точно. Но недалеко от нас.

--Учительствует, наверное, по—прежнему, если здоровье позволяет или на пенсию вышел. Его же, кажись, тоже контузией задело? Учёный человек был. Знающий. Он чему до войны детишек—то учил? Истории или географии? Не помнишь?

--Слесарит он. Так после войны и слесарит. А скорее действительно на пенсию вышел. Здоровье—то у него аховое, после контузии.

--Да ты что это, мать? Какой он слесарь? Ты про кого говоришь—то, про Николая Степановича, что ли, елкин корень? Ты, подруга, как говориться, ври, ври, да меру знай! Ты вспомни, какой он из себя человек--то был? Человек, можно сказать, с заглавной буквы! С ним сам комбат частенько советовался! Помню, спрашивал его:--«Как там Николай Степанович, полководец Суворов бы в нашей коллизии поступил? Как бы этот маневр обставил». Ты же сама мне об этом после войны рассказывала! Светлого ума человек был. Анциклопедия ходячая на двух ногах! Ты же сама мне говорила, что у него орденов полная грудь была. Одних только орденов славы три или даже четыре! Полный кавалер, ёлкин корень! А ты--слесарит, слесарит!.... Побольше бы нам в стране таких слесарей было, может и жили бы тогда по-- другому...Таких людей правительство на руках должно было после войны носить. Да только куда это было нашим дряхлым мумиям. Им бы самим из их правительственных машин до своих кремлёвских кабинетов на костылях добраться, елкин корень!

--Так —то, оно может и так, только он из окружения прямиком в плен к немцам угодил. Контузило--то его тоже сильно.... Так почти до конца войны у них в лагере и просидел. Даже старостой барака был. Он сам всё рассказал после освобождения в трибунале. Ну, ему и срок десять лет в уже в наших лагерях дорогой товарищ Сталин определил. Хорошо ещё с правом переписки, а то бы расстреляли...

--Мир перевернулся, ёлкин корень.....Это надо же... Николай Степанович Трусин--и староста барака... В голове не укладывается... Хоть ты меня убей---не укладывается... Как наш новый вождь любит говорить--консенцум, мать моя женщина...елкин корень.

Валя, это ты точно знаешь?

--Не знала бы не трепала языком по--пустому. Он меня после лагеря сам нашёл и рассказал, как всё было.... Страшная история...

Лукич собрал свой выдавший виды фибровый чемоданчик, прилёг на диван и закрыл глаза. Ему казалось странным, что Трусин, разыскав Валентину, и узнав, что они уже много лет женаты, не повидал его самого. Не пришёл к ним дом. Не поглядел на детей и внука. Не рассказал подробно о своей напасти. Как бы там ни было, всё же не чужие люди.... В окопах вместе кровь да пот смешивали под снаряды да пули. И в разведку не раз ползали. И даже как--то поклялись, друг другу в вечной дружбе... Валентина сама об этом рассказывала. И почему она так долго молчала, и ничего об его визите не говорила? Странно всё это....Странно...Сон потихоньку окружил его и забрал в свои мягкие объятия.

.....Х.....

Орудийный грохот словно разбудил его. Окопчик, в который он залег заранее был мелок и зарос травой. Можно, конечно, было залечь в более глубокий, чтобы уж, наверняка, не зацепило

случайным шальным осколком, но в прошлый раз именно в нём он и просидел до конца стрельбы, и канонада его не испугала и не возвратила в прошлое. Надо было подбираться поближе к разрывам. Первые пять снарядов просвистели без результата. Страх не приходил, и мурашки не побежали по спине. Лукич вылез из окопчика и пополз поближе к зоне разрывов. Шестой разорвался немного ближе, и пару довольно крупных комков глины шлепнулись почти рядом с ним.

--Засыплет, елкин корень, или стуканёт по башке—подумал он и задним ходом вернулся в окоп. Третий ком упал совсем рядом, и в этот момент он четко увидел две свои голубушки пушки, сидячего на лафете солдата, Трусина, стоявшего опершись рукой за щит и лейтенанта, прикуривавшего от зажигалки, сработанной умельцами с гражданки из винтовочного патрона. Трусин откашлялся и громко произнёс

--Не Макарову, товарищ лейтенант, а адмиралу Нахимову в сражении под Севастополем в 1855 году попал в голову осколок мелкого калибра. Перепутал немного я ...контузия...

--Мелкого калибра-- повторил солдат,-- а рядового Владимира Сапунка разорвало на высоте № 362, что в трёх километрах от деревни Котлы, 6 июня 1942 года, когда он вытаскивал отсыревший капсоль из снаряда.

Валентина достала из кармана ватника серый от грязи платок и вытерла нос и слезы на щеках. Лейтенант бросил недокуренную папиросу и показал солдату на воронку, в которой взорвался снаряд.

--Сходи, Ивлин...посмотри,... может?...

Солдат пожал плечами и неохотно пополз к воронке. Прошло несколько томительных минут, и он перекатился через бруствер в траншею с целым снарядом в руках. Лицо его выражало недоумение и растерянность.

--В клочья, товарищ лейтенант....Одни ноги остались целы, да вот этот снаряд....

Лейтенант бережно, как маленького ребенка, взял снаряд, дотошно осмотрел его со всех сторон и задумчиво бросил, как бы самому себе :

-- Странно, а снаряд—то этот, как же не взорвался?....Он же рядом с тем , что рванул лежал? Чудеса...Одно слово, чудеса.

--Сам не знаю, товарищ лейтенант. Так на краю воронки целёхонький и лежал себе. Только гильзу чуток замяло. Но в ствол—то всё одно пойдёт, пролезет....

--Чем же его тогда?...

Лейтенант снял каску и почесал затылок.

Мины, вроде бы, не слышно было?...Нечипайло! Ты, когда из воронки выползал, видел, чем Спунок там занимался?

--А чо не видел, втоварищ влейтенант. Видел, вчо у меня глаз вчо ли нету? Вин всидев всеби на вкорачках и выбирал удитонатор от вгранаты в снаряд....

--Откуда выбирал?

--Вково?

Ты что, чокнутый? Вково, вково... Откуда он брал детонаторы –то?

--Я вже всказав, уже—из вкоробки и вынал. У вьего вжэ полная вкоробка их была. Я вже с воронки подался, ужо тута был, возле вас, а вин как вкричит: «штык вбрось до мэнэ!»

--И ты бросил?

--А як вжэ...як вон попросил, та вья, враз, ему и штык вбросил.

--Ты хоть поглядел куда бросил –то.

--Да я вже...вьяк вин впросил, так и вбросил в воронку. Взад, за себэ. Я вже тогда от воронки—то отполз в траншею....А через вспину вже не гарно видать, куды вштык этот влетит...

Трусин поднял камень с земли камень с перекошенным от ярости лицом пошёл на Нечипайло.

--Ты что наделал, сволочь! Ты же его убил, недоносок чертов!...Твой штык как раз в коробку с детонаторами и угодил! Товарищ лейтенант разрешите самолично расстрелять эту тварь?

--Успокойся, Николай Степанович, брось камень. Сапунка уже не вернуть, а с дураком сводить в войну счеты, глупость. Он же не специально, а от дефекта ума и, к тому же, это вышло случайно....

Нечипайло съёжился у стенки траншеи, зажав винтовку между ног. Глаза его виновато и испугано бегали с лейтенанта на Трусина. Голос дрожал.

-- Да ни хотив вжэ я. Богу видать, ни хотив я вьего вубивать. То ж вслучайно ! Слышь, Втрусин, ни хотив!... То ж вслучайно вышло. Да вты ж убий меня! Застрели як гадюку погану.... А то пусть вмене немец порешит, фашист проклятый!

Нечипайло встал на горку пустых снарядных ящичков на дне траншеи , подтянувшись, прыжком выскочил за бруствер и поднялся в рост, как бы собираясь убежать от Трусина, поднявшего автомат. Пулемётная очередь со стороны противника отбросила его обратно в траншею, и он упал крестом, расставив в стороны руки с двумя зажатыми в руках касками и недоуменной, какой –то растерянной, почти детской улыбкой на лице. Трусин, сплюнул, и наклонился над Нечипайло, положив пальцы на пульс шеи.

--Жив сволочь. Дебилов и вражеская пуля не берёт. Ишь ты как руки –то раскинул, ну прямо Христос на кресте. Только дырок на руках ногах не хватает. Валя, переверни его, пуля как, на вылет прошла , или застряла. Не хочу руки об эту мразь пачкать.

Валентина с лейтенантом приподняли раненого. Он застонал. Валентина вначале внимательно оглядела верхнюю часть тела, затем провела рукой по груди и спине и удивленно произнесла:

--Следа пули не нашла , товарищ лейтенант. Сдаётся мне, он просто от страха потерял сознание.

Лейтенант тоже ощупал Нечипайло и недоумённо опустил его на землю.

--Черт его знает, и правда, вроде бы пулевого ранения не видать... Странно это как—то. Вроде бы боец хорошо обстрелянный, полтора года воюет и труса в нем я как – то не замечал....Не должен был испугаться от выстрела до обморока....

--Да не виноват он, вообще, товарищ лейтенант. Не виноват. Такое с каждым может случиться. На задницу Бог глаза человеку не определил. Ну, попросил его Володька бросить ему штык, он и бросил, как тот просил. Война, она и есть война, тут всего не угадаешь... А ты Валюша, у него штаны освидетельствуй, или ещё лучше просто принюхайся. Может тогда все и прояснится...

--А ты, Ивлин, не умничай, и не защищай его. Виноват, не виноват... Виноват! Война, она с человека спрашивает больше! А с солдата тем более. Думать надо ежеминутно. Думать и соображать. И прав Трусин, сволочь он и есть, и нет ему никакого оправдания. Даже если у него с мозгами не всё в порядке. Жалко Сапунка, до боли жалко!..Какой умелый парень был...и какой артиллерист....

Валентина поднесла к носу Нечипайло ватку с нашатырем он, вздрогнув, открыл глаза и недоумённо повертел головой.

--Да вто ж, это чего? Мэнэ ж, че, не вбило совсим, вдо смерти?....

--Тебя, сукинова сына, не добило просто.... Фашистской пуле не захотелось об тебя мараться. Маленько отлежись, вставай и тащи снаряды в воронку, времени менять капсюля уже почти не осталось.

--Это надо вже... И вправду не вбило... Та я ж вчувствовал як пуля в менэ вошла насквозь.

--А в какое место вошла, не заметил, случаем? А то Валюша с лейтенантом никак найти её не могут? Всё тело ощупали—нет её нигде? Испарилась, сердешная полностью. Вот только в штанах ещё не смотрели.

--Да вты, Ильин, не дави менэ на всихику. Не попала, дак, значить, преляком, мимо просвистела, только, видать, вочень близеько. Вот и контузила меня от неё волной, як Втрусина , фашистская гадина впроклятая. Хорошо ещё не вбила насмерть.... Понятно втебе?

Трусин свернул самокрутку, прикурил от зажигалки лейтенанта и немного смущенно процедил, выдохнув дым в рукав шинели:

--Извини, лейтенант, я может был не прав... Не сдержался...

--Да что там...У меня у самого рука к кобуре потянулась....Это же такого солдата загорбил... Такого толкового мужика... Надо второй снаряд ковырять.... Сам пойду.

Лейтенант встал на ящики, собираясь перелезть за бруствер, но Трусин его остановил:

--Не надо, командир, я сам справлюсь.

--Не дурите, Трусин. Вас опять заклинит на самом интересном месте, и уж тогда точно кранты.

--Не заклинит, А заклинит, значит, так тому и быть, судьба, она разумная злодейка. Я фаталист, лейтенант.

--Фаталист... Честных фаталистов мамаша смерть не щадит, так же как и честных пессимистов. Она дольше подлецов, трусов, да и прочих подобных экземпляров рода человеческого на земле хранит.

--Разумно. Я её прекрасно понимаю, на том свете, в её большом хозяйстве нужны толковые, честные и сильные особи. Вот она их и набирает....

-- Ты хоть в другую воронку переползи. Та не счастливая.

--И Нечипайло с собой для комплекта захвати. Он классный специалист по оказанию услуг. Глядишь, и подсобит в трудную минуту....

--Ильин, оставь при себе свои глупости, а то сам вместо Трусуна в воронку разряжать полезешь.

--Не—е, товарищ лейтенант, я лучше землицу в стволах забивать буду, и за спусковую верёвочку дерну. У меня с раннего детства руки крюки. К тонким делам организм не приспособлен. Лом, топор, кувалда, как в народе говорится —русский пинцет, вот это моё. Я хотел спросить вас, товарищ лейтенант, как правильно пишется «здесь» или «сдесь»?

Зачем тебе это?

--Письмо жонке и матери начал писать, а тут об это проклятое слово споткнулся?

--Тоже мне нашёл время эпистолярным жанром заниматься. Займись- ка лучше делом. Трамбуй землю в стволе покрепче.

--А когда же ещё писать--то?

--Вот из окружения к своим прорвёмся, тогда каждый день хоть романы пиши.

--Вашими бы устами, да сладкий мёд пить, товарищ лейтенант. Вы, видать, тоже большой фаталист, как и Трусин. Из окружения ещё выйти надо. Тут бабушка надвое сказала, чи выберемся, чи нет? А с написанным письмом в кармане гимнастёрки и помереть, куда как легче. Глядишь, свои закапывать в братскую яму будут, в карман за документами залезут его и найдут! Все, как ни говори, а свой последний мужний и сыновний долг солдат перед кончиной выполнил. Отчитался перед роднёй! Ильин, а ты как бы написал?

--Основное правило русского языка, оно как гласит: если не знаешь, как написать-- « здесь» или «сдесь»--пиши «туда», не ошибёшься. Для меня в школьные года всегда авторитетом в таких делах был чёрный пояс моего папаша! Тот в этом был большой дока, классный педагог! Своё дело отлично знал, хотя в грамоте не очень, чтобы шибко разбирался!

--А черный пояс —то у него по какому такому виду был, по японской борьбе, или по какой другой?

--Не—е... Не по виду! По моей заднице!

Лейтенант нагнулся над Нечипайло, чтобы помочь встать. В это время шальной осколок миномётной мины звонко, по касательной, чиркнул по его каске, и вонзился в опалубку траншеи. Он снял каску, и осмотрел глубокую царапину.

-- Надо же, сантиметров на пять не угадал гад, а то бы точно в висок и каюк...Бог миловал.... Видать на этот раз я старушке с косой не приглянулся. Может и в следующий раз не разглядит старая.

--Это она на гражданке бродит с косой, товарищ лейтенант, а на войне с осколком или пулей. Тут на поле сражения эта бабулька с пистолетом и гранатой в руках шастает, а у конников, у тех на лошадке и с вострой шашкой наголо. Выходит, командир, не нагнись вы к Нечипайло и, как в траурной песне поётся –«тётя заболела»...

--Да Ильин, прав. Похоже, он мне жизнь спас. Рядовой Нечипайло, встать! Смирно!

Нечипайло оперся на руку Валентины и, поднявшись, слегка покачиваясь, вытянулся по стойке.

Вольно. Отдыхай.

Ильин с Валентиной расхохотались. Трусин тоже улыбнулся и, отдав Нечипайло упавшие каски, сказал еле сдерживая хохот:

-- Ну, вы, товарищ лейтенант, удивили! Ну, прямо как Иисус Христос. Тот тоже скомандовал:--«Лазарь, встань и выйди вон из могилы», и Лазарь встал! Так в Евангелии написано. Так что, вы теперь у нас не просто лейтенант, командир взвода пушкарей, но ещё и сын божий, второй мессия, можно сказать. И пришли во Вторую Мировую! Совпадение это, или как прикажете понимать?..... Кстати, вы случаем не из иудейского Назарета родом будете, и матушка ваша не от святого ли духа вас зачала? Уж больно лицо ваше на портрет с плащаницы схож? У моей бабушки в избе, он в красном углу над лампадкой висел.

--Трусин, кончайте демонстрировать вашу гнилую интеллигентскую сущность. Я родом из вятской губернии, и зачат нормальным человеческим способом, путём любовного соития пары, состоящей из моего кровного отца, старого большевика, с моей матери—московской мещанки... Но я бы многое отдал, если бы после моего окрика каждый убитый солдат вставал, и даже, если бы каждый третий или десятый....

.....X.....

Тяжелый грохот совсем близко взорвавшегося снаряда, сыпанул в лицо Лукичу комьями сырой земли и пробудил от столь дорогих и странных видений. Оглядел себя повнимательней. Снял ватник вытряс его, убедился, что новых дыр нет, и с облегчением закурил. Всё, что он сейчас увидел было очень похоже на то, что рассказывала Валентина. Но эпизод с оживлением Нечипайло в её рассказах выглядел несколько иначе и рассмешил его. Он представил себе лицо жены, когда он добавит к её рассказам эти забавные мелочи. Конечно, ему и на этот раз влетит по первое число, елкин корень, но взять голыми руками раскалённую сковороду, и при этом не обжечься до волдырей.....Он походил ещё немного по болотцу, собрал несколько крепких маховиков. Пока шел к притороченному цепью к дереву мотоциклу с коляской, добавил к ним в жидком перелеске пару среднего размера белых и столько же красных и, прикрыв, как положено, улов веточками ольхи, отбыл домой. На Валентину улов не произвел особого впечатления, она привыкла к полным корзинкам отборных боровиков и подберёзовиков. Лукич был мастером грибного дела. Однажды она поехала с ним в его заветный грибной лес. Шла первой, а он, вроде бы лениво, нехотя плёлся за ней наудачу собирая пропущенные ею остатки. На выходе из леса её корзинка была наполовину заполнена неплохими грибами разных пород. Такого же размера

корзинка Лукича, была забита с верхом, и только отборными белыми. Она прекрасно понимала, что муж ни в чём не виноват, что он просто великий знаток грибного дела, но её непонятная ей самой ревнивая обида была столь велика, что она весь вечер не разговаривала с ним.

-- Да, надо идтить, едрёный корень, пора...На сегодня насмотрелся кина, будет... Так, значит, вот как Володька Сапунок взорвался... Значит, придурошный Нечипайло ему подмог...В общем—то, видать, он был неплохим парнем, этот Нечипайло... Как же его звали —то?... Уж и не припомню... Валуха называла имя....Помню смешно как—то...не по нашему....Как—то по чухонски...

Неожиданно над головой раздался знакомый до мурашек свист, и шальной снаряд разорвался совсем близко.

Ну, надо же , мать моя женщина....И откуда он паразит взялся—то?.. Видать этот один ребятки недострелили....В снаряжном ящике заваялся.... Не заметили сироту голандскую...Вот они его вдогонку и запустили, козлики драные, елкин корень. Чесать надово отсюда, пока динамит на кусочки не распределил по земле старое , но еще нужное тело,... елкин корень. Того и гляди зашибут ребяташки. Иш ты, раздухарилась артиллерия!... Им в войну поиграться —любимое дело. Дай только пострелять. В войну—то товарищ Жуков за такие вещи им бы задницу надрал самолично, а потом бы ещё и трибуналу отдал на расправу по закону военного времени! Это, если бы самолично не шпокнул. Говорят,любил великий полководец солдатиков в братские могилки рядками упаковывать, страсть, как любил! Его хлебом не корми, только : «Взять высоту, людей не жалеть! Расстреляю самолично» И брали высоту, по телам шли наверх и не жалели, но выиграли, что там не говори. Великий был полководец, что ни говори! Великий! С самим Сталиным, Иосифом Виссарионычем на ты был. Вместе водочку за победу подымали. Да-а, такое дело...Ах—ты, вспомнил, Опанас он был! Точно! Опанас Нечипайло. Его, ещё говорил, в детстве пацаны дразнили: Опанас —курей пас! А в роте переиначили: Опанас—фрицам фас! Или -- Опанас—сало припас? Глупо, оно, конечно, дурачки были, но смеялись... Гляди—ка, я что—то и без снарядов кое что вспоминать начал, елкин корень! Самостоятельно!... Ну, дела! Хорошее, видать, это лекарство —страх! Действенное... Да—а! Вот Валушка—то обрадуется.... Точно обрадуется. Неплохой, в общем —то, выходит парень был, этот Опанас. Невезучий только шибко. Он , видать, и из мамшиной утробы при рождении не тем концом тела выбирался, ножками вперёд. У него винтовка и та не с того конца стреляла. Непутёвый, одно слово, непутёвый... И чего это он мне сегодня дался, шут гороховый... Да он и есть то, шут гороховый...

.....Х.....

До дома Лукич добрался без приключений. Хорошо, можно прямо сказать, доехал. Мотоцикл, собранный собственоручноиз частей на свалках, завелся с третьего тычка, елкин корень. Видать, пожалел уставшего хозяина. Мотоциклы, они, конечно, не люди, и даже не лошади, но душа у их есть, это точно! Тут и к гадалке не ходи . Ихняя, душа оно, конечно, не та человеческая, которая в мясном человеческом теле пребывает до смерти. Железная она, без всяких там нервов, но по—своему чуткая, если к ней по—человечески относиться. Ты мотоциклет любишь и уважаешь, и он тебе тем же платит. Почаще смазывай хорошим маслом. Бензином, опять же, и бензинчиком корми, соответственно, ему подходящим. Не экономь, на дешёвом....Машина, она опять же, как и человек, крохоборов не любит. На дух не терпит, можно сказать. И при случае обязательно за жадность и плевое отношение, обязательно накажет, где —нибудь в лесу, или посередке дороги... И, что ещё бывает часто-- встанет, как всё рано, вкопанная в сильный дождь, а ещё хуже в

снежную метель. Машины, и мотоциклы в особенности,—злопамятные ребята, елкин корень... И ещё какие! Им, как говорится, палец под поршень не клади...Тут один закон действует: как ты, братец, ко мне, так и я к тебе... Зуб за зуб, глаз за глаз, как говорится, елкин корень... Валентина, как он и ожидал, всё учуяла сразу. Распознала, елкин корень, аж на лестничной клетке. Не баба, в смысле женщина, а локатор какой—то. А малый на этот раз грибной улов послужил ей дополнительным поводом для воспитательного семейного скандальчика. Так что, и сегодняшний обед не доставил Лукичу обычного удовольствия. Правда дулась она недолго и выслушала его удивительный рассказ с большим интересом. Выслушала, покачала головой и сказала, что всё оно так на самом деле и было. Всё точно! Вот какое это было удивительное дело! Он сел на старенький с проваленными пружинами диван, служивший семье, почитай, почти, что с окончания войны. Включил черно--белый телевизор «Рекорд», подаренный старшим сыном к двадцатилетию их с Валентиной свадьбы, и стал ещё раз прокручивать про себя картинки, увиденные на полигоне. Перелистал всё и тихонечко, незаметно уснул. Во сне привиделась ему их свадьба с Валентиной. И, причём, такой, какая она была на самом деле. На этот раз сон не выкаблучивался, как обычно со снами бывает, и на удивление показал всё без всяких фантазий. Случилось это событие лет через десять после победы. А если точнее, то через девять лет и восемь с половиной месяцев. Нет, мужем и женой, по—граждански, как говорится, то есть без печати, они стали года на четыре раньше. Год после госпиталя он в себя приходил от контузии. Полноценным человеком становился постепенно. Плохо слышал, да и соображал не лучше. Хорошо ещё, что Валентина случайно его в госпитале нашла. Взяла к себе в коммуналку, комнату для него отдельную выхлопотала в военкомате, и стала по словечку учить говорить и жизнь заново постигать. Сердце —то у неё золотое и терпение тоже не человеческое,— женское. Он —то сам ничегошеньки не помнил. Даже, что влюбился в неё на фронте не знал и не помнил, и хотя был дурень, дурнем, а сердце сразу же к ней прикипело старым чувством. Оно, оказывается, как бывает—то --мозг от контузии в голове отключился от всего старого пережитого, а сердце--то, оно по своим законам собственным, сердечным живёт, и многое, что было, помнит! Не забывает! Вот такой оно, сердце, замечательный орган! Замечательный, елкин корень. Потом, когда он уже начал всё соображать и запоминать, полегчало. Валентина медсестрой работала, ему пенсию военную платили, тоже она выхлопотала. Большой начальник, генерал к ней в госпиталь попал с камнями в мочевом пузыре. Она ему тонкий шланг в орган вставляла, чтобы мочился,— катетер называется. Для мужика этот шланг, --страшное дело, когда его засовывают в орган--жить не хочется в этот момент, елкин корень.... Кажись, лучше бы тебе в этот момент руку или ногу без наркоза отпиливали. Но, ежели с другого боку к этому подойти—это ещё вопрос? Пузырь переполненный, разутый как футбольный мяч, аж гудит как барабан, а тебе помочиться,— никак!... Ни течёт из его, моча, сука, извините за выражение, и даже не каплет ни грамуленьки, елкин корень. То—есть, краник где —то внутри организма зажал, и он ни открывается гад, хоть ты сдохни.... Тут уж, простите меня за выражение, только матерным криком объяснятся с окружающим населением возможно!...И страсть, как в голос орать охота! И вот, когда через этот самый спасительный шланг умелые сестрины ручки тебе этот краник открыли, и ты с пол-- ведра умирая от счастья напрудил, тут уж, извиняюсь, кажный мужик, хучь он министр, хучь генерал, хучь сам тебе генералиссимус выполнит любое сестринское желание! Любое! Это тебе, браток не оргазм с девкой на сеновале,—это во сто раз посильнее! Вот так, исключительно через этот катетер, воинская пенсия к Лукичу и пришла. Как говорится, героизм на войне героизмом, а в мирной—то жизни он, попросту, самое, что ни на есть обыкновенное, и уже никому не нужное, переваренное в кишках, говно! Особливо для чиновничьей власти. А простой катетер, шланг по--нашенски,— своё великое доброе дело на раз

сработал! Сработал, елкин корень, на все сто! Шланг, для человечества он, вообще, штука бесценная. Без него и бензин из бака государственного грузовика в свою канистру не отсосёшь! И огород не польёшь! А ныне и демонстрацию не разгонишь! Величайшее, можно сказать, изобретение всего прогрессивного человечества! Второе после колеса, а может быть, и самое, что ни есть первое! Тут человеку без высшего образования и делать—то, как говорится, нечего! Тут только учёные в очках могут разобраться и всё, елкин корень, по своим местам расставить! Такие дела! Ну, расписались, значит, как положено, в ЗАКСе, всё чин чинарем, и тут в раз пошли дети. Один за одним, но, конечно, немного по количеству. Всего три единицы:--два пацана и одна девчушка—красавица! Девчушка и вырости-то как следует не сподобилась, как её тут же замуж и затащили. Парень, правда попался из хороших. Хучь и городской, но без всяких вредных привычек, как говорится. В рот берёт беленькую, конечно, но исключительно по календарным праздникам и в воскресенье. И не более ста пятидесяти грамм. От красного у него изжога. Вот как оно бывает. То есть, почитай, для нормального мужика, вообще ничего. Правда, пачку сигарет за день скуривает. Но, способный по мужской части оказался. Внуков враз двоих настрогал и, что характерно, всех мужского полу. Не браконьер, елкин корень. Опять же, в мотоциклах разбирается., что тоже не мало..

.....Х.....

В кухне что—то гроыхнуло и разбудило Лукича. Скорее всего, чья—то сковородка с гвоздя на пол свалилась. С ними такое и раньше случалось. То ли гвозди стали катать никудышные, то ли руки у соседок по коммуналке не к тому месту приделаны. Лукич протёр глаза и пошёл на кухню ставить чайник. Так прошёл этот день. Интересно прошёл. Всю следующую неделю он занимался домашними делами. Заготавливал дрова для колонки в ванной. Ходил в магазин. Играл с дворовыми ребятами. Помогал Валентине. То есть постарался сделать всё так, чтобы забылся жене тот поход на полигон, и можно было бы организовать следующий. Лег рано, надо было выспаться. Собрался утром. Когда Валентина ушла на работу. До полигона на мотоцикле полчаса быстрой езды. А ездил он с ветерком. Любил упругий ветер в лицо. Да и какой русский не любит быстрой езды. Прав был писатель Гоголь. Не сам видать придумал фразочку, байка эта, наверняка, народная, но, то что записал её в книгу свою знаменитую, молодец. Народный фольклор надо уважать. Подумал и сам себя одобрил. Больно уж правильное слово—фольклор, он вовремя отыскал где—то в далекой, еще, поди, школьной памяти. Училка русского и литературы, старая лысая противная коза в парике из конского хвоста часто его мусолила. От неё и пахло конём. Наверное, от парика....Больше он о своей школе после контузии ничего и не помнил....А жаль... Наверняка там было много интересного. Молодыми были. Глупостей вытворяли-- вагон и маленькая тележка, это уж точно... Это—то уж точно.... Тут и к доктору не ходи, елкин корень. Пацанва...Что с неё взять...Половая зрелость в мошонках и в характере играла. И в каком органе больше—не поймёшь! Так за мыслями чуть было не проскочил и полигон. Во время тормознул. Артподготовка ещё не началась, слова богу. Можно было спокойно без страха произвести рекогносцировку и выбрать правильную безопасную позицию в заросших травой окопчиках. Армейские термины накрепко залегли в башке. Их и контузия не смогла выбить из мозгов. Нашел свой старый окопчик, отмерил от него приблизительно пару десятков шагов вперед, поближе к разрывам и залёг за небольшим бугорком. Конечно, не плохо было бы и подзакопаться поглубже маленько, но о саперной лопатке он как—то второпях и не подумал. Старый дурень, что поделаешь?....Хорошо еще штаны в туалете всегда снимать не забываешь, да ширинку, когда в

гости идёшь на молнию застегиваешь. Хотя терять—то уже давно и нечего, да и дедушка—то в окошко не выглянет, росток у дедули уже не тот, не дотянется из ширинке до света.

-----X-----

Первый снаряд застал его врасплох, хотя он, вроде, и подготовился к нему. Вздрыгнул, да мураши по спине пробежали. И тут же, всё равно как бы и отключился. Как всё одно уснул в раз. Увидал себя, только совсем млажавого. Штанина задрана и разрезана. Сапог снят. Нога обмотана пропитанной кровью рубашкой Нечипайло, стоящего рядом и голышом до пояса. Рядом хлопочет над ним Валентина. Тоже очень молодая и красивая. Ватник и ушанка не только не снимала с неё природную женскую красоту, но как—то вроде бы даже усиливала. Нечипайло что—то громко и жалобно говорил ей в своё оправдание. Голос у него дрожал. Лукич прислушался.

--Да я ж ни хотив вьего калечить. Бог ни вдаст соврать... Це ж топор, сука втакая, с топорщица взлетев як птица, а вин и подвернулся в самый раз. Я вже думав, шо вин крепко засажен на втопорище, а вин, зараза, чуть всидел на ём сам по себе... Рассохся видать, всучёнок...

--Что же ты не проверил —то? Её богу, Нечипайло, от тебя ранений на батарее больше, чем от немецких пуль и снарядов! Ну, что ты за человек —то такой!? Шут гороховый, а не человек, ей богу! И как только тебя бедная мать рожала?

--Очень даже впросто рожала. Я вже с неё сразу и вывалился на пол с кровати. И мене, тётка моя вродная гутарила, пуповину наша собака, Жулька, перекусовала прямо на полу. Вот у стех самых днив у мене собачачья жисть и пошла. А зарубить Лукичу ногу я вже и не думав, ни как и не хотив. Топорище рассохлось, сучка, и топор як себе голубь и взлетив!...

--Ничего себе глубь! Да он, скорее, дракон китайский, какой—то. Всю икру распорол, как зубами! Давай вали отсюда в блиндаж и принеси мою полевую сумку.

--Та я вже враз.

--Да гимнастерку надень. Одно слово, шут гороховый. Это счастье, что ты один у нас такой на батарее, а не дай бог,....да, что там, подумать страшно. Как ещё лейтенант посмотрит?Увидит, прибьёт чертяку. Застрелит! Ей богу, застрелит!

--Да ладно, Валюша. Ему недолго осталось. Да и нам, наверное тоже... У него нарядов вне очереди столько, что до конца войны не отработать. Да какие сейчас наряды. К нашим бы прорваться ...

--Болит?

--Да есть немножко. До нашей с тобой свадьбы заживет, елкин корень.

--Это до чьей—то нашей?...Интересно?

--Да не бери в голову, это я так, в мечтах.

--То то, мечтатель. Ты лучше подумай, как идти будешь? Правда, рана не опасная, кость не задета. Просто в икре сосудов много вот они и кровят. Тут главное, это чтобы заражения не было. У тебя во фляжке спирт остался?

--Чуток есть, булькает.

--Давай её сюда. И потерпи, я рану обработаю.

--Валь, ты бы присела рядом, на подольше...

--А это ещё зачем?

--А когда ты вот так сидишь поближе, вроде и болит поменьше...

Валентина села рядом и погладила Лукича по голове.

-- Ой, какие вы все выдумщики, мужчины... Выдумщики... Что—то придумываете, придумываете, а на уме—то у вас у всех одно...

--А что одно—то, елкин корень?

--А вот оно--то и есть, как раз, ёлкин корень.

--Ой, не понимаю я вас, Валентина Кирилловна, об чём вы там намёки тяжело раненному солдату отпускаете?

Валентина нарочито кокетливо поправила ушанку и, прижав к ране смоченный в спирте клочок ваты из своего ватника, загадочно протянула:

-- Ах, так уж, Николай Лукич, и не понимаете? Видать топором у вас не только ногу, но и сознание слегка задело.

--Ой!

-- Неужто, так уж и больно?

-- Терпимо, Валентина Кирилловна...

Настоящий мужчина—солдат, он еще и не такие боли должен выдерживать, елкин корень.

--И какие же еще по вашему самые сильные он должен терпеть, Николай Лукич?

--Ранение осколочным фугасом в район груди, Валентина Кирилловна.

--Интересно, интересно, это же откуда, позвольте вас спросить, такие снаряды вылетают, Николай Лукич? Уж не из танка ли?

-- Нет, не из танка, уважаемая, Валентина Кирилловна, дорогая, вовсе даже не из танка. Они, Валентина Кирилловна, вылетают из женского рта, из уст, как говорят великие поэты типа Пушкина Александра Сергеевича.

--Выдумщики вы все, мужчины... Выдумщики... Что—то всё придумываете, придумываете....Ведь я уже вам это говорила, вот оно—то, как раз, и есть, ёлкин корень.

Да, коленкор у вас Николай Лукич, действительно получается интересный. Да вы и сами поэт, погляжу я. Самый настоящий поэт.

--Ой, да скажите вы, Валентина Кирилловна, да уж куда мне до них! А если честно, так иной раз хочется засадить в рифму чувства из самой глубины своей, из сердца! Так хочется, ёлкин корень!

Неизвестно куда бы их занесла эта глубоко лирическая беседа, быть может, в самые заоблачные высоты, как говорят поэты, но в этот момент В траншею свалился запыхавшийся Нечипайло с сумкой в руках и в гимнастёрке надетой задом наперёд. На лице его сияла улыбка героя победившего Голиафа.

--Вот, Кирилловна, принес якую --то. И не бачу-- вту, а може, и не вту? Як не вту, так я враз ещё сгоняю. Гляжу лежить водна, а рядышком ещё водна лежить. Я водну и взяв. Чи вта, чи не вта, поглядите сами.

Валентина раскрыла сумку и достала из неё клизму, подкладной резиновый круг и свёрнутую в валик кислородную подушку. Она аккуратно сложила всё обратно в сумку и едва сдерживая смех спросила:

--Нечипайло, у тебя, что на шее крутится?

--Шо вкрутиться? То и вкрутився. Шо у всих вкрутився, то и у мэнэ...

--Горе ты наше луковое! Шут гороховый! Мне бинты нужны. Клизму я бы тебе с удовольствием поставила, да со скипидаром! Индивидуальный пакет и иод! Они же прямо у входа в землянку с правой стороны в открытой сумке навалом лежат. Ты, что их не видел?

--А чо же не видел. Видел, конечно. Как не видеть --то. Шо у меня глаз што ли нет. Я тильки враз подумав: може Лукичу шо вкрутче надо? Може вопирацию какую делать надо?

--Так. И чем же ты решил я её делать буду, клизмой, что ли?

--А я взнаю? Може и ей втоже? Втоже ж струмент... Я ж вмедицине, не обучен. Лох лохом, як говорят... Я на вгражданке усе больше по лошадиной части вдарял. А лошадам втоже, иной враз, вопирацию клизмой делают. Тилько сильно большой. Это вкода у ей навоз из задницы не иде всвоим ходом. Запёрло, як вговорять. Тогда вберут садову лейку, шо помидоры да вогурчики поливають, в лошадкину задницу мыло вставляють, и ведро в её вбухавают. Тильки вздеса надо во время отскочить! Може копытом в тело получить, а то и, вотще, струёй навоза так с ног снесет, тильки вдержись, зараз и не отмоешься...

Лукич, смачно сплюнул и сменив вату на ране таким же серым клоком из ватника, и не повернув голову в сторону Нечипайло в сердцах буркнул:

--Слушай, Опанас, а не пошёл бы ты, вообще, сейчас, извиняюсь, не могу точного адреса сказать при женском поле... Чеши--ка, браток, отседова в блиндаж, притащи бинты, и не подходи ко мне с ними ближе десяти метров. Не то я тебя пристрелю к чёртовой матери, ёлкин корень!

--Да як же я их втогда вдам втебе? У меня вже руки не такие вдлинные? Бросишь пакет, и чтобы духом твоим не пахло! Понял, елкин корень.

-- Да чо ни впонять--то. Шо, я русскому языку не вобучем, втшо ли? Не такой же я вдурень с роду. От матки с вбатькой всё вже вполучился.

--Исчезни, убью! Валентина Кирилловна, скажите этой роже, чтобы исчез!

Нечипайло, недоумённо пожал плечами. Почесал затылок и не спеша полез через бруствер в блиндаж расположенный на траншее первой линии обороны. Валентина вынула маленькое зеркальце в пустой пудренице и кокетливо поправив локон, выбившийся из под каски, спросила не без кокетства..

--Что это вы так строго с ним, Николай Ильич?

--Сызмальства, Валентина Кирилловна, засранцев не терпел, елкин корень, извините за выражение...

--Дайте —ка я ещё раз взгляну на вашу нижнюю конечность, Николай Ильич. Здесь не больно?

-- Если, вы, Валентина Кирилловна, даже ногу будете ножовкой отпиливать собственными руками, я кроме большого удовольствия никаких других чувств испытать не смогу.... Ой!

--Да—а... Эх, до чего же вы все мужики, кобели , одинаковые.... Все до одного.... На языке у вас одно, а на уме совсем третье... Ножовкой, ...с радостью... Я, надеюсь, вы от иода кричать не станете?

--Не волнуйтесь, не стану. А позвольте вас спросить, Валентина Кирилловна, и много в вашей молодой жизни таких, извиняюсь за выражение, кобелей присутствовало? Елкин корень?

Валентина спрятала в карман шинели пудреницу, прикурила от зажигалки папиросу, подарок раненого полковника, которого она вытащила неделю назад с поля боя, и отправила на попутке в полевой госпиталь. Сняла каску и пилотку, промокнула пот со лба обрывком старого бинта и глубоко вздохнула. В Лукиче она не видела ни потенциального спутника жизни, ни интересного ей ухажёра. Своего принца на белом коне она до войны представляла совсем иным. Война частично стёрла этот нарисованный в девичьих мечтах образ и он улетел вместе со свистом снарядов и бомб куда—то далеко, далеко....Да и думать о любви ей было некогда, да и, вообще, ни к чему.... Дальше завтрашнего дня, а чаще и следующего часа в боевой обстановке, когда кругом рвались снаряды и мины, а в воздушном пространстве королём существования были пули да осколки, загадывать о чем —либо другом , кроме как о том, как бы выжить бы, не приходилось. Так что, этот нелепый флирт с просто хорошим фронтовым товарищем, был просто словесной, ни к чему не обязывающей игрой. Они оба это прекрасно понимали, но играть в эту замечательную игру было приятно.

--Лукич, Лукич. Хороший ты мой человек....Чего только не навидалась я за эту проклятую войну... Чего только...Не спрашивай, мой душевный, елкин корень...

Но Лукичу не хотелось закончить на этом любезный, как он сам считал, разговор. Тем более, что его загрубевшее, застывшее сердце солдата требовало китайки. А этот разговор и был одним из этих согревающих сердце компрессов. Тем более что молоденькая и симпатичная мед инструктор, иконка мужского персонала батареи, действительно очень нравилась и ему.

--Ну, и как вы, Валентина Кирилловна, среди этих всяких лично меня находите? Хуже или, может, чем получше многих буду?

Вопрос остался без ответа, так как в траншею очередной раз свалился запыхавшийся Нечипайло с грудой инд пакетов.

--Упринёс, товарищ всанинструктор. Може втоже не вте? А то же як буваєть, несёшь вте, а враз оказываются не вте. Вот ведь, как вбуваєть.

--Да, слава Богу те, Опанас. Спасибо. Свободен.

-- А я як же вдумаю: о це вдолжны быть увте. Я вже помню, як мене враз втаким вже пакетом замотали, когда мене восколком вгранаты вуцепило. В самую, можно всказать, заднюю половинку. В огузок, втак всказать, если взять к впримеру поросья.. Може я в мало принёс? Дык я мигом, як борзой зайчик?

--Хватит, хватит, борзой... Тут на весь батальон хватит и ещё останется.

--Ни, Валентина Вкирилловна, на вцелый вбатальон не хватить. Вот вскажем на взвод? На взвод може и вхватить. Это вже смотря вкуда саданёт? Як в грудь или, как вменя...в огузок...

--Опанас, ты русский язык понимаешь?.

--А як вже не понимаю? Понимаю вконечно. Я вже...

--Поддай мою винтовку, Застрелю тебя болтуна несчастного, к такой-- то матери, елкин корень! Видит бог, пристрелю! Не видишь что ли у человека боль невыносимая, елкин корень!... И болтает себе, и болтает! Не отвлекай санинструктора от тяжёлой медицинской работы! Елкин корень!..

-- Идите, Нечипайло. Не беспокойте раненного, ему трудно говорить.

В тембре голоса Валентины явно слышался едва сдерживаемый смех, но примитивный мозг Нечипайло, был не способен распознать даже плохо скрытую иронию. Он извиняющее кивнул головой и поплелся в конец траншеи бормоча под нос:

--Взвиняюсь, враз счезну...Взвиняюсь....

.....Х.....

Взрывная волна последнего снаряда опрокинула полупустую корзинку, и рассыпала немногочисленный урожай грибов, которые он успел собрать перед началом стрельб. Начал накрапывать морозящий дождь, и начинать новые поиски было глупо. Он снял ватник и внимательно осмотрел его. Слава богу, новых прорех не было, а старые, оставшиеся с прошлого раза, были аккуратно заштопаны заботливыми руками жены.... На сей раз мелкие осколки пощадили его и труд Валентины. Лукич отряхнул ватник от комьев прилепившейся глины, собрал грибы в корзинку и побрёл к мотоциклу, притороченному собачьей цепью с внушительным замком к березке метрах в трехстах от его окопчика. От грохота канонады и наплыва чувств, от увиденного, его слегка повело, он несколько раз споткнулся о небольшие бугорки, а один раз даже свалился, больно ударив плечо. Как всё это могло вновь вспыхнуть в его склеротическом мозгу, думал он. Валентина многое рассказывала ему за эти долгие годы, и, казалось бы, всё увиденное он тоже должен был слышать от неё....Но...как раз этого он не помнил.... Значит, он уже тогда, перед самым уходом из окружения был влюблён в неё, и почти объяснился в любви... Значит она это помнила и не случайно после войны нашла и взяла женское шефство над ним, контуженным,

почти оглохшим и беспамятным, никому не нужным инвалидом. Её доброе сердце вернуло его к нормальной человеческой жизни. К жизни, можно сказать, счастливой! Да, да, конечно, счастливой, потому, в чем оно, счастье-- оно не в недостатке, не в отдельных квартирах, машинах и разной там роскоши, и даже не в больших деньгах, оно во взаимной любви мужчины и женщины, которая создает человеческую семью с детьми и внуками... Было... Значит, такое было... И она—то, поди, всё это помнит..... А я, значит, потерял... Сколько же получается прожитых лет из—за этой проклятой контузии потерял зря....Да и что она человеческая жизнь и стоит--то без воспоминаний!? Да, почитай, ничего... Ни—че—го—шень--ки...

Он поглядел на часы и расстроился ещё больше. Что—то на этот раз стрельбы затянулись, и он пролежал в окопчике часа на два больше обещанного Валентине. Вспомнил, как сосед по двору, заядлый игрок в козла, выпивоха балабос и выдумщик невероятных историй, рассказывал, как он управляется по утрам, после ночи под забором, с гневом жены, здравенной бабищей, крановщицей на стройке, когда она встречает его в дверях квартиры со сковородкой в руке: «Спасибо, зайнышка моя заботливая! Я не голоден. Включи телевизор, протяни уставшие от непосильного труда ножки и отдохни, радость моя ненаглядная» ...

Ему принадлежали замечательные афоризмы, которые позволяли выжить после ночных загулов: «Мужики, я придумал машину времени! Это обыкновенная водка! Выпил—и уже завтра».

К, сожалению, ничего подходящего из соседского репертуара в голову не приходило, оставалось лишь положиться на Валюшину на отходчивость и добрый нрав. Слава Богу, ключ от квартиры оказался с собой. Дверные петли он смазал на прошлой неделе, и она поддалась без звука. Он тихонечко притворил её за собой, и с ботинками в руках, заблаговременно снятыми на лестнице, вошел в носках в переднюю. Вкусно потянуло его любимым украинским борщом с чесноком, и на душе от этого чудного запаха и привычного, такого родного домашнего уюта потеплело. Он сбросил сырой ватник и, почти без боязни, зашел на кухню. Валентина, стоявшая у плиты, укоризненно взглянула на него, но ничего не сказав, достала из мойки глубокую тарелку и, тяжело вздохнув, налила в неё ароматного борща с положенной, чуть не доваренной, почти хрустящей капустной горкой в центре тарелки. Он смущенно высыпал жалкий урожай из корзинки и, вымыв руки, сел за стол.

--Что—то сегодня ты совсем опозорился. Так мало ещё никогда не приносил. Может быть, ты не по грибному делу из дома ходишь? А? Может, завёл себе кого, помоложе? Так прямо и скажи... Пускай она тогда и борщ тебе варит. Чеснок почисть? Ромео великовозрастный!

--Валь, да что ты в самом —то деле... Тоже мне нашла Ромео... Просто по полигону не один я брожу. Там знаешь сколько грибников шастает... Почитай, как на проспекте. Один, за одним. Один, за одним! Хорошо ещё хоть эти—то подобрал. Когда уже уходил парочку раз где—то далеко бабахнуло.

-- Хватит врать—то. У тебя это плохо получается. Поди, опять под стрельбы попал? Вот бабахнет снарядом по глупой твоей голове — будешь знать!

--Ой, Валюша, если и накроет, я уже ничего не узнаю. Ничего... Помнишь Трусин говорил, что адмиралу Макарову башку ядром начисто несло?

--Трусин? Что—то не припоминаю такого разговора.... А когда это он?

--Да когда Нечипайло штыком детонаторы в окопе подорвал.

--Как подорвал помню, а вот про Макарова, так нет...Слушай, к слову—то, я как раз сегодня в нашем СОБЕСЕ сестру Трусова Ольгу встретила! Она к нам из Тулы приехала на денёк по пенсионным делам. Постарела... А ведь какая красавица была... Одни только волосы чего стоили! Она раньше у нас терапевтом в поликлинике работала. Ну, как изменилась, как изменилась! Я её, веришь, с трудом узнала.

--А что совсем лысая стала, что ли?

--Да что ты несешь, елкин корень,-- лысая... Просто волос поменьше стало. Потом она в санаторий от нас ушла. Там времени намного больше нашего. Хорошая женщина и врач хороший. И брата своего, за то, что он простым слесарем работает совсем не стесняется... Всё говорила, что его после войны неправильно осудили. Не осуждать его властям надо было, а хорошим орденом наградить! А я ей и говорю:—мол совершенно правильно вы рассуждаете, очень даже правильно! Я с вами совершенно согласна! Скажите, говорю, Николаю Степановичу, что 9 мая вся наша дивизия, ну те, кто ещё в живых остался, приедут отметить годовщину победы. И хорошо бы, конечно, если бы он тоже приехал. Брякнула я это, ну не подумав, чисто автоматически, а сама, дура, стою вся из себя красная, как варёный рак.. Понимаешь?

--Чего уж тут не понять. Дурой была, дура и есть, елкин корень.

--Ой, дура! Боже мой, какая дура! Знаешь, она в лице вся изменилась, бледная стала, как полотно. —Спасибо,—говорит, вам Валечка, за приглашение. Только с вашего разрешения я Николаю Степановичу этого не скажу. И вы, если случайно его встретите, воздержитесь, по возможности. И пошла... Господи, боже ты мой, Коля! Что это я... И стою я, не поверишь, как будто облили меня чем.... Во рту пересохло сердце колотит, думаю про себя саму—дура! Господи какая я дура... За что это я её? Она же святая! Да и он тоже человек замечательный! Я никогда не поверю, что Николай Степанович стал в немецком лагере изменником! Да, старостой был, ноне длятого, чтобы немцам помогать, а для того, чтобы нашим выжить! Никогда! Хоть ты убей меня! Хоть на куски разрежь! Пусть меня хоть громом, хоть чем угодно на свете разразит! Так человек измениться не может! Не может, и всё тут!...

--Ну, да, что там говорить....Говорить нечего. Конечно, ты тут с бабьей дурью неважно распорядилась, ёлкин корень. Как говориться, не совсем по делу выступила. Не с той, как говориться, елкин корень, трибуны ... Но, уж больно ты крепко казнишься. Ну, да, был Степаныч справным солдатом. Трусости я в нём не наблюдал, это уж точно. Уважали его конечно за смелость, учёность и справедливость. Ведь последний детонатор он в снаряд вставил. Ты сама говорила. На верную смерть пошёл... И не дрогнул... Поступок, что ни говори, можно сказать, героический, ёлкин корень....

--Он, конечно он, кто же ещё так рисковать мог? Ты, что ли?

--Обижает. Мог бы и я, но лейтенант его поставил... Да он и сам вызвался раньше... Но как ни говори, а в плен —то он попал! Он, а никто—то там другой. И не просто попал, а старостой барака был? Был? Был! И нечего тут не поправишь. Он после лагеря сам трибуналу признался. Никто его за язык клещами не тянул. Так что, выходит, правильно его осудили! Он сам себе приговор подписал. Сам....В трибунале ведь тоже не всегда полные дураки и тыловые особитстские сволочи

сидели. Были там и честные боевые командиры, воевавшие, елкин корень. Это он ещё легко отделался! Очень легко! За старосту могли бы и вышку дать, елкин корень.

Лукич налил в рюмку водку, выпил её залпом и, занюхав хлебом, с удовольствием проглотил ложку горячего борща. Честно говоря, сам —то он в справедливость послевоенного трибунала не очень—то верил. Он и сам —то чудом не загремел в лагерь, как окруженец. Слава Богу, тяжёлая контузия помогла. И Трусуна он в войну, судя по сегодняшней картинке, глубоко уважал. Уважал и с трудом поверил в его виновность. А тем более после того, что он за эти полигонные миражи в эти вылазки увидел. Не таким он его представлял, совсем ни таким. Он даже и сам не понял, почему вдруг так упрямо возразил Валентине. С чего это так неожиданно завёлся ни с того, ни с сего...

Валентина вышла в коридор, и ему показалось, что она плачет.

-- Ну чего ты сопли —то распустила? Ну, отсидел же уже. Вышел...Теперь вот на свободе...слесарем, сама говоришь, работает. Да, может быть, ему эта работа больше чем учительская нравится? Сейчас, сама знаешь, какая, ёлкин корень, молодёжь пошла. Курят с малолетства...Наркотики опять же, ёлкин корень, и всякое такое распутство....

Он налил себе ещё одну, и только было поднёс её ко рту, как быстро влетевшая в кухню Валентина рывком опрокинула её на стол. Он изумлённо поднял глаза, и слова застряли у него в глотке. Такой свою жену он ещё никогда не видел. Да, были у них размолвки... А как без них в нормальной семейной жизни? Всякое бывает между мужем и женой. И базарили по глупости, и ссорились по пустякам. И мирились, как положено, но такую мегеру он в ней даже и предположить не мог....Она встала с другой стороны стола, опершись на него руками. Вперилась в него злыми немигающими глазами и тихо начала, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик, медленно, чеканя каждое слово :

--Справедливый трибунал, говоришь? Судьи боевые командиры!...Где ты видел этот справедливый трибунал? Это те мерзкие тыловые крысы из СМЕРША, которые в войну сидели с пулемётами за нашими спинами, когда такие как ты, лейтенант и Трусин шли в рост в атаку. И это ещё хорошо если были за вам на передовой, а то ведь всю войну высидели в кабинетах, да на офицерских пайках! Да, что ты инвалид контуженный понимаешь в этом деле?! Ты же даже не видел последние четыре года войны. Куклой беспамятной был. Травой! Так что, молчи, блаженный! Мало ли кто в войну в плен попадал? Ты что, думаешь, там хороших людей не было? Были! Генералы были! Да ещё и какие генералы! Сын самого Сталина в немецких лагерях сгинул! Не все же власовцами становились. А каким он старостой был, —никто не знает! Никто не сохранился! Знать, хотя бы двоих троих, из тех, что с ним в лагере были...Да где их возьмёшь сейчас —то. Столько лет прошло....Столько лет! Ты вспомни-- ка лучше, какие это страшные времена —то были! Я уже не говорю о годах сразу после войны, ты о них мало что знаешь, но вспомни конец тридцатых! Вспомни сколько генералов да офицеров этот трибунал под чутким руководством Сталина, Берии и Хрущева на смерть отправил. Блаженный ты мой!

Валентина налила себе рюмку и опрокинула её. Зачерпнула из тарелки мужа ложку капустной густоты, и села тяжело дыша.

--Ты времена —то не очень трогай, ёлкин корень. Времена они всегда были разными временами... А лично я, так считаю: раз отдался врагу в плен—виноват, и весь разговор, елкин корень! А коль виноват—будь лаской—получи своё. Сидел бы я в этом трибунале, может быть тоже такие же

решения выносил тем, кто отдался врагу, а не оставил для себя последний патрон, или штык, хотя бы! Вот тебе моё солдатское слово!

Валентина вышла в кухню, пошуршала там чем—то, и вынесла на тарелке парочку ароматно дымящихся котлет с жареной картошкой. Гнев ее прошел, а может глубоко затаился, но , во всяком случае, лицо было спокойным.

--Память Лукич тебе в голову я, вроде бы частично вернула, а вот ума прибавить не смогла. Тут мне анекдот вчера соседка рассказала, ну прямо как про тебя:-- Господь сотворил Адама и Еву, поставил их перед собой оглядел внимательно и подумал, что вроде бы всё необходимые органы, которые полагаются человеку для жизни-- он в них, вроде бы, вложил. Подумал ещё и спрашивает: -- «А кто из вас хочет писать стоя?» «Я, конечно я, —закричал Адам». --Бог выполнил его пожелание, и тот начал бегать и мочиться на всё, что ему попадалось на глаза. Господь призадумался и решил :- «Пожалуй, вложу—ка я ему в башку ещё и мозги, а не то он весь мой рай обоссyt!»

--Не понял, что—то? А я-- то тут причём? У меня с мочевым пузырьём все в порядке.

--С пузырьём, слава богу, действительно в порядке, А вот с мозгами....

--Не понял, ёлкин корень, причём тут мои мозги. Я и мочусь стоя!...

А ты сейчас ещё раз своего любимого гениального маршала Жукова упомяни. Тот Сталина надоумил всех окруженцев и бежавших из плена в лагеря сжать или к стенке ставить.

--И скажу! И прав он был! Я сто раз повторить это могу!

--Ну, молодец! Ну и умник! А ты знаешь, сколько по его вине впервые месяцы войны немцы взяли в плен?

--Ну, предателей было много!..

--Четыре миллиона их было, умник! Считаю почти вся армия!

--А почему это из—за него ?

--Да потому, что за полгода до начала войны он стал начальником штаба всей армии. И именно по его приказу 22 июня 1941 года в ноль часов 30 минут в войска ушла директива №1 за подписью Жукова и Тимошенко следующего содержания:...

Валентина Вытерла руки о фартук подошла к книжной полке и сняла с неё толстую книгу с целым букетом закладок. Полистала страницы и прочла: «Задача наших войск, не поддаваться ни на какие провокационные действия.... Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить». За невыполнение приказа был обещан трибунал и расстрел на месте, читаю: статья 193 УК РСФСР. Так что, твой Жуков --преступник. Он прекрасно знал, что нападение непременно совершиться в ближайшие часы, но своим трусливым бездействием и своей преступной директивой в последние часы мира поставил армию и страну под смертельный удар. Вот так --то!

--Ты откуда эту книгу выкопала? Самиздат, поди, вражеский?

--Сам ты самиздат, толковая книга. Каждое обвинение твоего полководца—гения в ней подтверждено документами из архива вооруженных сил. Каждое!

--У нас —то она откуда? Что—то я раньше, как—то не замечал, чтобы ты военной литературой увлекалась?

--Внук у тебя есть. И, к счастью, бог его умом и любопытством не обделил, как нас с тобой. Ты вот возьми эту книжку на дежурство и не детективы жуй, а по настоящему узнай о той войне, которая из тебя дурного инвалида сделала.

--А как она называется?

--«Тень победы». И написал её бывший офицер КГБ Виктор Суворов. Он много книг о войне написал, много тайн раскрыл. Не побоялся!...

--И как это его, интересно, не замели дружки сослуживцы ?!

А он во время за границу скрылся, и псевдоним себе взял Суворов. Настоящая—то его фамилия, Резун.

--Удивительное дело...Сама понять не могу, как это его Жуков не нашел и не пустил в расход. Да, что там Жуков, ведь он окромя его, наверняка, ещё многих из наших вождей в своих разоблачительных книжках прихватил.... Наверняка! А наши ---то соколы, ох как этого не любят.... Не любят и не прощают. Опять же вспомни ещё разок наших особистов, СМЕРШников! Не люди были—волкодавы! Так вот этот приказ за № 31, стрелять в спины отступающим солдатам под огромным натиском врага, тоже твой Жуков издал. Твой гениальный стратег Жуков не просто отдавал преступные приказы, выполнение которых обернулось гибелью кадровой армии, но он железной рукой душил любую инициативу нижестоящих, если он шла вразрез с его, всегда единственно правильным мнением. Мало того, под градом зверских приказов Жукова нижестоящие командиры попросту теряли способность к самостоятельным действиям. У Жукова выживал только тот, кто не имел собственного мнения и не проявлял инициативы. После войны он объявил, что неудачи первых месяцев войны объяснялись тем, что укрепленные районы находились слишком близко от границы, войска были неустойчивыми, впадали в панику. Уверена, что если бы не его чудовищные приказы, а они сыпались камнепадом, войска находились бы не в лесах и непроходимых болотах вначале войны, а в железобетонных укреплениях. И были бы они устойчивыми, и нечего было бы им впадать в панику. Вот послушай, что о Жукове пишет Маршал Малиновский: «Жуков опасный и даже страшный человек.... Я 30 лет с ним работаю. Он самовластный, деспотичный, безжалостный человек.... Я видел, какое невероятное хамство проявил Жуков к ряду людей, в том числе крупным волевым людям».

--Валюша, да бог его простит, мы же с тобой, слава Богу воевали не на его фронтах, просто у немцев же, было куда как больше оружия и военной техники вначале войны. И напали фашисты на нас неожиданно. Видать, ёлкин корень, разведка наша плохо сработала.

--Это мы, дураки не смысленные так думали. И так нам пела наша пропаганда. А ты послушай, как это было на самом деле: Сталина добрый десяток наших лучших разведчиков, рискуя жизнью, предупреждали о том, что Гитлер готовит войну. О том, что война должна начаться со дня на день знал даже каждый школьник. Зорге и многие другие называли точную дату нападения, но великий

вождь не верил им. Он считал их провокаторами, работающими на Гитлера, и даже приказал их уничтожать. Жуков, как начальник штаба всей советской армии лучше всех это знал, но трусил перед Сталиным и поддакивал ему. Шкуру свою спасал, трус! А на счёт превосходства немецкого оружия я тебе прочту официальные, и очень интересные цифры.

Валентина надела очки, открыла страницу проложенную закладкой и прочла:

К июню 1941 года советская армия имела 25992 танка, немцы 3470. Самолётов 9917, немцы 3200. Под ружьём находилось 5,4 миллиона солдат и офицеров. В немецкой армии только 3, 2 миллиона. За войну Германия выпустила 68 тысяч миномётов, а СССР -348. А про пушки и говорить не хочется.... И это уже не Резун, это официальные цифры из истории Второй Мировой войны, опубликованные в наших книгах. Да, что там... ешь, горе моё. Ты почти всю войну в госпиталях провёл, что ты о ней знаешь? Так,,, что, считай, повезло тебе с этой контузией. А мог бы как Трусин и другие тоже в плену оказаться, и как бы там сложилась твоя судьба, никто не знает. Никто... Вот возьми генерала Власова. Москву отстоял! Сталин его любил и перед всеми другими генералами в пример ставил, а выходя из окружения, попал в плен и кем стал? Так что не вини Трусова, ничего ты про него точно—то не знаешь. А то, что о нём другие болтают, так ты слушай больше. Наш лейтенант в гости, говоришь, напрашивался. Вот, как придёт, мы у него и спросим. Он про войну много чего знает. Книжку даже хотел писать. А, может быть, даже и написал, да никто печатать её не захотел. Видать, что—то он в этой войне не то, что в газетах писали, видел... Я краем уха слышала, как он нашему внучку —шалопаю, что—то интересное про Брестскую крепость рассказывал. Он когда книжку Суворова ему подарил, так я неделю его оторвать от неё не могла. Он даже футбол свой ненаглядный забросил. Два матча по телевизору пропустил, так она его забрала.

--И всё равно я своему слову верен. Предатель, он и есть предатель. И судить его надо, по всей строгости законов военного времени. И не надо их оправдывать, ёлкин корень. Сплоховал,-- получи. И всё тут!

Валентина глубоко с горестью вздохнула, обхватила голову руками и, повернувшись к иконе Божией Матери в красном углу выдохнула:

--Ох! За что только ты так караешь меня, Боженька?! В чём я перед тобой провинилась? В чём? В том что человека этого не вразумила, когда из овоща его снова разумным слепила. Так старалась же я, как могла и не могла старалась....

Лукич пропустил ещё одну рюмку, громко хакнул, со стуком поставил её на стол, и громко изрек:

-- И внуку своему, нашему внуку я скажу: Внучек,если, не дай Бог, тебе воевать придётся, береги для себя последний патрон! Держи штык наготове! Умри честно, как должен умереть настоящий русский воин, но врагу, ёлкин корень, не сдавайся!

Лукич, прикурил от конфорки газовой плиты, встал из за стола и прижался губами к затылку жены. На душе его было не всё спокойно. Нет, не то чтобы кошки скребли..... Особой вины перед Валентиной за собой он не чувствовал. ...Ну, пошёл под стрельбы... Ну, маленько обманул её , сказав, что перепутал день....Велика ложь? Всё же нормально закончилось...Он же не круглый дурень, елкин корень, под самые разрывы лезть. До них ещё ого—го....Метров пятьдесят, а то и все семьдесят... Вон в кино снаряды метров за двадцать, если не меньше взрываются....и ничего....

живёхонькие! Зато сколько он уже правды из своей прошлой жизни увидел?.. Кому рассказать—не поверят же.... Вот и Валентина, поди, тоже не верит, дурёха... Да и как в это нормальному человеку поверить? Чертовщина, да и только...Ну, да, Бог с ним, с полигоном. В эту среду не пойду, обожду маненько. А через неделю, она и позабудет об этом обстреле. Только надо загодя побольше грибков набрать. Прийти пораньше. Тогда она и, вообще, не заметит где был. Он сделал последнюю глубокую затяжку, и почти со спокойной совестью пошёл в спальню. Валентина не обернулась ему вслед, хотя слышала, как хлопнула за ним кухонная дверь. Она встала на колени и, обратив взор к небольшой иконке Спасителя, шёпотом запричитала:

-- Господи! Спаситель наш! Вразуми его, блаженного. Не виновен он ни в чём! Не виновен! Война злодейка его сломала!. Она, проклятушая! Не ведает он, убогий, что говорит! Не ведает, в чем сам повинен! Не в памяти тогда был! Не в разуме! Не ведает он, сердешный, почему жив тогда остался.... Не ведает, кто ему тогда руку протянул, телом и жизнью своей прикрыл! Вернул его обратно в жизнь! Прости его блаженного, Господи, прости и дай ещё пожить нормальным человеком на этом мирном свете! Не виноват он! Чист он душой и сердцем. Просто, так уж судьба сложилась....

Валентина загасила лампадку под иконой. Долила в неё масла. И вновь зажгла. Огонёк, потрескивая несколько раз, подмигнул ей, и дальше вновь зажил своей ровной, согревающей сердца верующих светлой жизнью. День, слава Богу, закончился хорошо. И можно было со спокойной душой отойти до утра, отдавшись в сладкие объятия Морфея.... Достала из холодильника и поставила на стол под полотенце ужин внуку. Оставила записку, что бы подогрел его, как придет с дискотеки, хотя знала, что он проглотит его, какой есть, холодным, не читая её писули, и ушла вслед за мужем спать.

Неделя проскочила незаметно. Стариковские недели они, вообще, пролетают со скоростью хорошего ветра. Видать судьбе надоедает возиться со старьём.....Дряхлость—она кому приятна? И Господь тут не исключение. Интересно, куда он деваает эти человеческие отбросы. Старики и особенно старухи очень занудны и прилипчивы, наверняка, они портят настроение молодым и здоровым в раю! Наверняка. Да и святому персоналу от них тоже, наверняка, житья нет! В этом отношении молодцы были спартанцы, которые престарелых родичей для общего блага сбрасывали в пропасть. Это же на одной пенсии государству, какая подмога! Сплошная экономия! Да и японцы тоже вовремя сообразили, что к чему. Своих старичков они свозили на высокую гору и оставляли там для грифов! Правда, перед тем, как уйти домой нежно обнимали их, целовали, и уходили спиной вперёд, низко кланяясь любимым папочке и мамочке. Очень вежливая нация! Очень! А мы экономики не придерживаемся. И возимся со старьём и возимся, да ещё, сколько денег на похороны тратится, да на поминки! А про надгробия я уже и не говорю. Это ещё хорошо если родители на свои похороны сами накопили, или ещё лучше если детям и внукам что—то оставили, а если нет?! В этом отношении самые деловые люди, это людоеды. Это, которые капитана Кука на обед оприходовали. Хотя врать не буду, может быть и на ужин. Нет, на ужин вряд ли, сон с полным брюхом уж больно тяжёлый. Вот у этих туземцев полна. И экономия получается. Они со своими старичками с аппетитом управляют! От престарелых родителей одна только польза получается! Да—а,.... в старости радостей не много. Утром сам от себя в зеркале отворачиваешься, хоть, вообще, не брейся! Недаром есть народная примета: нельзя смотреть в зеркало, когда ешь, а то счастье своё проешь. И пить тем более нельзя—пропьёшь. А в туалете зеркало лучше, вообще, не вешать...Одно расстройство в старости от него...Одно... Вот судьба

пошибче и раскручивает своё колесо ! С одной стороны,-- чтобы и в сроки, установленные Всевышним по количеству назначенных им человеку жизненных годков уложиться, а с другой-- поскорее закончить эту шарманку. Родился, пожил, полюбил, поплясал, детей сотворил и вырастил, внуков понячил, до хулиганского возраста и будя! Для особо высокой скорости течения времени, дала она человеку, правда, это, в основном, касается мужского полу, -- машину времени: --водкой называется! С утра выпил, --и уже завтра! Где--то я эту поговорку уже слышал. Очень толковая поговорочка! Очень! Так что, тут только успевай из календаря на стенке листочки отрывать....Правильно об старости в календаре написано: «Старость начинается тогда, когда больше денег тратится на поддержание здоровья, чем на его разрушение». Мудро подмечено. Мудро!...И эту тоже я где--то слышал...Ну, да ладно, побалагурил, пофилософствовал и будя! Пора на боковую под горячий женкин бочок

.....Х.....

Утречком собрался пораньше. Все в доме ещё предпоследний сон смаковали. Пирожков, что вчера Валюша напекла, положил в корзинку целых три штуки, один с мясом, а два с капустой, да и бутылочку пластмассовую морса клюквенного не забыл прихватить. Для утоления жажды с одной стороны, и устранения сухомятной икоты с другой. Клюква, она, ёлкин корень, и тяжести ощутимой не даёт и польза от неё большая, не говоря уже, об удовольствии при употреблении....На полигоне объявился, как и задумал. В аккурат с восходом солнышка. С ранья и грибочки искать сподручнее. С одной стороны-- не жарко, солнышко ещё молодое и неокрепшее. А с другой, под косым лучом грибочки получше видать, особенно ежели правильно палкой траву отгибать умеешь. Так к десяти часам, к началу стрельб, глядишь, и половину корзинки отоварил. Причем, брал только стоящие: белые, красные и подберезовики помоложе, чтобы перед Валюшей не стыдно было. И никаких там козлят или маховиков! От них одна слизь. Ни, ни!... Нашёл окопчик подходящий. Нарезал ельника попушистее для подкладки телу. Настрогал ароматного и посуше, с середины ствола брал. Для начала закурил, а затем подстелил ватник и залёг. Первые снаряды пролетели подальше, чем он предполагал. Страху не нагнали, и мураши по спине не забегали. Со вторым и третьим та же конфузия.... Зато четвёртый шархнул так, что его окопчик вместе с ним, чуть было весь до краёв землёй не закидало. А один шальной осколок верхушку с ели, что рядом стояла, начисто сбрил! Точно, как бритвой! Пороху в гильзу не доложили, халтурщики, вот и не долетел до положенных в инструкции метров....Видения, однако, не приходили....Видать, надо было подползать поближе ... Лукич лег на спину, закурил и решил дожидаться перерыва в стрельбах. В перерыве и переползть было сподручнее. Почему --то вспомнил соседа по двору, Феофана, имя у его такое странное, пьяницу и сумасшедшего доминошника. С утра до вечера только и делал, что с бомжами в козла стучал. Жена его не жаловала, звала обезьяной, когда проходила мимо по двору, сумкой по башке всё поддать норовила. Зря это она, конечно.... Зачем родного мужа забижать на товарищах! Погоди до дома, а там и верши свой бабский суд, там твоя территория.. Лукич, как --то полюбопытствовал, почему такое глупое прозвище она ему придумала. --Да , наверное потому,--не задумываясь ответил Феня, --что от меня, как и от обезьян уже произошло несколько человек. Алкаш был, пробы ставить негде, а детей у него,.... одних только законных, было, чуть ли не целая дюжина. И что интересно--все, как один почти нормальные, ну, хотя бы с внешнего виду... Лучшие годы своей жизни,--любил он говорить,--я провёл в разврате и пьянстве. Собственно говоря, наверное, потому--то они и лучшие... Почему--то припомнился Лукичу сынок, Виктор, когда тот ещё совсем малышом был. Симпатичный был пацан, да и смысленый не по годам. Недаром из него потом инженер настоящий получился.

Вспомнил, как Димка, внук как—то сказанул ему с обидой :-- «Папка, ты меня выродил, чтобы любить? Или чтобы я тебе собирать игрушки в коробку помогал?» Смышлёный внучёк получился. Тяжёлый, режущий уши свист очередного залпа и сильнейший разрывы снарядов оглушил его, и тут уже мурашки не просто побежали один за одним, а понеслись, можно сказать, целой толпой, демонстрацией, ёлкин корень! Казалось, даже расцарапали кожу на спине.... Он отряхнулся, поглубже вжался в окопчик и увидел.... Увидел четко, ясно.... Увидел лейтенанта, Трусина, Боченка, Нечипайло и.... себя... Правда себя, почему—то, он на этот раз узнал с трудом. Узнал по предвоенной фотографии, которая чудом уцелела в школьном архиве. На ней он выглядел молодцом. Красавец, да и только. Такого и девкам было любо дорого любить. Недаром, недаром Валентина на него тогда запала. Было за что! Он уже не слышал свиста и разрывов, он весь был там, в том времени.....Лейтенант поглядел на часы и спросил у Трусова:

--Как, готовы?

--Так точно, товарищ лейтенант. Всегда готов.

--Лукич, сколько на батарее осталось гранат?

--Семнадцать, товарищ лейтенант. Две РГД, одна противотанковая в связке, остальные —лимонки.

--Не густо....Нечипайло?!

--Вслушаю, втоварищ лейтенант.

--Да не вслушаю, а слушаю! Повторите.

--Да, кто ж не вполучится, товарищ лейтенант.

--И все-таки попробуйте!

Нечипайло, соорил послушную мину и повторил то же самое. Все рассмеялись. Лейтенант безнадежно махнул рукой:

--Ничего, после войны я тебя потренирую. Ты у меня и на английском заговоришь, с турецким акцентом.

--Опосля войны я враз внаучуся, втоварищ лейтенант. Враз! Хучь с каким акцентом. Хучь с втурецким, хучь с самим вьевреским.

--Да—а, на еврея ты, конечно, сильно смахиваешь. Ну, просто, вылитый белобрысый курносый раввин.

--А шо, вунас в удеревне один вьеврей булл, Васька рыжий! Так ему в церкви наш всельский поп, Абрам маленький вкусочек от елды оттяпал. Привычка у ентих евреев, жидов, по-- нашему, втакая исть. Укорачивать, что вмасть вдала. И не бояться вже вчерти....

--В церкви, говоришь?

--А то, где ж ишо? Поп яйцо вкрутое вутиное Васке в рот заткнул, шоб не верещал, клещами ялду у вьего оттянул и вножичком вострым вжик, вжик и усё.

--Что—то ты, Опанас всё перепутал. Васька, имя чисто русское, а православные попы в церквях обрезание не делают, даже если их зовут Абрамами или Соломонами. Обрезание делают раввины и не в церквях, а в синагогах. И клещами еврейские священники не работают. У них есть инструменты потоньше и понежнее.

--Може и так.... Но я бы ни вжись свой огузок коротать бы не дал! Ни вжись!

-- Кончай болтать. Ильин, возьми Нечипайло и действуй. Значит так, у блиндажа, слева от входа, в окопчике пулеметного гнезда лежат две противотанковые мины без детонаторов. Остались от минёров, неукomплектованные. Волоките их сюда. Если наша химия не сработает, мы их гранатами подорвём под нашими красавицами.

Ильин скорчил недовольную мину и жалобно обратился к лейтенанту:

--Товарищ лейтенант, можно я вместо Нечипайло Боченка возьму? Боязно, товарищ лейтенант.

--Отставить, Ильин. Ничего опасного тут нет, я же сказал, что они без детонаторов. Их кувалдой можно бить—не взорвутся.

--Товарищ лейтенант, это у нормального человека они под кувалдой не взорвутся, а у Нечипайло они просто так, только от одного его вида запросто могут рвануть. Он всякой невезухе запал. Да и раненый он.

Лейтенант почесал в затылке и с сомнением в голосе спросил :

--Нечипайло, ты как, сможешь.

--Я то-- чо? Мне это враз. Тильки, втоварищ влейтенант, шо вони вси к моей фамилии причипляются. Шо в ей такого? Хучь поменяй её враз!

Боченок надел каску и, бросив недокуренную самокрутку, елейным голоском невинно пробасил:

--А, что, конечно поменяй! Я бы на твоём месте давно бы это сделал. Я слышал смена фамилии и имени враз меняют судьбу человека.

--Во, во!

Поддержал Боченка, Ильин.

Я в газете читал объявление: « Некто Иван, по фамилии Дерьмо, меняет имя на Петр». Как тебе такое?

Нечипайло глубокомысленно задумался и после долгой паузы серьезно спросил:

--Так вин вже тилько имяко взаменял? А фамилие у вьего старое восталось.

--Так ты и имя поменяй, был Опанас, стань например Одиссеем, или, скажем, Гераклом! Тебе это очень подойдет! Имена древних греческих героев! Ты только вникни, Геракл Нечипайло! Как, звучит?! А? Звучит гордо! Можешь еще назвать себя, скажем, Демосфеном, или Пифагором, или

вот, нашёл, Архимедосом?! Как тебе это понравится, а, тоже ведь неплохо? Ты только послушай, как звучит: Архимендос Нечипайло! Конфетка! Фрицы услышат—в штаны от страха наложат! А?! Ты представляешь, фронтовая озвучка с четырьмя раструбами громогласно объявляет на всю немецкую передовую: «Граждане фрицы, сейчас на вас пойдёт в атаку подразделение старшины Архимендоса Нечипайло! И мы врываемся без единого выстрела во вражеские траншеи, а там рядами лежат фашисты один на другом! Лежат и не могут от страха занять боевое положение, так как штаны полные страха прижали их намертво ко дну траншеи! Товарищ лейтенант, я прав?

--Ильин не мешайте бойцам выполнять приказ. Ноги в руки и ползком за минами. А тебе два наряда вне очереди. Первый за пренебрежительное отношение к боевому товарищу и за отсутствие веры в его безграничные способности. Второй за трусость. Лукич, приготовьте с Трусиным десять лимонок. В крайнем случае, засунете их в стволы и одиннадцатой подорвёте. Баруздин, сбегай по траншее к хутору и срежь бельевые верёвки. Постарайся не становиться в рост, когда срезать будешь. Привяжи нож к палке.

--И сколько их нарезать?

--Думаю метров двадцать, не меньше. Чтобы боевой спуск из траншеи дернуть. Казенник —то, наверняка, разнесёт вдребезги....Тут и к попу не ходи....

Трусин задумался, что—то нацарапал на стенки траншеи и бросил веточку:

--Разнести—то разнесёт, тут как пить дать Только верёвка бельевая вряд ли выдержит, спуск —то тугой. Да и скорее всего гнилые они

--Втрое, вчетверо пустим. Но я больше надеюсь на мины. Да вот и они... Тащат... Николай Степанович давай-- ка подстрахуем....Берём остороженько по одной. Как, герои? Ильин, всё в порядке? Надеюсь, на этот раз без приключений?

--Почти, товарищ лейтенант. У рядового Архимандроса, виноват, Нечипайлы, мина из рук сорвалась да покатила под горку! Причем, что характерно: она нет чтобы нормально, как говориться, по человечески катилась бы себе, и катилась, так не же, начала, сучка, подпрыгивать, как заяц деда Мазая! Если бы об танк побитый, не удержалась, враз бы в реку и угодила. Тогда пришлось бы из Архимандроса, виноват, Нечипайлы сделать земноводное или водолаза!

--Поменьше болтайте, Ильин, а не то третий наряд вне очереди схлопочите за длинный язык.

--Та, втоварищ, лейтенант, вона ж, зараза, вкруглая вкругом. Да тяжёлая, як тельна корова. Я вподумав, може её, сучью кровь, катить буде сподручней! Та вина сорвалася, сукиная дочка, да вьеще и прыгать встала, всё равно, як вкоза перед случкой с быком.

Бойцы зажали рты, чтобы дружно не расхохотаться. Лейтенант, смахнул грязным рукавом шинели слезу и, едва сдерживая смех, скомандовал, только что вернувшемуся Трусину:

--Николай Степанович, подготовь мины, и заложите их с Ильиным под казённые. Шухеру наделаем мы этими взрывами. Всполошим фрицев. Подготовьтесь, как рванём, сразу отходим. Как верёвки?

--Гнилые, товарищ лейтенант, совсем гнилые. Не выдержат, хоть в пять раз их скручивай. Да и мало их там.

--Что же делать будем? Трусин, вы у нас мужик изобретательный, думайте!

--Позвольте товарищ лейтенант.

--Ну?

--Разрешите мне самому подорвать их без верёвок? Мы их поближе подкатим замками, ремни поясные привяжем, я все и дёрну.

--Не Эдисон... Скорее, Александр Матросов... Спасибо, Николай Степанович. Это крайняя мера. У вас ещё не раз будет возможность отправиться в темное царство под руку со старушкой в черном, вооружённой косой. Давайте соображать дальше... Эх, жаль, Сапунк подорвался, он бы, наверняка, что—нибудь придумал.... Конечно, если бы Нечипайло ему в тот раз не помог.... Бочёнок, возьми двоих, и захороните Володю, а это в его честь салютом будет.

Нечипайло, Ивлин, и Боруздин, взяв сапёрные лопатки, полезли через бруствер к воронке. Лукич мрачно проводил их долгим взглядом и крикнул вслед:

--Апанас, вернись!

Лейтенант удивлённо посмотрел на него:

-- Зачем он тебе, Лукич?

--Да, ну его к чертям собачим.... Он скорее ребят захоронит, чем останки Сапунка. Перепутает всё, ёлкин корень. Ещё и их закапывать придётся.

Лейтенант тяжело вздохнул и махнул рукой показавшейся над бруствером голове Нечипайло.

--Слезай, сами управятся, а без тебя им спокойнее будет. Куда ребята с носилками делись? Ей—ей, их только за смертью посылать.

Лукич отобрал у Нечипайло свою сапёрную лопатку и не торопясь, аккуратно упрятав её в вещмешок, пробурчал, вроде, как про себя:

--За смертью и послали. Как их рубить—то, жёрдочки?... Там не то, что в рост, на карачки не встать. Фриц их из пулемета быстрее срежет, чем они ножами, ёлкин корень...

Трусин, задумчиво сидевший на пустом снаряжном ящике, поднялся и, оправив гимнастерку, пригнувшись, быстро побежал по траншее в сторону хутора. Лейтенант удивлённо поглядел ему в след и покачал головой.

--Видать придумал что—то. Не свалился бы опять... Нечипайло подсел к Валентине и, смущаясь, начал ей что—то негромко рассказывать.

-- Вот, як взгляну я на вас, втоварищ всанинструктор, и враз мысль такая вменя усё аж насквозь прошибает, и до вчего вже вы на вмою суседку смахаваете. Вта втоже уся из себэ фигуристая, чернявая, и ходить як усе пава вкакая. Дак от неё уси наши парни в деревне башки потеряли. Ну,

вточно, пава, як и вы. Правда, у ей усики такие гарные под носиком вились, и хроменькая она на одну ножку была, а так бы вы точно вона!

--Это вы к чему, Нечипайло?

--Вто ж я в её, можно сказать, усдетсва без памяти влюблёный был. Як гляну, як вона иде хроменькая, втак усё, башку сносит.

--Это как понимать прикажете, как объяснение в любви, что ли?

--Та ни...Вина впросто акушеркой булла, у в сельской больницы работала. Дак вина бильё на старых бинтах всушила. Вони дюже крепкие, заразы. Дак я и вподумал, як вы схожи с ней вбудите.

Лейтенант с восхищением поглядел на Опанаса и присвистнул.

--Ну, ты молодец, Нечипайло! Гений! Ну, просто Кулибин!...Валентина, разворачивай свои индпакеты. Ну, Нечипайло, удивил, ты просто гений! Недооцениваем мы тебя! Пожалуй ты уже даже не Кулибин, ты русский Леонардо да Винчи!

--Да я вже не сувсем, шобы русской, я больше с вкраиноской кровию замешан мамкой от рождению. Вменя папаня, ото русский буде. А маманя, ни. А того самого, что вы вговорите, Леонарда, я не бачу на личность. Ни вразу не вбачил! Уклянуся.

--Конечно, он же из соседней дивизии будет.

--Во, во, ну я вже про то и вговорю. На личность не встречал, не приходилось, ей, ей...

Валентина прыснула в ладони. Лейтенант еле сдерживал улыбку.

--Скажите Нечипайло, вы смогли бы изобрести, ну, скажем, такую пустяковину, как вертолёт?

--А шо там изобретать, присобачил вбольшой пропеллер к бочке, крутанул мотором, вона и полетит. Я на хуторе и не втакое въеще понадумывал. Трубы кошкой чистить намастрячился. За фост привяжу её и в трубу! Сажу за три раза чистила взараза, только так. Только вкричала больно противно. Видать ёй не по вдуше енто взанятие. Вона больше любить мышов давить.

--Потрясающе! А рисовать умеете? Портрет женщины например, сможешь изобразить??

--Як в горшок вплюнуть: точка, точка, запятая, вминус врожица вкривая, впалка, впалка, вогуречик, вон тоби и вчеловечик....

--Да, Валечка, мы с тобой не ошиблись! Гений. Да Винчи тут и делать нечего...Смотрите, а вот вам и ещё один Эдисон бежит.

По траншее, с мотком колючей проволоки в руках, быстро шёл Трусин.

--Николай Степанович, вы часом с Леонардом да Винчи не знакомы?

--Смотря, какую его работу вы имеете ввиду, товарищ лейтенант? Из области техники или искусства? Я большой поклонник его творчества. Особенно, конечно, живописи.

--Да нет, просто рядовой Нечипайло хотел бы с ним личное знакомство свести. Он желал бы с ним обменяться жизненным опытом, некоторыми собственными выдающимися изобретениями, то есть, потягаться силами и интеллектом.

--Попробовать написать вторую Джоконду?

-- Нет! Как я сказал, обменяться опытом по части некоторых изобретений, в частности бельевых верёвок из бинтов. Как вам это предложение?

Трусин с восхищением поглядел на Нечипайло.

--Апанас, ты что сам до этого дошёл?

--А то. Я вже сам видел, як из них верёвки для бинтов суседка вделала. Они вдюже були крепкие. На их и фрица повесить запросто можно.

--Фрицев после войны вешать будем, и на настоящих классных веревках, а ,пока, это отличный выход из положения. Я тебе, Нечипайло, за такое изобретение к медали представляю, если, конечно, доберёмся до наших. Ребята, сдвигайте пушки и разматывайте бинты.

Лейтенант присел на снарядный ящик и закурил. Валентина присела рядом.

--Товарищ лейтенант, почитайте стихи.

--Что это вы вдруг, Валюша?

--Да и сама не знаю. Тихо сейчас.. Надолго ли. Выйдем ли мы из окружения, или погибнем все?...И очень вдруг захотелось. И чтобы про любовь.....Про красивую и грустную...

Лейтенант затаился, затушил окурок и произнес тихо, после длинной паузы:

--Про любовь, Валюша не знаю...Сейчас моя главная и самая желанная любовь—победа:

Вы думаете, павшие молчат?

Конечно да—вы скажите.

Неверно!

Они кричат.

Пока еще стучат

Сердца живых

И осязают нервы.

Они кричат ни где-нибудь,

А в нас. За нас кричат.

Особенно ночами,

Когда стоит бессонница у глаз
И прошлое толпится за плечами.
Они кричат
И будят нас, живых,
Невидимыми, чуткими руками.
Они хотят, чтоб памятником их,
Была земля
С пятью материками....
И ходит по земле
Босая память—маленькая
Она идёт, переступая рвы,
Не требуя ни визы, ни прописки.
В глазах то одиночество вдовы,
То глубина печали материнской.
Её шаги не слышны и легки,
Как ветерки
На травах полусонных.
На головах меняются платки—
Знамёна стран, войною потрясённых.
И, может быть, сейчас покрыла им
Моя землячка худенькие плечи.
И вот идёт,
Печали не тая,
Моя тревога,
Боль моя и муза.
--Кто ты?!
--Не узнаёшь.
Я память о войне...

И запахнулась красным полушалком

Менялись флаги на её плечах,

Черты лица и голоса менялись.

И лишь слеза—одна на всех.

Со дна

Людского горя....

В ней боль одна.

И скорбь одна

Она

Везде и всюду

Солона как море

Одна слеза

И гнев из под бровей

Один.

В глазах, как исповедь, открытых

--Я мать тобой убитых сыновей.

Тобой забытых

--Так пусть войдёт бессонница моя

И опалит ресницы

Моей бедой

И гневом глаз моих.

А днём уснёшь—

Она и днём разбудит

Но я не рядовой...

А рядовых,

Сама ты знаешь, за войну не судят.

Нет, судят...

Валентина промокнула слезу бинтом, и задумчиво прошептала:

...—Нет, судят.... Всё равно хорошие стихи. Кто их придумал?

--Да так, один поэт. Но он их ещё не придумал...

Вернулись из воронки солдаты. Мрачные, с какими—то отрешенными лицами.

--Схоронили, товарищ лейтенант. На дне воронке и поглубже. Земля —то мягка там....После войны воронку заровняют, вообще, далеко под землю опустится... Документов не нашли...Не осталось просто

Лейтенант снял каску и пилотку под ней и подняв голову трижды перекрестился.

-Товарищ лейтенант, вы что, крещёный ?

--Не знаю Валечка, может быть и так... Бабка моя так Всевышнего просила Сказывала, что помогал. Я тоже Его иногда прошу, но Он, наверное, меня не слышит. Может быть и не крещёный. Скорее всего так Время для этого было не подходящее. Во всяком случае, крестика на мне никогда не было. Но, если до победы доживу, обязательно попрошу окрестить меня нашего батюшку. Пусть даже меня за это накажут.

--Я тоже не знаю... Давайте вместе к нему пойдём...если конечно, Всевышний сохранит нас до победы.....

--Валечка, приводите своих, если смогут,--будем прощаться.

Через бруствер бойцы осторожно приняли раненных. Их подвели и поднесли к пушкам и каждый по – своему простился с ними. Кто гладил стволы, кто прикладывался головой и, что—то тихо шептал, кто целовал их. Кто плакал, открыто, не стесняясь мужских слёз, вместе с Валентиной, Так прощаются люди с дорогими им почившими друзьями. Лейтенант встал на колени, положил левую руку на колесо, трижды перекрестился и молча простоял минуту, склонив голову.

Сама ты знаешь, за войну не судят.

Нет, судят!

Солдат!

Он должен быть жесток

И как взрыватель, прост.

Над нами Бог,

И с нами Бог:

Огонь!!!

Поштучным,

точечным,

строчным,

С колена бил,
С брони,
Не по фанерным—
По живым,
И падали они.
И вниз лицом.
И к небу—вверх—
В хлеба, в осоку, в ил:
Бесился автомат.
И он, солдат срастался с ним
И сам, как автомат
Тупея
Гнал пред собой
Убойную волну
Из боя-- в бой.
Из боя—в бой.
И из страны в страну.
Из боя—в бой
Из боя—в бой.
Он шёл
Из года в год.
И убивал
И сеял боль
На много лет вперёд.

.....X.....

Сильнейший взрыв разбудил его. Он открыл глаза, не понимая, где этот взрыв произошёл, там под пушками или здесь, от разорвавшегося близко снаряда. Полежал ещё минут двадцать,-- удостовериться, что стрельбы закончились и можно подняться. Корзинка с грибами опять перевернулась, и он вяло, как в забытьи поштучно, без счёта, собрал их обратно в кузовок. Солнце поднялось почти в зенит, и можно было ещё походить по лесу, но желание не возникло, и он

медленно поплёлся к мотоциклу, заново пересматривая в уме увиденное. В общем—то, по большому счету, ничего особенно нового он не узнал. Всё это Валентина уже не раз рассказывала ему. Но услышать— это одно, а увидеть, почти пощупать это своими руками,—это совсем другой коленкор. Совсем другой, ёлкин корень.... На ребят, опять же ещё разок поглядел. Лица —то, вроде бы как и знакомые.... Надо же, как память потерял всех их позабыл начисто, а сейчас увидел снова, и вроде бы, и не забывал. Странная это штукавина память, ёлкин корень.... А молодым—то я был ничего себе, в смысле до контузии.....После войны только лет через десять толком рассмотреть себя в зеркале смог. И уже был совсем не тот. Совсем не тот....А вот того—то сержантика-- можно было Валентине и полюбить. Того, точно, можно было.... Вот и полюбила , да так, что и после войны после госпиталя нашла и выходила. Вот, что такое любовь женщины. Мы—то мужики— совсем другое дело. Совсем другое.... Одно слово:—петухи, да кобели. Хвост по началу распушим, расфуфыримся.... Цветочки, танцплощадки, рестораны, кто побогаче. А как своё получим— ауфвидерзеен, привет семье, если по—нашенски с иностранного. Сволочи, мы мужики. Одно слово сволочи... Но, конечно, не все... я бы, лично, никогда такого..... Никогда! Женщину не только хотеть, но и уважать надо! И любить, естественно... Если, конечно, она такая, как моя Валентина,— стоящая, ёлкин корень! Вон на неё даже такой обалдуй, как Нечипайло, и тот глаз положил.

Мотоцикл на удивление , сходу завёлся. Старый «иж», гряда железа, что с него взять. «Ява» бы, или « Ямаха» —совсем другой коленкор. Красавицы. И журчат тихонечко, как песня. Мой—то тарыхтит за версту слышать... Одно слово советское производство, значит, отличное,....от хорошего....Вон возьми у соседа по парадной, Гришки Остапчука, --«Харлей», американский. Ему лет сто, поди, в обед. А ходит—любо дорого... Что ты хочешь, Америка, она и есть Америка. Карданный вал вместо цепи и мотор четырехтактный. Фантазия, ёлкин корень. Мне бы такой, вообще, не слезал бы. По коридору квартиры бы ездил. Он же даже и не воняет выхлопом. Чистый бензин в баке, без всякой добавки масла. Америка, едрёный корень... Гараж был неудобный. Хоть и рядом с домом, дали как инвалиду войны, но низкий и крыша наверх поднимается—«Ракушка» называется. Но хоть такой есть. Почитай, сегодня —и это счастье. Не на улице все же.

.....Х.....

В квартире его ждал сюрприз—лейтенант в гости зашёл. Валентина тут уж разошлась. Стол замастрячила, как все одно на свадьбу. Желудок от одного только виду заурчал в предвкушении. Картошечка со свежим укропом и селёдкой баночной, жирной, мурманской. И водочка холодная из морозилки со слезой. Видать по всему —ейная заначка для парадного случая. И тут тебе колбаска варёная докторская. И шпротки рижские. Ну, само собой, лучок репчатый в уксусе вымоченный, лежит себе ласковый на селёдке с подсолнечным маслом ароматным с базара. Икра кабачковая, домашняя, своя. Валентина её стряпает —пальчики оближешь! Капустка, тоже своя, квашенная с яблоками и морковкой тёртой, заправленная ароматным маслом под «провансаль» с клюквой и сахарком. А уж огурчики малосольные, свои, с огорода, тут и разговору нет. Хруст от них при кусании такой происходит, что будто зубы ломаются....И тут тоже ейный секретик есть, она в рассол чуток водочки доликает, чтобы в хрустности хренку да дубовым и вишнёвым листочкам подсобить. Яичница, опять же, глазунья. И борщ фирменный, Валентинин: с сухими грибочками, черносливом и бобами на плите аромат распускает, стоит, родимый, терпеливо ждёт своей очереди. Во время лейтенант пришёл. Во время, что не говори. Угадал, выходит. Угадал. У голодного мужика чутье получше собачьего. Лейтенанта—гостя дорогого

разглядел не сразу. Тот из туалета вышел. Руки мыл. Так вот чему праздничный стол обязан –то был. Ну, обнялись, конечно, с чувством. Потом за руку поздоровались. Как положено у русских. Лейтенант –то, конечно, уже и не лейтенантом выглядел –подполковником. Хотя и без погон и формы был. Но подполковник, он в любой одежке –подполковник, ежели, конечно, настоящий. Ну, а этот –то куда, самый, что ни есть всамделишный, как ни говори, войну всю от и до прошёл, вся грудь в орденах да медалях.... Настоящего --то за версту видать, если, конечно, глаз у тебя намётанный. Сели. Подняли первую, как положено, со свиданьем, вторую --за Валюшу, третья -- за войну пошла. Ну, а потом уже и разговорились окончательно.

--Да...пораскидала нас судьба Лукич, пораскидала.... Думал ли я ещё пару лет назад, что приеду сюда, что устроюсь на полигоне и, наконец, что встречу вас с Валюхой. Да застрели меня на этом самом месте --никогда! Ну, полигон, это чёрт с ним. Хотя опять же пообщаться с пушками -- праздник для отставника пушкаря. С нами, старыми вояками, что только не бывало. Куда нас только не бросала судьба.... Но вот, что встречу здесь тебя, да ещё и с Валентиной, нашей батареей королевой --это... Застрели меня из пистолета!...

--Хорошо, командир, что ты меня узнал. Я --то, конечно, прошел бы мимо. Хотя и на карточке послевоенной тебя видел и всё про тебя из рассказов Валюше знаю. Но на фотке ты куда, как бодрее выглядываешь. Да и усы тебе личили.

--Что ты хочешь? За пятьдесят --то с лишком годков.... Не то, что фронтового друга, ...фронтового врага можно было бы не узнать. Я ведь тоже, поначалу, сомневался. С одного фланга зашёл, с другого... Вроде, думаю, Лукич это наш..., а может и нет... Даже, когда как пройти спрашивал -- сомневался. Ну, а как ты свой коронный «ёлкин корень», выдал, тут уж извините! Вот уж действительно --коронный номер! Давай рассказывай, что там тебе жёнущка про наши последние часы рассказывала. Может, что и позабыла, так я напомним. У меня с детства память крепкая была. Особенно на обидчиков.

--Ну, чё рассказывать --то? Память после второй контузии потерял, причём, намертво. Валентина рассказывала, что перед самым нашим отходом из окружения, немцы несколько мин запустили на нашу траншею.

--Первый --то раз тебя контузило, когда пушки взрывали.

--Валентина рассказывала, что опять же из за Нечипайлы всё вышло. Вроде бы прикрыл я его собой, когда второй взрыв задержался...

Из кухни раздался громкий стук падающих кастрюль и голос Валентины:

--Шут гороховый --этот твой Нечипайло!

--Вот что значит баба, ёлкин корень, всё слышит, всё секет! И вроде бы посудой гремит, а всё секёт, ёлкин корень. Ну, её, пусть себе! Баба, она, как говорится, есть женщина. А без её тоже нельзя. Мужчина без женщины, как собака без блох -- не чешется, то есть жить, оно, конечно, можно, но скучно! Ну, а женщина без мужчины, это как блоха без собаки --тоже жить можно, но кусать некого. Вот так мы с Валюшей и живём столько годков.

--Но самое --то удивительное даже и не то, что я тебя встретил. Это, как говорится, гора с горой... А то, что Валентина за тебя вышла... Это, брат, извини...интересно и неожиданно....

--Да что там, я понимаю, вы, Егор Тимофеевич, конечно думали, что уж ежели она за кого и пойдёт, то уж конечно за вас! Может быть, и правильно думали. Разве меня, лаптя необутого, с вами можно было равнять? Да вот судьбе –злодейке было угодно, что бы за беспамятного Лукича, елкин корень.... И я за это очень даже ей, злодейке, как говориться, признателен и благодарен!

Командир смущённо улыбнулся и разлил всем ещё по одной. Он и сам не понял, зачем бросил эту дурацкую фразу... Какой черт его за язык дёрнул. Вроде бы раньше за собой таких заскоков он не наблюдал! Он –то хорошо знал кто Валюше был люб. И не сомневался, что после войны эта замечательная пара и должна была создать прекрасную семью. Да вот всё вышло совсем по-другому. Мы только можем предполагать, а уж дальше всё решает за нас Создатель.....Это его святая обязанность и его рук дело.

--Да нет, Лукич,....Я совсем не это думал...Просто... Да, что там, старое вспоминать, выпьем за ваших детей и внука.

Из кухни опять раздался грохот, а затем голос Валентины:

--Верно, верно думали, Егор Тимофеевич, только вот не дождалась я вас. Не думала, что после войны вы живым вернётесь... Да и не знала, где найти вас... А Лукича вот раньше нашла. Поначалу жалела, а потом, вроде, и слюбились. А сейчас, если честно, даже благодарна судьбе. Хорошо мы с ним прожили жизнь. Хорошо!

Лукич чокнулся с лейтенантом, выпил на выдохе без закуски, налил и выпил ещё одну под шпротинку. Достал платок, вытер выступивший пот на лысине и под носом, и протянул:

--Жа—ле—ла... Иж ты, елкин корень! Ты себя пожалей! Пожалей, что всю свою красоту и молодость и, можно сказать, всю свою женскую жизнь --беспамятному сторожу дровяного склада отдала. Что всю его никчемную жизнь, ты, да его старая берданка защитницей были. Да ещё и детей от него необразованного нарожала. Эх, Тимофеич! Да, что там говорить. Баба, она и есть баба! Кура –одно слово. Кура, курой и есть. А мы, мужики просто обыкновенные петухи да,..... как они там обзываются по науке...--хромосомные яйца, которые она высиживает! Вот тебе и вся философия жизни, елкин корень.

Валентина вынесла кастрюлю с борщом, поставила её на стол и начала разливать по тарелкам, строго соблюдая капустную горку посередке, как на Руси, да и по всей Малороссии положено. Борщ вкусно дымился, вызывая обильное слюновыделение и разговор за столом на несколько первых ложек притих. Лукич, было, потянулся к бутылке, в которой на донышке ещё плескался уровень на несколько глотков водки, но Валентина укоризненно на него взглянула и, он опустил руку. Ну, по первой за товарищей выпили, за приятную встречу. За войну опрокинули. За хозяйку, само собой. А телевизор про Великого почти генералиссимуса Жукова все льёт и льёт хвалу за хвалой. И здесь его победа, и там он главный герой всех фашистов уложил. А про тех солдатиков, что на лютом морозе в поле, да на жаре или дожде после боя не прибранных—ни словечка. Вроде бы и не их косточки на полях до сих пор не захоронённые валяются. Лукич рюмку от стола оторвал и предложил тост за «спасителя отечества». И тут, вдруг, лейтенант нахмурился, к рюмке руку не протянул, и попросил Валентину выключить эту лживую трескотню. Лукич, аж чуть не поперхнулся от удивления. Рюмку обратно на стол поставил и уставился на командира. Вроде и не выпили толком ещё, а с человеком какой—то запор приключился. Покраснел весь, желваки на скулах напряглись. Кулаки сжались. Кажись, ещё чуток, и он этот цветной ящик, что им, как ветеранам

войны власти к круглой дате преподнесли в щепки разобьет, вместе со сладкой ведущей! Валентина от неожиданности аж опрокинула локтём банку с огурцами и, вроде, как бы и не заметив этой аварии, рывком схватила телевизионный переключатель и нажала на кнопку стопа. Телевизор замолчал. Лейтенант резко встал, достал пачку сигарет и вышел на лестничную площадку. Курил он недолго. Лукич за это время, молча, выпил всего одну стопку и даже забыл закусить. Валентина смахнула разлившийся рассол на пол, собрала огурцы обратно в банку и стала тряпкой подтирать пол. В общем, какая –то непонятная незадача получилась, ёлкин корень.. Честно говоря, Лукичу и самому не очень--то по душе были эти славословия «великому маршалу победы». Скромность, она, как ни говори, поболее красит человека, чем громкое яканье. А тем более, когда дело касается войны. Войну, в общем –то, если уж по правде говорить, и солдатики тоже не в малой степени решают. И больше живые, чем убитые. А посему, их родимых беречь надобно. Нет, не то, что там холить и лелеять, нет—просто беречь в каждом случае надобно. И вот уж этим—то качеством « великий маршал» не отличался. Это уж точно известно. Тут, как говориться, елкин корень, и к гадалке ходить не надо. Это каждый солдат хорошо знал. Очень даже крепко информирован каждый был, как говориться, ёлкин корень. Тут тебе и «информа бюро», как говориться, слушать не надо, эти жуковские победы почти каждый солдат на своей шкуре испытал. Да и «сарафанное радио» тоже похлеще, да поправдивее, чем то « Бюро», ёлкин корень! Лейтенант –то про это и цифрами сказать может. Он их с самой войны подытоживал, да записывал в свой кондуит втихаря. И как это только его кагебешники не засекли за эти годы, и наши доброжелатели не сдали..... А то бы ему до конца жизни тайгу сибирскую валить, если бы добрая да справедливая Родина девяти грамм свинца не пожалела. Надо будет командира попытать. Он -то мно-о-ого интересных цифирей про «подвиги» маршала может подбросить. Мно —о—го! Лукич оприходовал еще пол стопочки и, сев на диван с жесткого шаткого стула, закурив, стал дожидаться лейтенанта. Да что там большая война:—в тридцатые годы шурин служил в седьмой Самарской имени Английского пролетариата кавалерийской дивизии . Командиром тогда её был-- Рокоссовский. А Жуков в этой дивизии командовал второй бригадой. Так вот Рокоссовский дал ему такую характеристику на аттестации: «Упрям и болезненно самолюбив». А шурин рассказывал, что пил он безмерно, окружил себя бабами и был нечеловечески жесток. Шурин рассказывал про обстановку дикой нервозности в бригаде. Бригаду трясло и лихорадило. Порядок удалось навести только тогда, когда Жукова из бригады убрали. Садиста отправили на повышение. Подальше с глаз долой. Вспомнил Лукич и фразу Ерёменко, которую сам недавно прочёл в какой—то смелой газете. Маршал Ерёменко записал в своем дневнике в 1943 году на Сталинградском фронте: « Жуков всех топтал на своём пути. Человек он страшный и недалёкий». К слову сказать, Валентина с лейтенантом во мнении с Жуковым не сходилась. У ей он был самый, что ни на есть «народный герой и великий стратег». Ну, баба, она есть женщина, а никто другой. И ежели, что себе в башку засадит—всё, писец, елкин корень! Кувалдой не выбьешь! Дохлое дело! У мужика ведь как черепная коробка устроена: в наличии имеются два полушария полные мозгов, и не то правое, не то левое мысль, вообще, не вырабатывает—отдыхает, как говориться. Ему хватает и одного! Зато и мысль у мужиков чёткая. А у женщин оба полушария в каждый мыслительный процесс включены. Вот они, эти полушария, постоянно и спорят друг с дружкой по всякому поводу. Спорят –то, они спорят, а вот договориться, прийти, как говориться, к консенсусу, как Горбач любил говорить, ни как не могут. Вот отсюда—то все беды семейные и происходят! Да, что там семейные, бери выше-- человеческие! Вот оно как складывается, ёлкин корень! У Валентины два светоча в окошке: Сталин –усатая сволочь, и Жуков—великолепный! И всё, что Никита –кукурузник про «Вождя человечества» народу выложил на XX съезде—для неё брехня собачья. Вот так эта

«сладкая парочка» в ейном мозгу и засела. Хорошо ещё, что она лейтенанту рот не затыкает, когда он свои доводы цифрами подкрепляет из источников — уважает все же командира, а мужу — то своему, дуралею — вмиг кляп в самую глотку вставляет. Мол, сиди дурень малообразованный и не пикай попусту. Одно слово — «железная леди», Тетчер! Та, по всему виду, очень даже из себя сильная тётка была. Сильнейшая! Как все равно древняя царица египетская — Нефертити! Недаром ее голова гипсовая в короне у Валентины в спальне стоит на гардеробе! Целой страной та английская баба правила, и не хуже толстяка Черчиля. Лейтенант вернулся с лестничной площадки в аккурат к духовитому Валентинову пирогу с капустой. Это чудо века — ее корона, можно сказать! Она туда яички с зелёным луком вбивает, и еще специи разные грузинские, — её собственный рецепт! Ну, и пока последний кусочек с блюда не стащишь, силой от его не оторвать! Разве что, если только трактором!... Под пирог бутылёк закончили, и тут Лукич свой вопрос про великого полководца командиру и задал. Валентина на него зыркнула по-недоброму, но промолчала и вышла в кухню, как бы по делам. Лейтенант, считай нынче подполковник запаса, крякнул, достал сильно изношенную тетрадку из полевой сумки, почитай ещё с войны, с которой никогда не расставался и надел очки. Валентина нарочито громко загремела на кухне посудой. Лукич тяжело вздохнул и развел руками.

--Валентина, перестань играть в упрямую девочку, и садись с нами. То, что собираюсь рассказать, поверь на слово, и тебе будет интересно. Видит Бог, я вовсе не собираюсь отнимать у тебя любовь к кумиру. В конце, концов, каждый может верить в кого хочет. Кто в бога, кто в дьявола. Но честная, достоверная, подтверждённая официальными данными информация -- в этом деле не помеха. Мы вместе воевали. Вместе выбирались из окружения. Ты спасала жизни солдат, которым я приказывал стоять насмерть под пулями и снарядами. Если быть до конца честным, хотя бы перед самим собой — ты сделала на этой страшной бессмысленной бойне уложившей в могилы двадцать семь миллионов наших земляков, куда как больше для своих товарищей, чем я — их командир. Кадровый, зашоренный лживым партийным гипнозом, плохо понимающий тогда настоящую правду о той войне, пацан -- офицер. Да, я не пошёл сдаваться врагу, и не повел сдаваться в фашистские лагеря своих солдат, которым доверял, и которых любил тогда больше жизни. Солдат, твоих и моих товарищей, которые верили мне, как отцу родному, хотя в большинстве своем были старше и, наверняка, опытнее меня. Большинство из которых, я думаю, пошли бы сдаваться вместе со мной, если бы я отдал такой унижительный для воина приказ. Таковы законы военного времени. Но, однако же, четыре миллиона солдат и офицеров, практически 85% армии первого призыва, обученной до войны, регулярной Красной армии, почему — то, неожиданно добровольно сдались Гитлеру! В плен попали и две трети боевых командиров, которым не удалось заставить солдат сражаться до последнего патрона. Причем произошло это всего — то в течение первых трех месяцев войны! Так почему же они сдались добровольно-но?! Побросав всё пехотное оружие, лучшие в мире танки, пушки, миномёты, самолёты! Ты могла тогда себе это представить?! Да, вообще, кто --нибудь в мире, включая самого Гитлера, мог себе это представить!? Так вот представь себе -- да! И именно Гитлер и предсказал это! Так, почему же Гитлер представлял, а Великий Сталин и Жуков — начальник штаба огромной экипированной, как ни одна армия в мире военной армады не могли себе представить это даже в самых страшных фантастических снах?! А такой же как и «Вождь мирового пролетариата» ущербный параноик -- Гитлер был в этом уверен, и оказался прав, перейдя первым границу у Брестской крепости?! За три месяца войны! Обалдеть можно! Причём, ни где --нибудь на слабом участке границы, а у самой укрепленной в мире, самой могучей и не потопляемой крепости во

всей Европе, если не мире вообще!! Так вот, моя самая уважаемая в стране женщина, Валентина, если ты хочешь услышать продолжение этой «самой печальной повести на свете», прошу с нами за стол.

Лейтенант мимоходом, бросил, вроде бы совсем незаметный взгляд на свою пустую стопку. Однако Лукич, опытейший в боевом и мирном русском застолье солдат, мигом вскочил со стула и, пошарив рукой в потайном нужном месте под диванной подушкой, вытащил самый неприкосновенный, назначенный от жены для самого крайнего, непредвиденного случая спасительный запас. Вытащил и торжественно выставил на стол непочатую бутылку зубровки. Мужчины со скоростью пули наполнили сиротливо стоящую опустевшую тару и, обменявшись короткими, взаимно понятными взглядами успели лихо опорожнить её до появления из кухни Валентины с тарелкой, неизвестно когда, и как испеченных пирожков с грибами. Валентина сделала вид, будто и не заметила бутылочной перемены на столе и чинно, сложив руки на коленях, безмолвно и очень горделиво, всем своим видом показала, что готова слушать командира дальше. Лейтенант положил тетрадку на стол и, громко откашлявшись, продолжил:

--11 декабря 1941 года, выступая в Рейхстаге, Гитлер сообщил: «...русских потерь за пять месяцев войны было захвачено и уничтожено: 17332 советских боевых самолета, 21391 танк, 32541 орудие, взято в плен 3 806665 солдат и офицеров. Это не считая убитых, раненых и разбежавшихся по лесам! После войны эти страшные цифры подтвердила военная энциклопедия.

Лейтенант налил стопку водки и залпом не закусывая опорожнил её.

Надо сказать, что в садистских наклонностях обоих полководцев было что—то общее. Сталин безо всякой надобности ещё до войны, за время своего правления расстрелял и засадил в лагеря несколько миллионов, ни в чем не повинных людей. Почему, и зачем он это делал— до сих пор не может быть воспринято разумом нормально мыслящего человека. Скажем, собрать в лагерях бесплатной рабской силы, миллионы людей для возведения плотин и гидроэлектростанций! Рытья, как позже оказалось, ни кому ненужных, нерентабельных для эксплуатации каналов. Поднятия военной мощи страны—это ещё как —то можно осмыслить. Хотя и невозможно оправдать. Но, просто так, без всяких мотивов хватать миллионы своих же граждан, и по ночам, черными воронками отвозить их в подвалы КГБ! И, придумывая им самые невероятные обвинения в попытках разрушить существующий в стране—тюрьме государственный строй без суда и следствия пускать в расход?!...Это не подвластно нормальному человеческому разуму! Даже бесноватый Гитлер этого не делал со своими гражданами. Я не говорю о его патологической ненависти к евреям. Чужих—да! Ужасающими методами—да! Но не своих, а чужих! Командарм Жуков без всякой военной необходимости посылал своих солдат на смерть. Сотни, а иной раз и тысячи и сотни тысяч были уничтожены вражеским огнём для того, чтобы взять боем какую—то никому не нужную высоту и населённый пункт. Вы что, ребята, не помните такого?! Стыд становится нестерпимым, если вспомнить, что у противника было в семь раз меньше самолётов, в шесть с половиной раз меньше танков, гораздо худшего качества, что в боевых частях наступающих германских войск было всего от полутора до двух миллионов солдат! А боевые действия Красной Армии планировал Генеральный штаб, и во главе Генерального штаба стоял генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Лукич засопел, сморкнулся в салфетку, наполнил водкой три стопки и протянул руку к раскрытой командирской тетрадке. Лейтенант отстранил его руку и, перелистнув несколько страничек к

началу опорожнил без тоста свою. Лукич поспешно сделал то же со своей. Валентина отодвинула свою стопку и отвернулась к телевизору. Командир нашёл нужную страничку и продолжил.

Но давайте не будем всё мешать в кучу. Начнем всё по порядку. С 1939 года, с Халхин--Гола . Жуков был направлен туда Сталиным для улучшения обстановки, и в первые же несколько дней расстрелял 600 солдат и офицеров. При этом, как об этом пишут такие командармы: как генералы Ерёменко, Рокоссовский и Конев, проявлял страшную, подчас ничем не оправданную жестокость. Конев назвал Жукова тупым, ни на что не способным солдафоном, унтером пришибевым и негодяем, самовлюблённым, обожающим славословие в свой адрес, угодничество, не терпевшим никаких возражений. Все высшие военные руководители страны, все кто носил погоны и звезды первой величины—во время войны и после неё были против Жукова: Генералиссимус Сталин, Маршалы Булганин, Василевский, Ерёменко, Конев, Захаров, Голиков, Рокоссовский, Тимошенко, Бирюзов. Любой желающий легко может найти свидетельства резко отрицательного отношения к Жукову и других Машалов Советского Союза: Буденный, Ворошилов, Чуйков Говоров, Соколовский... Да что там... У меня есть все эти материалы ребята...

Валентина, громко сложив посуду на поднос, демонстративно вышла с ним в кухню. Лукич, поглядел ей вслед, и тоже было поднялся, но передумав сел, и наполнил себе очередную стопку.

--Что—то я не читал такого в наших--то газетах, командир. Да и мемуары Жуковские хоть и не читал, врать не буду, больно уж толстые они, но в заглавии все об нём путем выписано. «Гений победы», елкин корень, как говорится. Да и Сахалин—Гол тогда, в тридцатые он у японцев выиграл и, даже героя тогда за это от Сталина получил. Сам читал. Героев—то так даром не дают же. А уж в тридцатые --то годы --тем паче....

--Да, было дело, и сражение выиграл и героя получил. Однако, позже правда о об этом блистательной победе вскрылась, и гений Жукова в заключительном сражении с японцами, на озере Хасан, на границе Монголии и Японии решившим итог этой не объявленной официально войны, оказался липовым. Да, приехав на границу и, разобравшись с положением дел, он в первую очередь занялся показательными расстрелами. Затем потребовал срочно усилить группировку советских войск. Ему прислали лучших ассов страны. В составе группы был 21 Герой Советского Союза. 15 июня 1935 года 57 особый корпус Жукова был развернут в 1-ю армейскую группу, это нечто среднее между корпусом и полнокровной общевойсковой армией. В середине августа его распоряжении было 57 тысяч обстрелянных бойцов и командиров, 515 самолётов, 542 орудия и миномёта, 385 бронев автомобилей с пушечным вооружением и 498 танков. Однако, даже имея такой могучий кулак, гениальный комкор не смог изменить затяжное течение операции. Конфликт принял затяжной характер. Жуков снимает двух начальников штабов и вначале августа к нему прибывает лучший из лучших начальников штабов армии Богданов. Это действительно был великий стратег и об этом знали все. Богданов за неделю составляет новый блестящий план операции, которая в течение трех дней поставила японцев на колени и закончила войну. И роль Жукова в этой операции сводилась лишь к тому, чтобы беспощадными расстрелами гнать людей в бой. После Второй Мировой войны Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов писал :« Позднее все успехи в боях с японцами Жуков старался приписать себе. Фамилию Богданов- он в своих мемуарах не упомянул ни разу. Он называет имена и фамилии младших командиров, конечно комиссаров, генералов участвовавших в этих боях, но вот фамилию нач штаба Баранова -- нет! Он просто забыл её! Такое бывает...Память-- штука изменчивая.»

Лейтенант перелистал несколько страниц в своей знаменитой, порядком потертой толстой общей тетрадке и, машинально опрокинув стоящую перед ним полную стопку, продолжил:

Ты спрашивал меня в прошлый раз, как так могло случиться, что четыре миллиона солдат и офицеров сдались в плен впервые месяцы войны? На это существуют несколько веских причин. Одна из них это то, что ограбленное и обманутое большевиками крестьянство, раскулаченное в лучших своих представителях, пережившее страшный голодомор тридцатых годов, не получившее обещанную землю, согнанное практически силой и страхом в колхозы, не любило советскую власть и были рады избавиться от неё любыми способами. Они ещё не успели понять, что фашизм для них не лучше социализма. Они считали, что хуже уже не будет. Они не могли простить власти отнятую у них веру в православного бога, а мусульмане --аллаха, и в деревенских хатах в красном углу все равно висела иконка Христа и Божьей матери. Интеллигенция уже поняла, что её ждет в ближайшие годы. Лагеря были забиты миллионами ни в чём не повинных людей. Ночные черные воронки и особисты в черных кожанках с маузерами на боку вселяли в людей животный страх. К тому же, только что закончилось буйное зверство 37--38 годов, но аресты хоть и утихли, но, по-прежнему продолжались. Армия не могла простить Сталину беспримерную по идиотизму и жестокости чистку комсостава. В течение года были отправлены в лагеря и расстреляны сотни тысяч лучших опытных боевых командиров прошедших гражданскую, японскую и финскую войны. Но и это, пожалуй, ещё не самое главное. Летом 1940 года Сталин совершает ещё одну глобальную ошибку, --насильно присоединяет к Советскому Союзу Эстонию, Латвию и Литву. То есть попросту, это так же, как поступил Гитлер с Польшей, Францией, Чехословакией и Румынией. Оккупирует их без объявления войны, на страхе перед громадной, до зубов оснащённой вооружением Красной Армией, и создаёт на их территории Прибалтийский особый военный округ. И все силы этого округа сосредотачивает на границе с Восточной Пруссией. Он считал, что отодвинув свои границы от Германии, можно укрепить безопасность своей страны. Однако всё произошло прямо наоборот. До оккупации Прибалтики Красная Армия имела разделительный барьер между собой и Германией. В случае войны Гитлер должен был сокрушить вооружённые силы трех этих государств, перед тем, как встретиться с Красной Армией. При этом, если захват этих государств занял хотя бы всего лишь несколько дней, всё равно при таком раскладе сил можно было бы спасти хотя бы наши аэродромы, которые Красная Армия вынесла к самой Прусской границе. К тому же Красная Армия получала возможность поднять по тревоге свои войска и занять укрепленные районы. Кстати, Жуков играл в этом убийственном для страны решении немаловажную роль. Сталин, наверняка, советовался с ним перед принятием такого решения. После разгрома армий прибалтийских государств немецкие войска упирались в укрепленные районы Чудского озера, которое было невозможно форсировать. При вхождении немцев в Советскую Прибалтику в этих странах вспыхнуло народное восстание, так как СССР в данной ситуации оказалась оккупантом, причем за столь короткое время показавшего свою кагебешную--социалистическую сущность, и прибалтам было всё равно с кем воевать. Они уже по полной вкусили плоды Сталинского режима и успели стать заклятыми врагами социалистического строя. Прибалты не только десятками тысяч сдавались в плен, но и организовали в помощь Гитлеру батальоны СС и концентрационные лагеря, для живших на их территориях русских и своего еврейского населения.

Валентина, наверняка слушавшая командира из кухни, вошла в комнату, вытирая руки о фартук. Судя по спокойному выражению лица, она отошла и помягчела. Собрала лишнюю посуду, отнесла её в мойку и вернулась к столу. Лукич пересел на диван. После сытного обеда и немалой дозы алкоголя его явно клонило ко сну. К тому же войны он не помнил, и знал о ней только по фильмам

да рассказам Валентины, командира, и соратников по дворовым матчам в домино и шашки. Почти все они были пенсионерами и фронтовиками. Война была главным событием в их прошлой жизни, да и сейчас они о ней вспоминали частенько, сравнивая жизнь теперешнюю с довоенной. И та с течением времени казалась им милее нынешней, уж больно баламутной. Да и вожди после генералиссимуса были один хуже другого. Правда, в отличии от нынешних воровали у народа куда, как меньше. Социализм--это тебе не капитализм, где человек человеку вор. Там одна ОБХС чего стоила. Ворами спуска не давала. Не смотря на личности. Между прочим, этот Жуков сам воругой крепкой оказался. Из германщины составами добро вывозил. И ему это власти указали. Дуриком от тюрьмы отделался! Сравнивали сегодняшних руководителей страны с товарищем Сталиным, и сравнения эти частенько бывали и в его пользу. Видать, так уж устроен человек, особенно простой русский. Тяжести прошедшей жизни он подзабывает, потому, что во-первых--там была его молодость, а во-вторых-- нация русская, славянская --она всегда славилась всепрощением, открытой душой и добросердечием. Особенно по нетрезвому состоянию организма. О Жукове говорили не так уже и часто, да и по-разному. Когда в настроении добродушном пребывали, да ещё и при наличии приличной закуски--гордились великим полководцем. Когда же правду матку про войну вспоминали, да смотрели по телевизору, как косточки солдатиков брошенных в полях сражений без захоронения, нынче добровольцы выкапывали..... Да в братские могилы, в плохо обструганных, обернутых в красные тряпки ящиках, под фальшивые поздние покаянные чиновничьи речи да полковую музыку закапывали. Сморкались мужики в грязные носовые платки и протезами зубными поскрипывали. А где она была та, настоящая правда про него,--леший его знает, да крысы архивные....Правда, командир наш--этот--то всё досконально знает. Всю, что ни есть настоящую, а не рекомендованную тогдашним и нынешним правительством правду! Он не зря ещё при Хрущеве --кукурузнике этот свой толстый кондуит завел. Да и не первый он у него. При Сталине, правда, не записывал в него цифири, да события там всякие. Видать побаивался. Последний год войны в штрафбате провёл. Чудом жить остался. Потом, правда реабилитировался при Брежневе и даже командирские звездочки на повышение в сроки получать стал. До двух просветов на погонах дослужился, до папахи каракулевой и пенсии благопристойной, военной, ветеранской. И цифры у него все без дураков, елкин корень, точные. Проверенные. Так за мыслями и сон прошёл. Вспомнил, что на прошлой неделе сосед с площадки, Федор Маркович, достойный человек, в домкоме бухгалтером на пенсии работает, принес должок, бутылочку вина белого--«рислинг» называется. Под свой день рождения одалживал у Валентины. Правда та бутылка, что на ему давала-- сладкого розового была--« Лидия». Хорошее вино, настоящее, креплёное, виноградное, и аромат от него виноградный, духовитый «Изабела», сорт так называется. Не какая нибудь бормотуха- дешёвка портвейная креплёная, какую во дворе ветераны за костяшками пьют. Правда, эта дворовая, крепкая зараза, ёлкин корень, и хорошо мозги прочищает, особенно на свежем воздухе. Забористая, как говорится. Рислинг--он тоже виноградное вино и недешёвое, но уж больно кислое. Не совсем честно это получается, не по- соседски. Брал сладкую крепленую «Лидию», её и возвращай, что бы всё по честному было. Валентина сладкое любит. Лукич протер глаза и напомнил жене о возвращённом соседском «Рислинге». Всё же гость--то дорогой, не с улицы. Уважить такого человека надо по полной программе. Валентина, что, конечно, сейчас козью мордочку скорчит, мол, не хватит ли вам на сегодня дорогие мужики? Да и мешать не надо, утром голову не залечить. Тут и рассол капустный не помощник, тут только анальгин из аптеки берёт, да и тот не сразу. Однако, Валентина слова поперек не сказала, а свою заначку на стол выставила и

даже не поморщилась. Уважает она своего командира. И, наверное, не зря. Заслужил в ту войну. Командир вино пить не стал. Страничку нужную отыскал и продолжил.

Не буду вас насиловать, тем более что ты, Валюша, чишь как Бога своего «маршала побед». Но ты для меня навсегда женщина не только красивая и сильная, но и умная! И я считаю, что должна знать правду о человеке, из—за которого мы чуть было не проиграли ту страшную войну, поглотившую десятки миллионов наших людей. Да, да! И не смотри на меня, как на врага народа. Если тебя хватит еще на двадцать минут моего рассказа, я уверен, ты изменишь свое отношение к нему, и навсегда вычеркнешь из своего сердца «Жукова—бога побед»! Начнем с Брестской крепости. К началу войны это была самая непобедимая, самая мощная твердыня в Европе. Про её оборону написаны тонны книг, снято более десяти художественных фильмов, присвоено звание «Крепость—герой». На её территории воздвигнут грандиозный мемориальный комплекс. Страна не скупилась на почести, в небо воткнули стометровый гранёный штык. Рассадили по периметру циклопические монументы героев! На берегу реки Мухавец истомленный жаждой железобетонный солдат невероятных размеров черпает каской воду. На подвиге защитников крепости воспитаны целые поколения советских людей. С годами интерес к обороне Брестской крепости, не слабел, а усилился. Однако ясности не прибавлялось. Наоборот, она убывала. Она растворялась во лжи. А непонимание густело. Было непонятно, почему она была за три часа сдана, так бездарно и так позорно брошена?! Почему вооружённый до зубов гарнизон защитников крепости не задержал противника, не причинил вреда?! Коммунистические идеологи и начальник штаба Советской Армии великий маршал Жуков в своих мемуарах пишет: «...крепость устаревшая, XIX век, сил было мало, а у немцев подавляющий перевес». Давай ка, Валюша разберёмся. Внутреннее ядро крепости—мощная цитадель на острове. Перед фронтом цитадели широкая, судоходная река Западный Буг. С тыла и флангов крепость омывают протоки судоходной реки Мухавец. То есть кругом глубокая вода. Уже одно это делает крепость неприступной. Попробуй взять крепость сходу, если по вам садят из сотен амбразур через бойницы в двухметровых шириной стен. В одном только кольцевом здании—500 казематов, в которых можно разместить 12000 солдат со всеми запасами для длительной обороны. Под землей тоннели, позволяющие передвигаться защитникам для маневров в любую часть крепости и казематы для боеприпасов. Центральный остров прикрыт со всех сторон тремя другими островами. На каждом острове возведены бастионы высотой до 15 метров. Между бастионами насыпан земляной вал общей протяжённостью более шести километров, высотой более десяти метров. А теперь вспомни Валюша, как выглядели наши жалкие пушечки на открытой местности с наспех выкопанными мелкими траншеями. Все подступы к бастионам и земляному валу простреливались многослойным перекрёстным огнём с разных направлений. Как вы считаете, ребята—не слабая крепостишка, не так ли? В конце XIX века вокруг крепости было возведено девять мощных фортов прикрытия, не позволяющих обстреливать её с близкого расстояния. Все они имели мощную артиллерию, и каждый мог поддержать огнём соседние форты и цитадель. В начале XX века на удалении 6-7 километров от основного ядра крепости было взведено второе кольцо из железобетонных фортов. В 1944 году Брестскую крепость, уже достаточно сильно подбитую немцами в ходе войны штурмовал Рокоссовский Но двухдневный штурм захлебнулся в крови наших солдат. А в 1941 году германская пехота ворвалась в крепость утром первого дня войны. А теперь несколько цифр рассказывающих, что же находилось внутри крепости в это утро: В городе, крепости и ближайших окрестностях находились семь артиллерийских полков, тринадцать батарей полковой пушечной и противотанковой артиллерии, 372 миномета. Весной 1941 года в

тыл четвертой армии подвезли 480 гаубиц--пушек 152 миллиметровых МЛ—20. Максимальная дальность стрельбы этих замечательных орудий 17400 метров. Вес снаряда —46 кг. Ничего равного или даже близкого ни по количеству, ни по качеству на германской стороне не было! Снарядов завезли по 10 комплектов. Один боекомплект —60 снарядов. Умножим 10 на 60 и на 480. Только этих гаубиц—пушек с этим количеством снарядов было более чем достаточно, чтобы вдрызг, полностью разгромить наступающего противника. Тем более, что на том берегу Буга не было ни крепости, ни укрепрайона. Они наступают —мы обороняемся. У нас мощнейшая крепость—у них трудная водная преграда, которую надо неизвестно как форсировать. У нас кроме пехоты тяжелая артиллерия и танки, у них в первом эшелоне танков, а тем более плавающих не было вообще! Боеприпасов в крепости было втрое больше, чем положено. В составе нашего укрепрайона, помимо прочего были пять артиллерийско—пулеметных батальона по 1500 солдат в каждом. Кроме того в крепости находился пограничный отряд НКВД и отдельный конвойный отряд НКВД это порядка 3000 отборных бойцов. За крепостью находился аэродром с 138 истребителями, а рядом такой же с 180 средними бомбардировщиками. Война началась в 4 часа утра, а к 9 часам крепость была полностью окружена и авиация обоих аэродромов полностью уничтожена. О героизме защитников Брестской крепости написано много. Пожалуй, даже слишком много. Но надо говорить и о диком позоре, о так называемой обороне крепости. Это где и когда еще такое случилось, чтобы пехотная дивизия разнесла в пух прах и перья танковую дивизию самых современных советских танков!? А все было до крайности просто. Через Западный Буг перед немецкой 4-ой наступающей армией имелись четыре автомобильных и два железнодорожных моста. Приказ о ликвидации этих мостов никто не получил. В результате в первые же часы войны эти переправы и мосты немцы заняли без единого выстрела и в отличном состоянии. Так, что все мосты противник спокойно, даже без намёка на сопротивление получил в подарок от великого маршала и перешёл со всей техникой и пехотой на берег перед крепостью, которая по приказу Жукова молчала. Дальше начался ужас! Немецкие танки, артиллерия, миномёты и пулемёты начали безответно молотить по молчаливой крепости, а пехота без боя ворвалась в казематы, расстреливая молчавших солдат и мирное население. Кроме того огонь вели девять легких и три тяжёлые бригады пехотных батарей, а также три дивизиона мортир. Немецкая авиация за час уничтожила оба аэродрома за крепостью. Огневой мощи крепости вполне бы хватило для того, чтобы опрокинуть немцев в Западный Буг, но крепость молчала, сдавая бастион за бастионом. Да что там говорить, за пять часов крепость была полностью окружена и заблокирована. Брест сдан врагу, и командовал крепостью капитан, а штаб обороны был создан только на третий день войны! Так отчего же обороной командовал капитан? Где командиры и штабы двух стрелковых и одной танковой дивизий? Где старший командир —комендант укрепленного района? Где командиры и штабы шести стрелковых, четырех артиллерийских, двух танковых, одного мотострелкового и одного инженерно—саперного полков? Где командиры и штабы 46 пехотных и 19 артиллерийских батальонов? Где , где , где?!!!...22 июня 1941 года в Бресте находились:

--Генерал—майор Попов. В.С.—командир 28-го стрелкового корпуса.

--Дивизионный комиссар(читай генерал) ШлыковФ.И.—член Военного совета 4-ой армии.

--Генерал —майор Лазаренко И.С.—командир 42-й стрелковой дивизии.

--Генерал —майор Пузырев М.И.--Комендант укрепленного района.

--Генерал —майор Пуганов В.П.—командир 22 -й танковой дивизии.

А также полковники на генеральских должностях: Серёгин П.С., Лукин Г.С., Попсуё — Шапко М.Ф.

Так вот, обороной Бреста не руководил никто, а обороной Брестской крепости — капитан!!!

Экскурсоводы в крепости — герои вам обо всём этом безобразии не расскажут. Зато вам расскажут о беспримерных подвигах защитников.

В книгах Жукова о сражении в районе Бреста — 13 строк. О чём? О шестикратном превосходстве противника и беспримерном героизме советских войск. Зачитываю: «Однако сломить сопротивление защитников Брестской крепости врагу не удалось, осаждённые герои дали достойный отпор. Бронетанковым войскам Гудериана пришлось обойти город». Тут «гений побед» очередной раз приврал, германские дивизии не обошли город, а легко взяли его. Да, что там говорить..... Великий стратег приписывает себе победы под Сталинградом и на Курской дуге, но ни там ни там он не был. Его участие не только было нулевым, но например Сталинграду очень повредило, так как он забрал огромные силы армии для отвлекающего маневра от Сталинградского направления, которым он руководил лично, чем существенно ослабил основной удар при взятии города..... Помнишь, Лукич, я говорил о его первом прибытии на Халхин — Гол, о расстреле 600 человек и о его липовой победе по прибытии.

--Ну, память я в 41 потерял, а сейчас у меня с ней всё в порядке.

--Так вот прибыл он в Монголию 5 июня 1935 года. 16 сентября боевые действия были прекращены, расстрельные полномочия его закончились. 600 расстрелов за 104 дня. По шесть смертных приговоров «гений победы» выносил каждый день. По всей видимости, это была утренняя зарядка или завтрак вурдалака. Если прикинуть, что спал он по шесть часов в сутки, то за оставшиеся шесть часов бодрствования смертный приговор он выносил каждые три часа. Берия мог бы брать у него садистские уроки. Как иронически замечает Суворов: --Его бы на иконах с топором живописать! Его честнейшая дочурка, его биограф, как то спросила папулю имел ли он какое —нибудь отношение к репрессиям?

«Нет. Никогда» — твердо, глядя в глаза, ответил правдивый папик.

Да и расстреливал он так, мелюзгу — командиров полков и батальонов.

--Но, стрелял же, не он. Приговоры же выносил трибунал и прокурор.

--Свою кровавую эпопею на Халхин — Гол Жуков начал с того, что не только разогнал командование и штаб советских войск в Монголии, но и снял с должности военного прокурора армейской группы. Присланный новый прокурор настаивал на соблюдении закона, тогда Жуков заявил ему: «Вы слушайте, что вам скажут и не рассуждайте. Учтите, что предыдущего за это сняли». Такое зверство не снилось ни Ежову, ни Ульриху. А скольких он загнал в тюрьмы и штрафбаты. За время войны он 40% своих радистов отдал под трибунал. Считай, расстрелял! А вся вина — то их заключалась лишь в том, что они не смогли сиюминутно установить связь. Многих он впадая в бешенство расстрелял собственноручно! «Независимая газета» от 5 марта 1994 года пишет: «Основным занятием Жукова во время войны было упоение своей бесконтрольной властью».

--Скажите, командир, это правда, что Жуков хоть и боялся Сталина, но вождь слушал его?

--То, что боялся, впрочем, как и все остальные военачальники и не только они, это точно, к тому же его поведение, вообще, неоднократно говорило, что он по натуре трус. А то, что Сталин прислушивался к его мнению версия имеющая основу. Все же, как ни говори, но он был начальником генерального штаба, и к нему стекалась вся информация о военных действиях. Да пошёл он ко всем чертям, которые долго дожидались его в аду. Лукич, налей. Не за его грязную душу, а за всех кого он положил. Царство им небесное.

--А предатель Власов действительно всегда был такая редкая сволочь и бездарность, как о нём пишет этот полководец??

На этот вопрос, пожалуй, нет однозначного ответа, Лукич. Давай попробуем разобраться в меру моих знаний и наших с вами понятий. Заместитель командующего Волховским фронтом Андрей Андреевич Власов в 1942 году попал в плен. На заключительном этапе войны, вопреки противодействию Гитлера, он сумел из советских военнопленных создать разрозненные антикоммунистические воинские формирования, под общим названием РОА.

Лейтенант достал из старой сильно потрепанной полевой сумки, с которой расставался разве что только на ночь, другую толстую тетрадь в коричневом коленкоровом переплете, полистал её и начал читать.

Вот что про него пишет в мемуарах Жуков: «Я Власова давно знал — в 1924 году учились вместе на кавалерийских курсах усовершенствования ком состава. В 1940 году он служил в Украинском особом военном округе, которым я тогда командовал. В начале войны под Москвой он командовал 40-й дивизией. Показал себя слабым командиром. Я уже подумывал его сместить. Но вдруг позвонил Сталин:

«Мы тут думаем у вас Власова забрать—на Волховском направлении у нас прорыв. Я обрадовался. Ну, что ж, говорю, берите. Думаю, что сначала он не имел цели предательства. Но попал в трудное положение. Коридор был узкий, мешок. Выйти трудно. Они блуждали по лесам больше месяца. Потом он из трусости предался немцам.—жить хотел, думал бежать в Америку, чемоданчик с золотом с собой прихватил. На Потсдамском направлении перебежал к нам его адъютант. Сообщил, где Власов находится. Догнали, окружили.

--Вот, --кричит адъютант его автомобиль!

Остановили. Там шофёр и ещё кто—то, какие—то тюки с вещами. Власова нет

--Ищите здесь под барахлом—кричит адъютант.

Раскидали вещи. Оттуда выскочил Власов и побежал по меже. Его догнал адъютант и долбанул наганом по затылку. Он упал. Его схватили. Потом судили и повесили. Трус! Должен был застрелиться прежде чем попал в плен к немцам!»

Лейтенант закурил, отложил тетрадь и продолжил своими словами:

В рассказе Жукова обилие деталей: чемоданчик с золотом, тюки барахла. Где он взял это? При обыске у него нашли тридцать тысяч рейхсмарок, это сумма его зарплат в рейхе. Ни о каких

чемоданчиках с золотом, золотых часах, золотых монетах и прочих драгоценностях СМЕРШ не сообщал. На нем был большой нательный крест, при этом он был не золотой, ни серебряный, а оловянный. При Жуковском размахе вывоза из Германии, исчисляемые эшелонами добра, картин и музейных ценностях, это были семучки, как говорят в Одессе. Вывод прост, если в протоколе изъятия у Власова было только мною перечисленное,--Жуков клеветник и сплетник. Да и рассказ Жукова про перебежавшего адъютанта Власова нечто из области фантастики. Власовцы к красным не перебежали, они прекрасно знали, что их ожидает.

--Да, я бы их за яйца вешал, ёлкин корень.

--Именно так власовцы и говорили, Лукич. Мне интересно, откуда Жуков знал все подробности взятия в плен Власова? Про межу, по которой он бежал. А почему не по просеке или просто по полю? И откуда в 1945 году взялся револьвер у адъютанта, разве что только из музея? Он что лично присутствовал при этом? Да и кто из смершевцев мог решиться дать пленному адъютанту в руки оружие? Бред сивой кобылы, да и только! Не менее удивителен рассказ Жукова о том, что он знал Власова с двадцатых годов. Ни в двадцатых, ни в тридцатых годах их пути не пересекались. Жуков кавалерист, а Власов к кавалерии никакого отношения не имел. И в сороковом он у Жукова не служил, да и сам Жуков таким округом не командовал. Такого округа никогда не существовало. Рассказ командарма о том, что Власов «показал себя «слабым командиром»--очередная ложь. Свой путь в армии он начал в 27 году бойцом в Приволжском стрелковом полку. Прошел все ступени служебной лестницы, не пропустив не одной. В 1938 был отправлен военным советником в Китай, где получил золотой китайский орден. В феврале 1941 года командовал четвёртым мехкорпусом. На октябрьском(1957) пленуме ЦК КПСС Хрущёв вынужден был признать что «37 армией командовал Власов, командовал замечательно». На втором месяце войны в катастрофической ситуации под Киевом Власов из подручного материала сформировал эту 37 армию, и длительное время сдерживал германское наступление. Генерал – полковник Родимцев, человек с безупречной репутацией, дважды герой Советского Союза писал: «Поистине героическими усилиями 37 армии, непосредственная угроза Киеву была устранена».Самое грандиозное танковое сражение в районе Дубно, Ровно и Луцка , Жуков имевший восьмикратное количественное и абсолютно качественное превосходство над противником ухитрился проиграть дав танкам Гудериана и Клеста свободное маневра на земле Украины. Это поражение дало возможность немецкой армии замкнуть кольцо самого грандиозного в истории человечества киевского окружения. Власов держал Киев до последней возможности и оставил его не по собственной инициативе, а по приказу Сталина. С 20 сентября по 1 ноября 1941 года Власов выходил из окружения. При этом пешком по тылам противника прошёл путь от Киева до Курска. Сталин знал, что Власов не виноват, поэтому после выхода из окружения снова доверил ему армию:20-ю Западного фронта. И тут опять неувязочка у гения произошла. Великий маршал победы Командовавший в это время Западным фронтом, как –то случайно забыл, кто на этом фронте командовал самой лучшей армией! Забыл и всё тут! Ну, намертво забыл! А Власова, между прочим, назначили заместителем командующего фронтом, и он первым пошёл на повышение, раньше Рокоссовского, Голикова и Говорова. Называя в мемуарах Власова «слабым командиром», маршал позабыл , что он написал в 1940 году блестящую характеристику на Власова, назвав его лучшим командиром дивизии, в результате которой Власов в предвоенные годы получил высшую награду страны –орден Ленина. В 1941 и 1942 году фамилия Власова не сходит с Московских газет, как героя обороны столицы. Во второй ударной армии, в которую Сталин в 1942 году его поставил, положение было более чем безнадёжное. Не было ни снарядов, ни патронов, ни бензина для

машин, ни лошадей которых давно уже съели. Нормы питания, состоящие из крошек от сухарей, были снижены с 50 грамм в день до 10! Вторая ударная армия варила голенища сапог, ремни, командирские сумки и поедала трупы своих товарищей! Заявление Жукова о том, что Власов сдался в плен, давно опровергнуто документами. Власов был захвачен в плен 12 июня 1942 года в деревне Туховежи Ленинградской области. Блуждающего по лесу вконец отощавшего генерала приютили наши родные советские люди. И ...сдали немцам! Не за килограмм сала и не за мешок картошки, а по идейным соображениям....

Лейтенант закрыл тетрадь. Вложил её обратно в полевую сумку и защёлкнул замок. Валентина вышла на кухню и загремела посудой. Лукич потянулся было к бутылке, но махнул рукой и закурил.

--Скажите, командир, и всё—таки этот Власов сволочь и предатель, или он ни в чём не виноват? Ведь по вашим словам он начал войну настоящим героем и всё, что случилось с ним дальше, просто случайность, ёлкин корень. Ведь вы говорите, что сам товарищ Сталин сказал, что благодаря нему немцы были отброшены от Москвы?

--Ну, не только, конечно, благодаря нему, были и другие командиры, действия которых уберегли столицу, но именно ему разгром немцев под Москвой многим обязан. Да, попав в плен, он добровольно перешёл на сторону врага. Создал из военнопленных разрозненные антикоммунистические воинские формирования на захваченной Гитлером территории под названием РОА (Русская Освободительная Армия). Отряды, в которые вошли те военнопленные, которые сознательно сдались в плен. О них мы уже говорили. Очевидно, сделал он это не от собственной трусости, на это у него, наверное, были веские причины, о которых мы не знаем, или наши органы дознания не хотели знать в те годы. Но его армия не воевала с советскими войсками. Более того, он спас от разрушения немцами столицу Чехословакии Прагу, войдя туда первым и поддерживая восстание жителей столицы. Но это ему не зачлось. Его судили и повесили. И я считаю, что это была заслуженная им кара. Генерал Карбышев, попав в аналогичную ситуацию-- не дрогнул. Его немцы, на сорокаградусном морозе обливая водой, превратили в ледяной памятник мужества. И вечная ему слава!

--Вот и я так думаю. Скажите, командир, а вы верите в то, что один из нашей батареи, Трусин его фамилия, добровольно сдался немцам и лагере был старостой барака? Я его, к сожалению, не помню, из-за контузии, но Валентина рассказывала о нём много хорошего, и говорит, что с кем-то, но именно с ним такого быть не могло. То есть, в лагерь—то он попал и не по своей вине, но чтобы стать старостой барака, в это она категорически, ёлкин корень, поверить не может.

--Не знаю, Лукич. Николай Степанович Трусин был человеком и солдатом замечательным. Можно сказать, редким был человеческим материалом. Штучным, так сказать. Мало того, что храбрости он был необыкновенной, но и образованности тоже был редкой. Ходячая энциклопедия, ёлкин корень, как ты говоришь. И в предательство его я не верю. Просто представить себе этого не могу. Не такой он был человек. Жалею, что не знал, когда его наши особисты его в предательстве обвинили и в лагерь отправили. Я бы грудью за него встал! Грудью! Кстати, Валентина, где он сейчас, не знаешь?

--Как не знаю, знаю. Я же вам, кажись, говорила. Он слесарем работает. Как вернулся из заключения, так слесарить и начал. Ему как предателю Родины, учительствовать не разрешили.

Одно жалко, в этом году годовщину войны отмечать будем, а он, как всё одно, прокаженный какой--то... Его не зовут, да и он, вроде как, стесняется....

--Без вины виноватый, выходит... Я кино такое смотрел.... Чувствительное было кино. У меня, аж слезу вышибло...

--Да, Лукич, обстановка сложная. Тут надо тщательную рекогносцировку провести:—было такое с ним в лагере или брехня это всё. Осбистские, так сказать, методы дознания. Нам это, ох как знакомо...

--Да как её, командир, провести --то? Леший его знает, кто из лагерников, что с ним сидели, в живых--то остался? Сколько, почитай, уже годков с войны --то прошло? Да и не знаем мы их фамилий даже.

--Ладно, ребята. Посидели и будет. Хорошо посидели, я даже немного сердцем отошёл. Особое спасибо тебе, Валюша. Умеешь ты сердца согреть да души лечить. Это у тебя с войны осталось. Пошёл я.

Валентина начала убирать со стола. Вынесла первый поднос с грязными тарелками и, остановившись на пороге, спросила:

--А дети --то у командира есть?

--Откудова у него могут быть дети? Ты же сама мне рассказывала, что меринком он после того ранения стал. Пустым, значит, мужиком. Вылушили его напрочь. Вот потому он и холост всю жизнь. И при армии потому остался. С бабами он воевать уже не мог, а оружие в руках держать и без мошонки возможно.

--Да, жаль его. Хороший человек, честный и душевный... А с виду --то представительный мужчина....За него бы любая пошла....Э--э--эх, война проклятая....

-----X-----

Утром Лукич встал тяжело. Хорошо, что Валюша капустного рассольчику пол--литровую баночку на табурет в головах кровати поставила, а то бы головку со свинцом от подушки было бы и не оторвать. Перебрал, видать, вчера по душевному разговору.... Как там лейтенант--то с ранья на полигон свой выбрался? Тоже, наверняка, с дивана к рассолу на карачках добирался. У него своей Валюши --то нет, бобылём живет. Кто ему с утрачка лекарство от похмелья приготовит? Нет, как ни говори, но в определенные моменты в жизни мужика, такая вот Валюша, ох как нужна, бывает, ёлкин корень! Ох, да как...Да, что там говорить, понятливая жена в такие моменты--считай--счастье!...Валентина ещё спала. Притомилась вчера родимая и хоть и маненько, но беленькой--то тоже пригубила за компанию. Да много ли ей и надо в её --то годы. Чай, поди не девочка уже.... Есть не хотелось, но знал, что в скорости в брюхе заскворчит. Зачерпнул из кастрюли парочку другую холодного борщеца. Подсыпал перчика и сольцы, после рассолу пресным борщом казался и почти что силком заглотнул его. Борщ, он, чем хорош, если, конечно настоящий, он что горячий, что холодный со вкусом в рот идёт. А уж Валюшин--то, тем паче. Не торопясь собрал рюкзачок. Прихватил пару огурчиков малосольных, хлеба с маслом, помидорчик. Луковку зачистил и яблочко, для витамина прихватил. Сложил всё в корзинку для грибов. Залил пол канистры топлива в мотоцикл и тихонечко поскакал на полигон. Ночная роса ещё не просохла, и ноги в ботинках враз

намокли. Да и на землю не прилягешь, всю амуницию насквозь обмочишь, а под стрельбами ещё лежать и лежать. Нарезал еловых лап, что повыше, да погуще, и подтащил к своему вчерашнему окопчику. Гнёздышко сложил по всем правилам, чтобы и сухо, и помягче, и ароматное было. Навык с войны ещё остался. Автоматически в память вошел, так сказать. Не отшибло его, значит. Прошелся по ельнику и опушке, что поближе. Кое --что отыскал. Даже два беленьких чистых и три красавца красных. Маховиков крепеньких не считал. Это не добыча для настоящего грибника—так дополнительная приправа для заполнения корзинки. Подберезовик и подосиновик—другое дело, их можно прировнять к крепким маслятам. А вот лисички—это особ статья. Они при правильной жарке аромат и вкус дают отменный. Но так изжарить их—это искусство, которым, кстати, Валюша владеет по высокому классу, можно сказать. Тут главное не мешать их при готовке с другими грибными породами. С двух трухлявых пней снял несколько семеек опят. С ними, конечно, надо быть осторожным! С ложными можно на раз перепутать, если грибного опыта нет. Но, зато гриб этот при всей своей невзрачности с первого взгляда—замечательный, ёлкин корень. Универсальный, можно сказать, грибочек. Его хоть жарь и парь, хоть соли и маринуй, хоть суши впрок для супца с перловкой—на всё гош! Чудо, а не гриб. А по дождливой осени на знакомых полянках их хоть косой коси, хотя урожай дает не каждый год. У него свой годовой график имеется. Гриб с норовом. В общем, как говорится, грибное алиби перед Валюшей Лукич обеспечил. Можно было выкурить сигаретку и прилечь по удобнее для просмотра былого... То есть, как в кино или театре каком.... Только без игры артистов там всякой, а по голой правде. И режиссером в этом представлении будет возвращающая былую память матушка война с её, подчас, смертельными мурашками по спине. Первый залп, как всегда, прогремел неожиданно и оглушающе громко. Вой пустые болванки подняли страшный. Фугасы, те хоть и рвутся звучно, но воют в полете потише и не так противно. Но болванок можно не бояться, пустые они, не опасные для мелкого окопа. Фугасы, совсем другое дело! Тут осколки летят чуть ни на километр, и их бояться не грех. Лежи поплотнее к земле и голову в каску прячь обязательно. Конечно, ежели в ягодицу залетит - тоже—приятного мало. Ягодицы, их каской не прикройшь, как это Боченок советовал Нечипайле. Но в их мозгов нет, память не отшибёт, а мякоть и зашить можно, не страшно.... Другое дело, если в бою на бегу этот железный гадёныш твоё мужское достоинство под ёлкин корень отчирикает, как нашему лейтенанту... Тут на койке в госпитале сильно задумаешься, что оно лучшее.... Память отшибленная контузией или жизнь вся твоя мужицкая дальнейшая пустая.... Особливо, если у тебя в доме жинка молодая или невеста любимая осталась...

Картинка объявилась, как и в прошлые разы, неожиданно и удивительно чётко. На пеньке, бессильно опустив голову и руки, сидел молодой Лукич, а чуть поодаль, у березки со срезанной осколком верхушкой, обнявшись целовались его Валентина и Трусин. У Валентины свалилась с плеча санитарная сумка. И Трусин, наклонившись, поднял её. Валентина оглянулась на безучастно сидевшего сержанта и сказала негромко:

--Он даже и не смотрит в нашу сторону.

Трусин помог ей надеть сумку через плечо, взглянул на Лукича.

--Да, Валюша, и всё равно мне как—то неловко, может быть, он что—то соображает? Не может быть, чтобы вдруг так ...раз.. и всё...

--Может, Коля, может. Я такого навидалась. Два года до войны в психбольнице медсестрой проработала. Такого навидалась!... С виду вроде всё нормально, обычный человек, а на самом —то

деле одна оболочка. Живой автомат из мышц, костей и крови, а мозг или вообще отключён или мыслит как –то совсем наоборот, нелогично. Оно слово—растение. Это ещё хорошо, что у Лукича все инстинктивные рефлексy в порядке, а то бы мы с ним замучились.

--А что, это навсегда?

А как когда ... Иной раз всё постепенно и проходит. Но чаще....

Лукич повернул голову , внимательно оглядел Трусина и Валентину и вдруг совершенно осмысленно громко произнёс

--Ёлкин корень, твою тещу ...

--Потом встал, протянул руку в сторону дороги, с которой донёсся шум проезжавшего мотоцикла и ещё раз повторил:

--Ёлкин корень...

--Заклинило его. Теперь он долго будет так бубнить. Пока новые слова не вспомнит. Пошли, сейчас не время обниматься.

--Не время, говоришь? А доживём ли мы до этого времени... Пошли.

Оба подошли к Лукичу и взяли его под руки. Он спокойно встал и опираясь на их плечи пошёл с ними, громко повторяя—«ёлкин корень»

--Валя, а прикрутить это радио никак нельзя? Хотя бы потише сделать? А то, неровен час напоремся на фрицев...

Нет, Коленька, этого делать я не умею. Был у нас в больнице один старый врач, у него одного это получалось. Говорили, он до больницы в органах работал. Не знаю кем, но вряд ли доктором. Я, конечно попробую.... Но не уверена..

Валентина положила голову Лукича себе на грудь и начала ласково гладить приговаривая: Миленький, миленький, ну успокойся,....успокойся..... Всё хорошо, всё пройдет, всё скоро закончиться, и скоро мы придём к нашим.....Потерпи, родной....Потерпи.....

Лукич, как маленький ребёнок с матерью-- прижался к ней и затих.

--Ну, видишь, все у тебя прекрасно получается, умница ты у меня. Молодец, Лукич! Молодец! Ты тоже умница. Вот так дальше и давай, так дальше...

Лукич вдруг поднял голову, долгим взглядом вперился в Валентину и очень тихо начал говорить:

--Эх, Валентина, Валечка ты моя...Ёлкин корень...Эх да Валентина , Валечка ты моя..... Ёлкин корень... Эх, да Валентина, Валечка ты моя....

Трусин и Валентина остолбенели и испуганно переглянулись.

--Что это с ним

--Да ничего особенного, Коля, он это так ,.... просто ещё что-- то вспомнил..... С контуженными так часто бывает. На меня поглядел, или услышал, как ты назвал меня, вот к его ёлкину корню Валентина и добавилась. Теперь он и это будет долго бормотать. Не обращай внимания, я его ещё раз попробую уговорить: Лукич, миленький ты наш, успокойся, успокойся родименький....А теперь потихонечку пойдём. Вот так, вот так. И хорошо,...и хорошо....Пойдем, золотенький ты наш, пойдём....

Послышался приближающийся тяжёлый рокот моторов и на дороге показалась колонна немецких военных машин с солдатами. Трусин попытался уложить на землю Лукича, но тот вдруг громко закричал и, вырвавшись, выскочил на дорогу, размахивая руками.

--Гады, гады, ёлкин корень, Гады, гады, ёлкин корень....

Трусин, прижав Валентину к земле выскочил из придорожных кустов за Лукичем, пытаясь поймать его и утащить в лес, но тот с силой оттолкнул его и с криками побежал навстречу спрыгнувшим солдатам.

Крики на дороге и автоматная очередь закончили видение. Лукич вытер рукавом пот с лица, и уткнувшись в колючие ветки ельника заплакал. Снаряды продолжали свистеть над его головой, но он не слышал их убийственного воя. Рыдания сотрясали тело. Он неосознанно, не чувствуя боли разгребал больно ранящие руки еловые лапы, пытаясь добраться до помятой травы и спрятать в ней голову. Миражи памяти закончились, но он видел, а скорее каким то шестым или десятым, но уже не человеческим чувством продолжал видеть и чувствовать, как солдаты скручивали руки ему и Трусину, как наотмашь били прикладами по головам, как бросили их в кузов машины. Он продолжал слышать свои дикие крики и проклятья. Он слышал, как тронулась машина, на полу которой они лежали плашмя с разбитыми лицами. Потом сознание начало постепенно угасать и он забылся. Последней была его мысль о Валентине, её он не видел..... Значит, к немцам она не попала.....Первые звуки, которые он услышал, очнувшись, были громкие птичьи голоса. Солнце подходило к зениту. Воздух благоухал испарениями диких трав и полевых цветов. Жизнь продолжала своё чудесное победное мирное шествие по земле. Война давно закончилась. Его внуки и знали о ней понаслышке, в кино и по телеку. Он тоже не помнил её, и эти удивительные, не поддающиеся трезвому разуму, хотя и рождённые этим же разумом миражи открывали ему её так достоверно в поразительной первозданности. Корзинка на этот раз не упала и ветки рябины, прикрывавшие грибы не дали им подвднуть под прямыми горячими солнечными лучами. Сел, сорвал растущий рядышком на тонкой ножке ярко красный цветочек мака. Зачем—то понюхал его, хотя прекрасно знал, что мак запаха он не имеет и привлекает насекомых только яркими красками. Лепестки сразу осыпались и кровавыми пятнышками украсили зелень иголок елки. Неожиданный сильный порыв ветерка, неизвестно откуда—то взявшийся, сорвал еще несколько перезревших маковых лепес ков окружавших окопчик.

--Так выглядела свежая солдатская кровь пролитая на край окопа после атаки.

Подумал он. Крови этой своей и чужой он не помнил.

--Так вот значит, как всё это было..... Выходит и в правду у Вальки с Николаем Степановичем любовь намечалась....Не говорила она мне об этом...Не намекала даже... А зачем говорить —то, ёлкин корень. Она когда меня в госпитале случайно нашла, наверняка и не знала, остался он жив после пленения, или погиб прямо тогда на дороге или потом в лагере. Меня—то главного

зачинщики этой истории не спросишь же....Дурной я был тогда, беспамятный. Считаю чурбан, чурбаном, елкин корень...Эх, Лукич, Лукич, сколько же ты делов –то пакостных натворил в этом беспамятстве. Мало что любовь чистую фронттовую двух хороших людей разбил, но ещё и такого человека честной репутации и доверия товарищей лишил. Да не всё ли равно, что там с этой любовью было сорок с лишком лет тому назад. Ну, любили люди друг дружку и поженились бы и жили бы счастливо, если бы сумасшедший Ильич им бы не помешал..... Нет тебе прощения, сукин ты сын, ёлкин корень. А ты ещё и сам поклёп на Трусина Валентине давеча представил. Мол если сдался противнику –ты человек и тем более солдат не порядочный и родине своей вражина. И себя с ног до головы обосрал и такую женщину обидел. Вот как теперь зачистить эту глупую подлянку? Как? Отмыть репутацию честного человека. Надо будет поближе к снарядам подлезть, и попробовать поглядеть, что же дальше –то с нами было. Старые дистанции уже не берут за бока. Конечно, боязно... Есть опасность! Есть! Вот и на этот раз два клока из ватника повырывало... От Валухи и командира влетит, мама не горюй, елкин корень, под первое число влетит! А как ей объяснить что с каждым разом страху всё меньше, а картинки могут и не проявиться. Без мокрых штанов память она не пробуждается. Вот такой новый закон природы образовался. Одно меня смущает, елкин корень, откуда эти слухи про старосту барака взялись? Дыма без огня ведь не бывает. А что, если и правда? Да—а! Тут, пожалуй, один я эту правду или напраслину углядеть смогу. Если, конечно, не пришибёт, елкин корень... Фугас, он и есть фугас. Подлый снаряд и силы страшной. А главное калечит всех подряд без разбру... Может, бог в следующий раз даст болванки....

Только было он встал и качнувшись собрался идти к мотоциклу, как двое крепких парней, откуда только взявшихся, подхватили его под руки.

--Дед?! Ты жив?! Ну, ты и даёшь, старый пень! Мы уже с ног сбились тебя чудилу искали! Думали всё уже, дедуля наш медным тазом накрылся! Ты только посмотри на свой ватник! Какой бог или чёрт тебя хранит, уж и не знаем! Ну, бабуля тебе устроит сегодня кузькину мамашу! Ой! Ну, хоть жив, слава аллаху!

Парень, что повыше и покрепче обнял Лукича и ласково прижался к нему.

А мы с Коськой уже собрались было твои косточки по полигону. Собирать. А я как увидел издали, что ты лежишь, чуть не окочурился от страха. Думал, всё, туши лампу ищи уши в темноте. Ты что, в войну не навоевался всласть, так решил сейчас доиграться!? Ну, ты даёшь, вообще!....

Лукич освободился от объятий внука и виновато пробормотал:

--А ты –то как тут оказался. Тоже на грибы потянуло? Елкин корень.

--Ага! По грибы, мать моя женщина. Делать нам с Костяном больше нечего. Да мы тебя больше часа ищем на этом полигоне. Да час сидели у шлагбаума, ждали, когда стрельбы закончатся. Ели дождались! Ну, ты и герой! Я бы от страха столько в штаны наложил, не подняться бы было, до дома не донести. Как Костян говорит: туши лампу, цветов не надо! Ну, вообще...Мы сюда на электричке целый час тряслись, да ещё сколько на попутке добирались... Так что расходы с тебя!

--Расходы.....Расходы. Вы зачем припёрлись--то сюда?! Кто вас звал?! Сегодня же стрельбы! Дважды два зашибить могут, елкин корень!

--Ну, да! Спасибо, что просветил! А мы —то с Костяном, два мудилы, думали дискотека. Думали, телочек классных снимем! А тут вам нате—хрен в томате, оказываются, стреляют! Нас бабуля Валя попросила.

--Ничего себе, попросила! Это так теперь называется! Ёксель моксель, как твой дедуля базарит. Да, бабка орала таким благим матом, как резаная курица!: «Дед день перепутал! Дед день перепутал! Сегодня стрельбы! Сегодня стрельбы! Я ей говорю: Бабуля Валя, дед же ваш не дурак полный, понимает же, что под снаряды лезть не надо!» Куда там, совсем оборзела старая, орёт как ненормальная! Аж трясётся вся, как электробритва! Ей, ей! И денег нам не надо. Бабушка Валя дала на дорогу, ещё и на пепси осталось.

Володя отвернул Костю от деда и прошипел на ухо:

--Ну и мудака же ты, Костян, дипломат хренов!... Ну, просто птеродактиль одноклеточный! Кто тебя про деньги тянет за язык...зануда.

--Короче, дед, твоя бабуля попросила, мы приехали. Заводи дедуля свой мерседес и тащимся домой. В животе уже кишка кишке романсы поют! А ещё пока доползём. Ты за рулем —то сидеть сможешь, а то давай я сяду?

--Садись. Только погоди маненько, дай очухаться, елкин корень... Оглох совсем.

--У меня, правда, прав нет, но ты же знаешь, я могу.

--Погоди, говорю, маненько, Я чуток отдышусь и сам смогу.

--Как хочешь, дедуля. Я предложил.

--Ну, Вован, твой прапредок даёт дрозда! То ему память снарядом отшибло, то оглох? Тебе бы ещё ослепнуть и под себя начать ходить и полный вперёд был бы! ? А? Ну, обхохочешься, скажи, а?! Ну, вообще—то, вы, старперы, народ могучий были. Я по телеку смотрел классный боевичёк. Одному летуну в ту войну обе ноги оттяпали, так он не только барыню вприсядку танцевать намастрячился, а еще и самолет в воздухе крутил, бочки да дохлые петли кверху тормашками там всякие.. Отпад! А, я ногу об гвоздь наколол, так неделю ступить не мог, хромал, как лошадь неподкованная на одно копыто всё равно! Верить?

--Его фамилия Маресьев была, я о нём книжку читал ещё в школе. Забыл только как называется... Классный пацан был, зашибись, прикольный...

--Ну, ты —то у нас Вован, вообще, графоман—всё читал. Все книги на свете!

--Не графоман, а уж тогда грамотей. Графоман это когда...

--Кончай теории разводить, ехать надо. Я хочу сегодня еще на дискотеку смотреть.

Лукич с грустью слушал содержательную беседу внука с его дружкой. Многих выражений он просто не понимал, но спросить, как—то не решался. Боялся выступить в роли того самого лоха, про которого базарил Костян.

--Кось, а Кось! У тебя в жизни что—нибудь святое кроме твоих танцулек есть?

--Как вам сказать, Лукич, святое-- это что—то из области религии. Не так ли? А религия, как нас коммунисты в школе образовывали —это есть опиум для народа! Это сейчас после перестройки — недостройки новые вожди в церковь старые грехи замаливать повадились. Хотя они, наверняка, в чертей поболее верят! Хотят хотя бы старых темных бабок и прочих пенсионеров, вроде вас с бабой Валеи, на свою сторону переманить. Чтобы вы за них голосовали. Ну, ещё , конечно, и городская интеллигенция, ну те, которые за кого хош за бабки у государства наворованные, или в зубы дарёные не только голос, но и сперму отдать готовы... Да и, в общем, все те, которые в едином партийном строю по дешёвке продались —трусливая элита долбаная, так сказать. Деньжат у них зашибись и их охранять надо! Ну, хватит базар разводить, за зря париться, ехать надо.

--Да—а!...Мало тебя, видать, мамка с папкой по жопке драли, ёлкин корень....Мало....А хорошо бы солдатским ремнём, или того лучше мокрой верёвкой в два ряда. Вот тут ты бы боженку о заступчивости каждый день просил.... Скажи мне, Кось, ты хоть понимаешь какая война —то в 41 году приключилась? Сколько народу уложила зазря? Как отбивались, кровью харкали....И какими жилами все—таки добились гада?! Ты хоть раз когда --нибудь призадумался об ентом, ёлкин корень, твою ...рас--так?....

--Лукич, не надо пылить. Чтобы головой думать, у нас в государстве дума есть. Сидят пол --тыщи человек, та же элита, твою налево,... и думу думают, за приличное вознаграждение из народных налогов, Ильи Муромцы и Алёши Поповичи, елкин корень! Если бы при этом эти думы кто—нибудь еще и исполнял?! А по церквям в праздники ходить, глаза дурням мозолить, да туфту людям в мозги ихние впаривать, - это каждый может. И даже ты, дед! Чо, я не прав, скажешь?

--Дед, ты, что это сегодня ко мне и к Косьянычу прицепился? Не допил вчера, что ли, или с бабулей что не поделил с утречку? Столько лет молчал, а тут вдруг тебя пропоносило, и начал молодёжи мозги вправлять. Ты меня посади на первой программе за круглый стол, поставь микрофон, посади рядом болтливую тёлку с телека, а уж потом задавай дурацкие вопросы из народа! Прав я, Костян?!

--Друган, ты всегда прав, даже когда несешь помои. Ихнему древнему поколению, нас современных людей, можно сказать, передовых и перспективных жителей планеты Земля, можно сказать надежды всего прогрессивного человечества —не понять! Для этого современного качества интеллект нужен! Как говориться:—отцы и дети, елкин корень! Это кажись ихний Карл Маркс высказал, а может и его братан, Энгельс. Чёрта с два их различишь , оба старые евреи, и вот с такими бородами. Пейсы-- у них называются. Елкин корень.

--Кось, ты вот что я тебе скажу. Ты, ещё пацанёнок мало смышлёный, ты и мой «ёлкин корень» не тронь! Это слово моё! Понял! Его длинной жизнью заработать нужно. Это тебе не тая ляп и не базар твой! Понял! А ежели тебя твой батя с детства не воспитал как следует, так я самолично мозги тебе переместить из задницы в голову смогу! И ты не смотри так. У старого Лукича ещё не только служебная берданка есть, но в пороховницах ещё и пороху сухого достаточно, чтобы таким мудрецам современным, как ты мозги вправить. Ты мне старому солдату --пушкарю ответь: и всё же что такое та война для тебя!?

-- Ну, дед, ты меня, конечно, прости, но это уже насилие над личностью называется! Ты прямо мёртвой хваткой за горло! За это привлекают, между прочим! Статья специальная в этом кодексе имеется! И только потому, что я тебя уважаю, как деда моего другана, и понимаю, то ты всё одно

не отцепишься от человека,—отвечаю в доступной для твоего поколения форме: Лично для меня, Лукич, та война это всё равно, что мифы древней Греции. И во всех войнах каждый раз совершали подвиги и хрипели, и пачками проливали кровь. И каждый раз это одно и тоже! Что ледовое побоище, что Первая Мировая, что Вторая? И тогда воевали за что—то, и в средние века, и с Наполеоном. И ещё сто или, может быть, тысячи раз мы --эти потомки обезьян и снежных человеков, будем мочить друг дружку. Верно же, Вовчик? В кино и по телеку войну я люблю смотреть, а терять время на книжки и рассказы старых пердунов-- ветеранов вроде...прости меня...., извините, простите, скукота. Потеря времени из без того короткой молодой жизни. Вот скоро в армию забреют, тогда войной наемся, сам знаешь, до какого места. Каждому грибочку свой кузовочек, Лукич и каждому жизнь даёт свои удовольствия по возрасту. Ты ведь на дискотеку с телочками сексуальными под музыку с травкой пообжиматься не пойдешь! Верно же? Тебе она и на дух не нужна! То есть, может быть и сбегал бы втихаря от бабы Вали, но кому ты там такой нужен, да ещё со своим сраненьким довоенным трёхколесным мерседесом и тощеньким лопатничком. Ведь ты этих самочек только одной газировкой напоить сможешь! Верно, Вовчик! Нет, если, конечно берданочку с работы захватишь, тут другое дело....Но менты сразу заметут. Как, в правильном направлении я базлаю, Вовчик, или опять не в ту степь?

Лукич, обхватил голову руками и осел на край окопчика. Голова опять налилась свинцом, в глазах забегали черные кляксы, тело обмякло и потеряло остойчивость. Володя во—время подоспел и, вытащив из окопчика пару больших веток уложил деда на землю. Солнышко зашло за большое облако и, примчавшийся из опушки леса свежий ветерок помог старику наполнить лёгкие прохладным кислородом. Володя сел рядом и начал ласково гладить деда по голове.

--Костян, ты думай хоть чуть чуть, с кем и о чем несёшь свою чушь. Чуть не угробил мне старика. Видишь, он после твоей дурацкой брехни еле дышит. Того и гляди богу душу отдаст. Обратное будешь бежать за мотоциклом и пахнуть бензином. Ещё раз такое ляпнешь, я тебя урою, в этом же окопчике, ферштейн!? А если он еще всё это бабушке Вале сболтнёт, она сковородкой твой глупый череп квадратным сделает.

До дому слава Богу добрались без приключений. Валентине придумали историю с поломкой мотоцикла, и все утряслось, как нельзя лучше. Прошла неделя. Лукич исправно ходил на дежурство и, казалось, забросил свои полигонные фантазии. Валентина успокоилась, и жизнь вошла в прежнюю тихую колею. Однако....

.....X.....

На этот раз, Валентина его чуть было не замела. Чудиком, в шестом часу утра ему удалось выскользнуть из дома. Уже по дороге вспомнил, что в спешке забыл захватить с собой корзинку для грибов, елкин корень...Пошарил в коляске, нашел целлофановый пакет. Как он туда попал? Не вспомнил. Видать внук оставил. Забыл, видать. За ним такое водится... Молодежь, что с ее современной —то возьмешь. Хорошо. башку не забыл взять, и такое с ними могло случиться...Одно слово молодежь, едреный корень. А с этим пакетом ему, считай, сильно повезло. Не в карманы же беленькие да красненькие прятать. Вспомнил смешной анекдот, сосед вчера отмолил: Какой в мужском организме главный орган? ---Мошонка оказывается! Потому что, еже ли Бог ее не изобрел бы —мир человеков бы закончился быстро и намертво. Пришлось бы мужикам свои драгоценные яички все время в руках таскать. А какая может быть жисть, ежели у мужиков, можно сказать, главных кормильцев, добытчиков семьи --руки завсегда яйцами заняты?! Смешной

анекдот, остроумный. Народ русский, вообще, если на то пошло, на анекдоты смышленный, особливо евреи. А уж если про задницу или там всякое такое, непечатное...так хлебом не корми, дай только поржать вволю. Кобели! Одно слово—кобели. Вот сосед с третьей квартиры давеча парочку приличных рассказал. С ним такое не часто случается, чтобы без матери,... елкин корень, но тут Валентина как раз подошла. А Валентину он уважает. Да ее, если по правде, все кто ее хоть чуток знают, все уважают. Стоящий она человек, цельный, как говорится, что и говорить. Война проклятушая, чем она полезна человечеству:-- она выдержке, да приятному отношению друг к дружке учит. Сплачивает своими ужасами да страданиями народ, что ни говори. Ведь человек, он как устроен: пока петушок, золотой гребешок, со всей силы в задницу не клюнет, так чтобы не просто синяк, а кровушка потекла,—не пошевелиться и свою беду с другими не разделит. Вот так уж он устроен Богом, человек. Особенно русский. У еврейской нации с этим вопросом, куда как получше. Как их из ихней родной земли еще до нашей эры римляне поперли, да по свету раскидали, так это ценное качество в ихнюю еврейскую кровь прочно вошло. Как по телеку говорят—вошло в гены и всякие там хромые сомы. Эти друг за дружку цепляются, только так. А русских даже татарское иго так ничему и не научило. Вся память у народа за века самогоном смыло начисто. Хороший анекдот сосед давеча рассказал: стоят два хохла у Бабьего Яра и плачут: «Ох фрицы поганые, мать их в колоду, сколько же они гады тута наших жидочков в землицу—то зарыли! Но ничего, вот Берлин возьмем—мы тоже ихних жидов увсех в землю уроем! Увсех до одного! Чтобы знали, сволочи, мать их в колоду!» А тут, можно сказать, на этом самом месте мотоцикл взял, зараза, и заглох. И хоть ты сдохни не заводится, елкин корень. Как будто ему последняя мысль Лукича про фрицев не понравились. Добро бы он немецкий трофейный был, тут понятно...обиделся за анекдот. Так нет же, наш «ИЖ» обыкновенный, тарактелка вонючая, елкин корень. Вот и думай себе, что его задело? Перекурил, дал мотору остыть, и тут мыслишка умная в голову пришла: --да ему же, елкин корень, сосед по гаражу, Гришка--косой, на прошлой неделе амортизаторы немецкие поставил. Старые—то, наши, вытекли давно, а он у барыги новые, импортные, по дешевке купил. По пол --банки за штуку. Считай, даром взял. Можно сказать, повезло косому. Тот, барыга, сильно головкой с похмелья мучился, а лекарства подходящего рядом и не оказалось. Магазин на замке, елкин корень! Тут, как говорится, можно было бы и за одну бутылку и оба взять. Да ладно, и так хорошо. Лукич амортизаторы рукой так нежненько погладил, извинился за то, что понес по кочкам всю немецкую нацию. Сел в седло, дернул ногой ручку магнето, мотоцикл сразу и завелся. Техника—она ведь, как ни говори, тоже живой организм, хотя и железный, и к ней обязательно свой, тонкий, можно сказать, душевный подход обязательно нужен. Обязательно! Тут, как говорится, и к доктору не ходи, елкин корень. К полигону подъехал в самый раз. И солнышко поднялось на приветливую высоту, и тучки разбежались кто куда, кому зачем. И ветерок уже начал в силе терять и тепла набираться. Идеальный вариант для лежания на еловых лапах в окопчике, как говорится, представился. Поглядел на часы, до стрельб еще с полчаса времени оставалось. Можно было подыскать окопчик поближе к полосе разрывов, да и поглубже, на всякий случай. Как известно: береженого и окоп бережет, ну это, конечно, ежели высоко не высовываться без надобности дуриком. Война она, слава богу, хороший учитель в этом вопросе. Лучший, можно смело сказать. Хоть и ждал он первого снаряда, но тот завыл над головой, вроде как, и неожиданно. Завыл и ухнул даленько. Перелетел. Видать, наводчик ствол задрал, неумеха пацан. Второй, третий и четвертый долго ждать себя не заставили, и все вокруг завывало, застонало, загремело, заухало. Совсем, как в той страшной детской сказке про ведьм и леших в темном лесу, которой его, наверное, пугала мама на сон грядущий, если он баловался в кровати и не хотел засыпать под ее сладкую колыбельную. Только сейчас все было взаправду. Да

и, окажись сейчас здесь эти лешие и ведьма, они бы сами, сердечные уроды, напрудили бы от ужаса полные штаны. Также, как и сами германские пугатели детворы-- братишки Гримм, придумщики этих жутковатых сказок. Пропустив еще парочку залпов Лукич понял, что спина не сыреет, и мурашковый пот его не пробирает и, что надо подползать поближе к местам разрывов. А тут на его счастье подвалила удача, у вояк случилась пауза, то ли снарядов во время не подвезли к пушкам, то ли наводчики решили сделать перекур и обсудить результаты стрельб. Лукич, прихватив парочку самых кустистых еловых лап ползком перебрался метров на десять вперед. Так сказать, произвел марш бросок в ближний к разрывам окопчик. И, как, оказалось, успел очень даже во время. Едва успел нырнуть в ямку, как над головой взвизгнул осколок от разрыва нового залпа, и сзади, как подкошенная прямо возле него нежно прилегла девственная курчавая березка. А дальше залпы пошли один за одним и, засыпанный комьями летящей во все стороны земли он отключился.

Перед ним стояла шеренга пленных наших солдат. Грязные, в стоящих колом пропотевших в пятнах засохшей крови гимнастерках, навыпуск, без ремней, рваных штанах, замызганных пилотках. В развалившихся во время бесконечного блуждания по лесам в поисках своих ботинках и кирзовых сапогах. С опущенными головами и потухшими глазами, а то и босые, они представляли собой жалкую картину. Среди них он узнал Трусина . Перед строем со списком в руке стоял подтянутый немецкий офицер и два солдата с автоматами. Один держал на коротком поводке огромную немецкую овчарку. Собака повизгивала и все время пыталась броситься на пленных, таща хиленького солдата за собой. Он злобно покрикивал на нее, и при особенно сильных рывках просто чудом не падал на землю. Офицер громко, коверкая русские и особенно азиатские и кавказские фамилии, отрывисто, ронзительным, неестественно высоким лающим дискантом, зачитывал список:

--Сто шестнадцать!

--Я!

При этом заключенный делал шаг вперед и назад в шеренгу

--Сто семнадцать!

—Я!

--Сто восемнадцать!-

--Я!

--Сто девятнадцать!

--Я!

--Сто двадцатый! Повторяю! Сто двадцатый!

Повисла тяжелая пауза. Офицер медленно повторил:

--Сто двадцатый! ? Староста!

Из строя вышел Трусин.

--Где сто двадцатый! Побег!?

Офицер достал из кобуры пистолет.

--Никак нет, гер офицер, неожиданно тяжело заболел. Приступ печени.

Офицер бьет Трусина по лицу, вкладывает в кобуру «Вальтер», брезгливо вытирает руку платком:

--Раз жив, должен быть в строй!

--Непременно будет на вечерней поверке, гер офицер! Клянусь вам!

--Он должен стоять немедленно! Шнель! Шнель!

Трусин бегом побежал в барак и вывел ничего не соображающего, едва передвигающего ноги, страшного, обросшего бородой Лукича, и, поддерживая его, поставил рядом с собой в строй. Тот, что—то невнятно тихо бубнил про себя. Офицер неторопливо вынул из футлярчика монокль, тщательно протер его хорошо отглаженным белым с черной каемочкой носовым платком, вставил в глаз, и так же брезгливо, оглядев Лукича, аккуратно вложил монокль в футлярчик и положил нагрудный карманчик кителя.

--Голос! Голос! Этот свинья еще имеет свой голос, или он подаст его, когда будет в работе на бойня!?

Довольный своей шуткой офицер снова демонстративно расстегнул кобру, как бы еще раз намериваясь достать «Вальтер». Трусин тихо начал шептать прислонившемуся к нему Лукичу:

--Лукич, скажи «я». Скажи «я», Скажи «я». Ну, скажи, миленький.

--Лукич поднял голову, почти задрал ее назад и сделав шаг вперед неожиданно громко и отчетливо произнес:

--Я, едреный корень.

Сделал довольно четко шаг назад и встал в строй.

--121!

--Заключенный сделал шаг вперед, произнес положенное «я» и встал в строй.

--122!

Из строя, качаясь, вышел очень худой, изможденный старик и кашляя с шипящим свистом пробормотал нечто похожее на: 122, «я». Офицер сделал рукой жест, означающий —отойди в сторону. Старик упал на колени, и с явным еврейским акцентом, картавя и грассируя, сквозь непрекращающийся приступ астматического кашля простонал:

--Господин лагерфюрер, ради всех святых не убивайте меня, у меня здесь больная жена...она не выживет если.....

Офицер отмахнулся от него рукой с зажатым в пальцах надушенным носовым платком и повторил:

--Номер!?

---!22. Гер офицер.

--Не твой, швайне, номер твой жена!

--34, господин лагерьфюрер.

--Староста! Почему не делал доклад, что в бараке больной юде?

--Виноват, гер офицер, он совсем недавно у нас и болезнь у него не тяжелая.

Офицер сделал знак охраннику с собакой и тот что—то отметил в блокноте.

--И жена туда будет тоже. Немецкая нация имеет чувствовать жалость к больной женщина.

Старик попытался встать с колен, но его сильно качнуло, и он снова упал на землю. Трусин подбежал к нему и попытался помочь, но офицер громким окриком заставил его вернуться в строй. Старик попытался еще что—то сказать, но охранник ослабил поводок и овчарка, встав на задние лапы, брызжа слюной, зашлась свирепым лаем. Несчастный в ужасе опустил голову, обхватив ее руками. Офицер в очередной раз достал пистолет, подошел к старику, повернул его спиной к себе и в упор выстрелил в затылок.

Гуманность, это великий достояние немецкой нации! Эвтаназия—есть лучший средство от дряхлости. Человек должен жить, пока он полноценный личность. Всем остальным недочеловекам, и разный псих и инвалид, надо во время умирай! Это сказал наш великий фюрер. Один немецкий семья написал фюреру письмо. Оно попросил его разрешить взять жизнь от их не полноценный ребенок. Наш великий вождь, не только дал это разрешить, но лично поблагодарить сознательный семья и прислал для эвтаназии свой личный врач, профессор Бронт! Человек, если он уже не может работать для великий рейх, не имеет право на жить! Запоминать это староста! Запоминать, как имя твоего мамы! В Германии был создан специальный комиссий : «Комитет по защите расовой чистоты!» В 1939 году в Рейхе, по личный приказ фюрера были утилизированы 500 детей --дегенератов и 150 тысяч взрослых дармоедов --душевнобольных. Сегодня наш священный долг очистить землю от вонючих евреев, с их ворованными деньгами, нацию ,который ничего не дал и не дают миру, грязных цыган, и всех нетрудоспособный дармоед! Вам это понятен, староста?! Я могу ночь разбудить каждый и из вас, и каждый должен это мне сказать! Все поняли?

--Поняли, гер офицер, прозвучал нестройный хор.

--Заклученный 123!

--Я.

--Староста, ты хорошо понимай, что я сказал?

--Так точно, гер офицер.

--Встать в строй, и чтобы завтра быть у меня список всех дармоед барака!

.....X.....

Очередной снаряд вырвал из земли большой ком дерна, который взлетев высоко в воздух опустился аккурат на голову Лукича. Удар был так силен и неожидан, что Лукич враз отключился, не успев произнести свой, елкин корень. Очнулся в полной тишине. Вдалеке, чуть слышно чирикали птичьи голоса, очевидно его возвращение в реальный мир произошло в паузу между залпами. Он долго не мог сообразить, где же он и, что с ним произошло. И только тогда, когда вновь прогремела очередная канонада, и на него посыпались мелкие камушки и кусочки вывороченной земли, понял, что все еще находится на полигоне. Ушибленная голова, как ни странно, не болела, но отяжелела, и очень сильно стучал пульс в висках.

--Пожалуй, надо немного отползти назад, а то гляди ненароком и, вообще, зашибет, к чертям собачим, елкин корень. --подумал он. Надо же так шарахнуло. Видать, чем--то я не угодил Спасителю, а может, совсем наоборот, предупредила меня Матушка, что дальше мне дураку, елкин корень, лезть под снаряд не гоже. Спасибо спасительница! Вернусь, свечку тебе поднесу в нашей церкви за спасение моего брэнного тела и глупой башки, ну и, конечно же, души --это уже, как говорится, само собой.... Душа, она в человеке, как ни крути, главный орган, хоть и не видать его, как говорится, визуально, на вскидку, простому смертному. Ее только Христос и евонный папаша --главный Бог --отец видят, да и то только на том свете, в ихнем небесном царстве, когда она на суд справедливый прибывает к райским воротам. Это, слава богу, что хоть там справедливый суд есть. Если бы нам земле был такой, куда бы, как легче людям жить --то было бы.... Отполз он задним ходом по--пластунски, как армии учили под колючку в атаке лазить. Опять же рефлекс сработал. Хороший способ, что ни говори, но это когда елозишь по осенней травке. Тут одно удовольствие. А в бою земля вспахана перепахана, одна холодная липкая грязь, как говорится, а зимой и в распутицу, вообще, не приведи господь! Да еще осколки да пули тебя в задницу подгоняют, да ватник об колючки цепляется, елкин корень. Правда, с тыла больше осколки от мин да фугасов тебя зацепить могут, а пулю в жопку только от сукочей СМЕРШников из загранотрядов можно заполучить, гори они в аду на сковороде жарким огнем уроды,... елкин корень. Тоже иезуитское изобретение Бога войны маршала Жукова! И его бы туда же, сукина сына! Чтобы поползал, под своими же пулями в спину, гад! Ох, и сколько же своих солдатиков пулей в спину эти НКВДешные сволочи, под его приказ на полях положили. Сам --то, небось, в штабе сидел. И при фронтовых женах. На передовой появлялся только, когда киношники его снимать для киножурнала приезжали, да и то в затишье. Правду говорил о нем наш командир. Чистую правду, елкин корень. Ребята рассказывали, обычно привозили его во время большой артподготовки с нашей стороны, когда стреляли только наши пушки, а немцы отсиживались в окопах, да траншеях. А в кино он--то героем выглядел-- Кутузов Михаил Илларионович, да и только! Только с двумя бесстыжими глазами, а не с одним, но честным, как у того, настоящего фельдмаршала. Новый залп прервал его философские воспоминания. Прервал и сработал на новые мурашки. На сей раз он сидел на нижних нарах в бараке. Видать Трусин отдал ему свое местечко внизу, да подальше от двери, где потеплее. Недалеко трещала и пускала хлопки с дымком от сырой осины буржуйка. Одно слово райское местопребывания в барачных условиях. Спасибо ему. Блатное, как сейчас сказали бы, елкин корень. Рядом с ним расположился сухонький мужичонка с явно еврейским лицом, лысый, в круглых очечках с одним, причем, точно по серединке, треснутым стеклом, с тоскливыми глазами голодной собаки, но гордо откинутой головой на тонюсенькой шейке. Он что --то негромко, по всему видать от недостатка физических сил, и нудно говорил, а вернее бубнил, вроде бы, как самому себе. Звали мужичонка Иосифом, родом он был из Одессы, и барак его любил за интересные истории, на которые он был мастер.

--До войны я был очень разборчив в еде. Такой привереда, что моя женка даже мамане моей на меня жаловалась. Ну, просто, привереда и все тут. Причем, что интересно—без всякой на то веской причины. Вот хочу, вроде бы, есть, и борщ с чесночком натертой на горбушку свежего черного хлеба так вкусно пахнет, но вот привередничаю и все тут. Вот такой я был удивительно странный человек в то мирное время. Считаю, глупым был....Идиот, как меня называл мой старый папа. Сейчас вспоминаю и удивляюсь себе тогда...Почему со мною было такое?...

--Не человек ты был удивительно странный, а обыкновенный мудила сраный. Лично я бы на месте твоей бабы почаще чистил бы, фраер вонючий, тебе рыло. Да, да, почаще.

Это проворчал мужик с нижней полки в во втором ряду, он был из довоенных блатных. Появился в бараке совсем недавно, и еще не вник в барачную иерархию и установленный порядок. Ростом был под дверной косяк, могучие мышцы легко угадывались даже под ватником, блинообразное красное лицо с расплюснутым носом снизу заканчивалось безвольным махоньким подбородком, а сверху узенькой гладкой, без единой морщинки полоской лба выдающегося мыслителя. Огромной величины кулаки со сбитыми костяшками пальцев выдавали в нем профессионального вышибалу питейного заведения или охранную шестерку блатного пахана. Пустые маленькие глазки под густыми рыжеватыми бровями через переносицу, дополняли этот образ. Представился он просто: Митяй воронежский.

--Воронежский, это что, фамилия у тебя такая?—спросил его Трусин.--Нет, погоняло.

-Мрачно, густым басом ответил он.

--Вот, вот. Вы совершенно правильно поставили мне диагноз, товарищ Митяй. Абсолютно точный. Сейчас я это понимаю. Вот если доживу до мирного времени,—неприменно буду просить прощения у жены за свои прошлые глупости. Сейчас я думаю, какой же я был тогда неблагодарной скотиной, когда заставлял жену готовить то, то, то это... Теперь, если, конечно, доживу, буду есть все подряд и каждый день хвалить, ее и хвалить. Все подряд! И никогда не буду жаловаться на качество и вкус пищи. Никогда и не кому не признаюсь, что мне холодно. Никогда не буду канючить и мечтать о деликатесах: о теплом пахучем хлебе с маслицем, об отдельной свежайшей колбаске, розовой, с мелким жирком, о горячей картошечке пожаренной по--деревенски на шпике с мясными прожилками и с лучком, и буду наслаждаться этим истинно крестьянским блюдом прямо со сковородочки. Вспоминать об ароматной буженинке из Мосторга, о голландском сыре и заливном язычке под хренком....

--Кажется, я сейчас твой поганенький язычок из глоточки вырву, и ты его схавашь всухомятку и без хренка. Кончай базар, падла! У меня от твоих песен уже живот свело, и кишка кишке мурку бацают.

--Вы напрасно грубите мне, товарищ. Поверьте, необоснованное хамство по отношению к ни в чем не повинному собеседнику, а в нашем с вами случае --вашего же сотоварища по несчастью, унижает в первую очередь самого хама. Надеюсь, вы понимаете, кого я в данном случае имею в виду! Единственное, что нам оставили наши мучители --враги—это свободное право мечтать и выражать свои мечты в слух. Да, да, именно, вслух. Этого они просто не догадались у нас отнять, вследствие их врожденной немецкой тупости. Это их национальный генетический дефект. Это на уровне молекул и атомов и это навсегда. Они всегда будут делать прекрасную технику и оружие. Они даже могут писать приличную музыку, но в них всегда будет не хватать чего—то чисто

человеческого. Они поразительно сентиментальны и в тоже время невероятно жестокосердны, и жестокость в них органично впаяна не только в сердечную мышцу, но и даже в клетки головного мозга. Да, что там головной! Я не ошибусь, если скажу, что и спинного тоже. Вы только обратите внимание на их прямой, как телеграфный столб позвоночник при ходьбе, на их нечеловеческую выправку робота! Они не настоящие люди, не человеки, которых сотворил Господь, они недочеловеки. И, именно поэтому, их совместное проживание и существование с другими нормальными национальностями исключено! А поэтому даже свой собственный, но человеческий голос, мой хамоватый коллега по плену и бараку, приятно слышать в этом нечеловеческом аду. Слышать, хоть что—нибудь приятное, даже вышедшее из своих же уст. Так что, уж простите меня, милейший. И запомните: уже после того, что с нами тут творят эти изверги в человеческом облики, эти пусто сердечные роботы обтянутые кожей под мундирами, мне уже ничего на свете не страшно, и ваши пудовые кулаки тоже. Слушайте, я не сомневаюсь, что и мне, да и вам после войны, заметьте, я не сказал: после нашей советской, псевдо коммунистической победы .В той стране, в которой люди без сопротивления несколько десятков лет позволяют выбранными ими же наверх недочеловекам, а попросту бандитам и уголовникам, творить с ними, что тем вздумается! То есть, что угодно, превращая их в многонациональную армию рабов, никакая победа не создаст по настоящему демократическую державу.. Ни—ка—кая! Запомните мои слова, если случайно доживете до той поры! Вот вы по серости своей начали мне грозить. Я возвращаюсь к этому вопросу. А знаете, почему я, маленький, слабосильный, можно сказать, плюгавый жиденок, не боюсь вас, здоровенного недоумка, да простит меня Всевышний за оскорбление недоразвитого раба своего? Я уверен, не знаете. Более того, наверняка, вы не можете сообразить своим нетренированным в нормальных спорах умом, зачем этот плюгавенький еврейчик нарывається на скандал? Так вот я вам скажу, если , конечно, у вас хватит терпения слушать, не начиная месить меня своими кулачищами, как тесто для русского каравая или еврейской мацы до конца этого ответа. Как вам, возможно, известно, мессия Иисус Христос, крестик с распятием которого , я видел, вы носите под вашей пропитанной потом вонючей рубахой, был по национальности еврей. Так уж получилось. А ,следовательно, его родной папа так же был представителем этой национальности, хотите вы этого или нет. Так получилось. Не сомневаюсь, что в небесном руководстве, как и в любом другом, были свои цорысы, то есть, подлanky по вашему, подсидки, покушения, заварушки, перевороты, я знаю?... И еврейский папа-- Бог, которого, кстати никто никогда в глаза не видел в них победил. То есть, на вашем воровском жаргоне стал паханом, да простит он меня грешного, за это непотребное слово. Правда рядом с собой он посадил на трон еще и некоего Святого духа, который, кстати, так же как и Бог —отец тоже никому и никогда не показывался! И какова же его функция в коллегиальном управлении миром, малопонятна простым смертным. Взял он его, как я понимаю, так, для хорошей компании, для священной цифры —три,—то есть, святой троицы. И тот, в чем я не сомневаюсь ни на секунду, тоже тех же наших кровей. Чужого, да еще со стороны, и без всякой святой рекомендации от своих кровников, он бы никогда не позволил себе посадить рядом с собой на трон! Вы не знаете евреев! И в этом триумvirате, я имею ввиду и его очень неглупого собственного сыночка —Иисуса Христа. А теперь обратите внимание на тот факт, что на иконах сидят все трое, но, как вы понимаете, правит —то бал один. Тот, что сидит посередке! Наши большевички--коммунисты, тоже по этому же божьему принципу организовали свои советские тройки ,будь они семь раз прокляты и горят после своей гадючьей смерти в аду! Тройки, которые отправили на небо миллионы ни в чем не повинных людей. И правит бал в этих коммунистических тройках-- бал сатаны --тоже один, именно тот, что сидит в серединке—конопатый негодяй пахан, а остальных двоих он посадил

просто так, для этой сучьей компании. Не забудьте, я не имею сейчас в виду святую небесную троицу, мы говорим о коммунистической! Между прочим, по ту сторону этой колючей лагерной проволоки тоже правят бал по одному человеку с каждой стороны. Так вот, к чему я завел этот длинный разговор. На небесах победил наш еврейский бог, которому подчинены все люди на земле вне зависимости от их вероисповедания. Так раз он всех победил, значит, он и есть самый умный и сильный! Так неужели же ты думаешь, едл, что он даст сгинуть с лица земли своим единокровцам? Да, он позволяет всяким недоумкам оскорблять нас, плевать в лицо, и даже уничтожать миллионами, но делает он это, как я понимаю, только для того, чтобы закалить нас евреев в неравной борьбе с остальным населением планеты! То есть, что бы мы могли выжить в этом кошмаре! Выжить, а если уж и погибнуть, как род, как племя, то только, как последний человеческий род! Самое последнее племя на земле! Он же начал их восхождение в стойких бойцов с того, что сорок лет водил их вместе с Моисеем по пустыне, когда они ушли от египетского рабства, выбивая из каждого страх и кровь раба! Надеюсь, теперь ты понял, недоносок, почему я тебя не боюсь. А в продолжение начатой мною гастрономической темы-- скажу следующее: после войны мне достаточно будет обыкновенной картошечки в мундире, и даже холодной и хлеба, обыкновенного черного хлеба. Я не буду его резать. Я буду откусывать прямо от ковриги. Ведь только так, да—да, именно только так, а не иначе, можно почувствовать запах и вкус настоящего хлеба. И настоящей жизни!

Барак молча выслушал эту длинную исповедь еврея, и ни один человек не прервал ее.

Пожалуй, прав был командир, когда объяснил за столом, почему в первые месяцы войны в плен сдались миллионы солдат,-- подумал Лукич. Получалось, что почти все были согласны с этим неказистым и жалким на первый взгляд, но, как оказалось, удивительно смелым и очень неглупым еврейчиком. Ну, а то меньшинство, которое даже здесь, в лагерном аду не могло вытравить из своей рабской крови мощнейший ядовитый, гипнотизирующий яд, нечеловеческий заряд сталинской пропаганды, на всякий случай, промолчало. Нет, это совсем не означало, что они не любят свою родную землю и не готовы проливать кровь за нее и своих родных, просто бесчеловечный, унижительный для нормального человека, рабский, лживый до мозга костей, до последней капли человеческого терпения коммунистический режим-- достал до печенок каждого из них! И такая страна уже не была им столь уж желанной и дорогой сердцу матерью. Да, на поверку фашистский режим оказался куда, как не слаще, и пожалуй, еще и омерзительнее коммунистического, но те, кто сидел в сибирских сталинских лагерях ГУЛАГа, а таких в плену было особенно много, могли сравнивать и размышлять.... Те, кто их здесь, да и там, гноил, издевался и командовал, в сущности не были их хозяевами. Хозяином этих, мнящих себя хозяевами человеческих судеб ныне подвластных им заключенных, был всего один человек с каждой стороны лагерного забора! Тот, что в высшей тройке каждой из обеих стран сидел посередке, как уже говорилось. А эти пешки были так же просто рабами --надсмотрщиками, рабами распорядителями, рабами управляющими. У евреев самым большим проклятием являлось не пожелание обидчику саранчи или оспы и чумы, совсем нет! Оно звучало, вроде бы, очень простенько и совсем не страшно: «чтобы вы были рабами у рабов». Потому, что у каждой нормальной великой нации, а величие любой нации, измеряется, отнюдь, не количеством ее населения, занимаемой ею площадью земли, количеством разных видов ультра современного оружия, а зависит только от качества и строения мозгов населения этой нации, то есть в способности к мышлению ее народа. И у каждой нации должны быть способные, энергичные и жестокие подлецы --служаки! Это незыблемый закон существования общества. Еще в гражданскую

войну Россия начала свое самоубийство. А там и дальше понеслось --уничтожать свой лучший семенной фонд. Забили всех: дворянство, офицерство, купечество, крестьянство --лучшее...А ведь крупные свободолюбивые личности только оттуда и берутся. А откуда же еще? Кстати, как это ни парадоксально--душители в том же числе! И в интеллигенции оттуда же такая мразь получается,-- что не приведи, Господи! Собственное генеалогическое древо—матушка Россия подрубила почти под корень еще в те, Ивановские и Петровские времена, а большевички с ихними новыми гениальными вождями—читай бандитами: косоглазым и конопатым, попозже очень этому поспособствовали. Да и двое бородатых немецких гениев тоже поспособствовали. Считалось, что кашу Марксом не испортишь. ...Пожалуй, единственным приличным правителем России был Лжедмитрий 1, он разрешил войти в Россию западной культуре, собирался открыть университеты.. Отменил массовые казни, и сделал многое, что могло просветить эту дремучую Россию, но как раз его—то народ и проклял. Так думал этот слабосильный еврей. Но думал вслух. Для себя и для всего барака...И закончил он свои размышления так:--Советский народ инертен, особенно его русское население. Ему обязательно нужна кровавая война, землетрясение, огромный камень упавший с небес, закрывший пылью на годы солнце, или еще какая--нибудь страшная чума. Тогда он сплачивается и начинает преодолевать коллективно эти катаклизмы. А в мирное время он выбирает над собой господином какое—нибудь, а иной раз и первое попавшееся дерьмо—диктатора, и тихо, беззвучно гниет под ним. Он напоминает мне навозного жука, который скатывает шар из любого говна и всю жизнь катит его перед собой. Его ест, на нем спит, им кормит семью. Это и есть «советский категорический императив».

А пока я помечтаю о селедочке под шубой, о маминной фаршированной рыбе...боже мой, какая это была рыба!...А жаркое с черносливом! Боже же ты мой! Сейчас бы одну чайную ложечку маминого форшмака из гусиной печенки!...И я готов подставить голову под пулю недоноски охранника.

Сверху раздался слабый голос больного старика, закадычный друг ,которого, тоже старик ,был застрелен офицером охраны на утренней перекличке

--Замолчи, Иосиф. Умоляю тебя, замолчи! Слышишь? Я не могу этого слышать... Понимаешь, не могу. Мамин форшмак, тебе все равно никто тут не даст, а я не могу заснуть от твоих дурацких мечтаний, хотя чуть живой от усталости. Лучше обзови каким --нибудь матерным словом нашего блатного и он сделает форшмак из твоей собственной печенки. Правда же, Митяй?

--И сделаю, да еще какой! Лучше гусиного маминого.

--Лучше не сделаете, в мамином есть гусиный жир, а из меня вы не вытопите и грамма.

--Не вытоплю, так выжму или соскребу со скелета.

--Кончай базар, висельник. Пусть еврей базарит дальше. Его можно слушать. А ты, Иоська трави дальше, у тебя про мусоров и гебешников складно получается.

Лукич вспомнил, что последний голос принадлежал вору в законе и настоящему «пахану» барака Витьке Голубю. Авторитет его был настолько высок, что даже староста Трусин, никогда ему не перечил. Он бежал к немцам из штрафбата. Бежал с поля боя, предварительно заткнув гранатой пулемет загранотряда и, пустив пулю в голову комиссара СМЕРШника. Была у него мечта попасть в немецкую шпионскую школу или стать полицаем, но немцы не оценили его ратный подвиг, а ,быть

может, просто не поверили и отправили в концлагерь. Росточка он был небольшого, худенький, с удивительно простодушной почти детской мордашкой. В молодости работал вором—форточником. Потом —наперсником. Годам к двадцати поднялся рангом выше, став медвежатником, то есть спецом по открытию сейфов. Удивительная ловкость невероятно гибкого тела и особенно пальцев рук, позволила ему освоить множество сложных воровских приемов и профессий, но особенно он был силен в бросании ножа. Известный цирковой артист, мастер по этому виду восточного искусства, как --то случайно проходя по площади ,обратил внимание на пацана, который почти без промаха бросал ножик в голубей и тут же продавал их тушки, а время было голодное, проходящим хозяйкам. Он взял его в свой номер и не мог нарадоваться совершенно фантастическому природному дару подростка—беспризорника. Однако, потренировавшись, год на арене, пацан понял, что воровское дело ему более по душе, да и куда, как выгоднее материально. Характер он имел независимый и ,поэтому, работал вором --одиночкой. К тридцати годам на одесской воровской сходке он получил высшее звание в своей профессии, став вором в законе. Коллеги по жанру его уважали, но, в то же время, побаивались. Характер у него был не простой, был он задирист и мстителен. И частенько споры по делению «общака» или другим важным воровским вопросам могли закончиться точным броском ножа в горло противника. Голубь был коренным одесситом. Любил слушать, да и сам прекрасно рассказывал анекдоты. Иосиф тоже был мастером этого жанра и именно поэтому пользовался благосклонностью пахана. Иосифа дважды просить не требовалось. Он сморкнулся в грязную тряпку, которую оторвал от подкладки ватника какого—то доходяги, из кучи трупов приготовленных для отправки в печь и, откашлявшись начал:

--Видите ли, Митяй! Вы так же, как и фашисты не любите евреев, что ж в вашем случае это не только не удивительно, но более того—закономерно. Для того, чтобы что --то любить, или, скажем, хотя бы уважать, надо попытаться поглубже заглянуть в сущность процесса, побольше узнать, что же хорошего или плохого сделал вам этот кто--то! Надеюсь, вы согласны со мной ?.

--Ну...

--Ну, это ножки гну. А вы , пожалуйста ,поконкретней .

--Ну...

--Понятно. Тогда давайте подойдем к этому вопросу с другого конца. Я вас буду спрашивать о чем --то конкретном, а вы будете мне коротко отвечать. Согласны?

--Ну.

--Вы любите музыку еврейских композиторов? Скажем, оперетты Кальмана или вальсы Штрауса?

.....

--Я музыку, вообще, не люблю.

--Хорошо. Ну, а книги еврейских писателей читаете? Бабея, Ильфа, Каверина? Назовите мне хотя бы одного?

--Му-му.

--Этот не писатель, это рассказ и написал его не еврейский писатель, а скорее писатель антисемит. Ну, а, скажем, балет? Вы любите балет, красивые танцы?

--Я на танцульки отродясь не ходил. Баловство это. Сплошное обжимание.

--Хорошо, а вы знаете, что множество слов в вашем блатном жаргоне взяты из еврейского языка.

--Ну?

--Пожалуйста: слово мусор, милиционер, произошло от еврейского «мусер»—сообщающий.

Далее: хавира, шмон, хевра, ксива, хипеж, фраер...Да их десятки. Очень мы евреи ваш жаргончик обогатили.

--Ты мне лучше скажи, почему это когда вас евреев следователь стрижет, он по харе не проходит кулаком. А только так.... Слегка,.... по почкам, для вида. Умеет ваш брат, жидяра, изворачиваться.....Умеет....Что и говорить. Вот лично мне, например, следак всю рожу искурочил, сучара..... Промокателем чугунным по морде прошелся. Не лучше фашиста иного...

--Ну это вы, Митяй зря...Приведу конкретный пример: великому советскому режиссеру, тоже еврею Меерхольду следователь Родос лично сломал руку и заставил пить собственную мочу.

--Подумаешь, моя бабка Пелагея, завсегда утром стакан своей мочи натошак выпивала. Говорила старушенция, что ссаки очень даже полезны для здоровья. Может этот Родос-пиндос, или как там его, о здоровье этого режиссера заботился.

--Скорее всего. Он, наверное, крепко дружил с твоей бабкой Пелагеей. Между прочим, этого Радоса потом тоже расстреляли. Только это не торжество справедливости было, просто банда с бандой сводила счета в борьбе за власть.

Сосед Иосифа длинный, как жердь бухгалтер из Ростова, вечно голодный и большая зануда, свесив голову с верхних полатей, поманил к себе пальцем Иосифа и заговорил очень быстро и громко. Речь его была не слишком разборчива и скорее напоминала лай с подвыванием голодной собаки. Митяй достал из под матраца набитого прелой соломой бутылку с водой, сделал смачный глоток. Сосед жадными глазами поглядел на пустую бутылку и простонал:

--Нет, нет, нет! Ты мечтай! Мечтай! От твоих слов рот наполняется слюной, и ее можно глотать и глотать! Глотать и глотать! А я хочу, хоть что—нибудь глотать! Хоть что—нибудь! Пусть даже слюни, даже их уже нет у меня во рту, они высохли

--Ты пойд и скажи это охраннику. Он сапогом вышибет тебе оставшиеся зубы, и ты вдоволь наглотаешься собственной горячей и очень питательной кровью.

--Митяй, ты бы не высывался, со своими советами. Хорошо, что у тебя богатая тюремная закалка, а человек, считай, попал, как хрен во щи. Ему долго привыкать к такому режиму.

Трусин подошел к бедняге, достал из кармана кусочек конского жмыха и отдал ему.

--А ты не обращай внимание на его дурацкие реплики, он это не со зла, а от безнадежности.

Верно же, Митяй?

--Ты староста зря его утешаешь, этому дистрофику только мечтать—то и осталось. Вот помани мое слово, он еще до конца недели дымком из трубы к богу полетит.

--Нехороший ты человек, Митяй, пустой шлам, а не человек. Учти, как аукнется, так и откликнется. Накаркаешь,—можешь и сам его место в печурке занять. Кто знает?.....

--Да ладно, это я так, чтобы не скучно было, считай, пошутил. Оська, травани еще чего поинтереснее, только про своих любимых евреев не надо. Я, если честно, их с раннего детства не терплю. Еще когда жил в хате у родной по матери бабки своей. Старуха была шибко добрая, а в селе нашем, на полтавщине жиденков страх как много расплодилось. Так бабка моя--сердобольная старая кляча, ихним детям, соседским жиденочкам малым ,мой хлеб часто отдавала. Свихнулась, видать, старушенция. Своих с чужими перепутовала... Вот какое дело...Ну, я само собой, их догонял за углом и хлебец тот отбирал. Они, конечно, верещали на своем жидовском языке что—то там такое, но не дрались, и ябедничать, как этот Павлик Морозов, к бабке не бежали.

--А почему бабка им хлеб—то отдавала, если своего было мало?

--Да ж они незрячие были эти жиденочки, что пацан, что и евонная малая сеструха они сироты были. Ихних папку да мамку в погром казаки порубали, а дитям глазки сильно попортили, вот они и побирались. А я побирушек с детства на дух не признаю. Вот уж такой я народился.

--А тюрьму —то за что попал?

--Да я ж сестру свою с ейным хахалем на сеновале поймал и обоих в раз и порешил. Я такого блядства в своей семье позволить никак не мог! Ну, меня с первоначала расстрелять хотели, а потом десятку лагерей дали. А я там ще и бригадира узбека убил насмерть. То случайно вышло Я в его поленцем бросил, а оно, поленце это ему в самую, что ни на есть башку и угодило. Вот такое вышло обстоятельство. Тут меня уже точно хотели подстрелить, но война с немцем началась , и меня в штафбат отдали кровью вину отмывать. Что там кровь была, то и здесь еще и побольше.

--Да, Митяй, богатая у тебя биография.

--Ага, куда уж богаче.

--А к немцам—то как в плен попал?

--Да то ж я к власовцем прибился, вместе из окружения выходили. Голенища немецких сапог варили. Оголодали совсем до смерти. Я вместе с Власовым и шел к нашим, поддерживал его, шибко ослабел генерал, но в одном селе мы в избу на ночь попросились, там они нас ночью немцам и продали за три банки тушенки и десяток картошек.

--А какой он человек был, этот генерал?

--Да какой, какой! Обыкновенный, можно сказать. Ничего особливо дурного сказать не могу. Перед своими бойцами не выживался. Был как все. Так же голодал, как и мы все. Нормальный, в общем человек . Трусом не был. Что да, то --да, врать не буду.

--А ты почему про Павлика Морозова вспомнил?

--Да он вже из соседнего села.

--Интересно! Он, что и вправду героем был?

--Кто, пацан этот, Пашка? Герой, кверху дырой! Вот кто он был. Сученок! Одно слово, сученок!.

--Ну, да?....Путаешь ты что --то, Митяй!

--Я путаю?! Да я ж его подленка жалкого насквозь, как знал! Наизусть, можно сказать! А то и поболее....И никаким он пионером не был никогда. У нас в селе никакой такой и пионерии --то не было отродясь. Даже не село по правде --то это было, была заброшенная богом забытая деревня. Это уже опосля, когда из Пашки --дурачка героя сделали, нам и свет провели, клуб смастрячили и даже музей собирались устроить. Семья у него была голь перекатная. В четырнадцать лет он и читать --то по складам едва умел, а чтобы писать, --так это, вообще, не могли. Их у батьки с мамкой четверо было. Мочились друг на друга баловники, недоноски хреновы. Пашка, тот ,с рождения недоразвитый был. Играл только с малышами, погодки им брезговали. Колхоз нищий из нищих был. Силком мужиков и баб сгоняли. Папаня его ,нищий из нищих, почему --то стал председателем этого колхоза. Да просто никто в председатели и идти не хоте. Жрать нечего, одна морока. Трудодни власть до корня забирала. По доброте душевной дал он справки нескольким ссыльным кулакам, что они де мол местные колхозники. Это помогло им бежать из гиблых мест, куда их власть запихнула. Их привозили с Кубани и с Украины и бросали в гиблых болотах. Они, конечно, разбегались, кто куда, и некоторым удавалось добраться до деревень. Так вот, значит,Пашкин отец осмелился пожалеть их. Добрый он был мужик, потом о нем в деревне хорошо вспоминали. А тут он оставил Пашкину мамку и подался к другой бабе в соседнюю деревню. Маманя Пашки науськала сынка и он по дурости своей на него и донес куда надо. Это ему дураку пондравилось ,и он давай грозить всей деревне и закладывать всех подряд, кто чего из односельчан от властей припрятывал. Кто мясо, кто картошку, а кто и немного зерна. Голод же был страшный. Мертвяки на дорогах валялись. В общем, одно слово недоумок. Дуралей, он и есть дуралей! Парень --то он был в общем безобидный. Первый раз донес - _-начальство его похвалило. Выставило перед другими пацанами примером. Он и давай....Тут мальчишечье хвастовство его и сгубило. Ну, сколько же такое можно было терпеть? Вот и его свои же родные и успокоили , как говорится, крепким сном на погосте. А остальное все уже было придумано. Так несмышленный дурачок стал почти, что святым мучеником и героем. Страна много таких героев до войны напекла. Куда, как много. То, что увидел Лукич дальше заставило его вздрогнуть и обильный пот потек по спине лбу и шее. С нижней полки поднялся он, сам, как он есть, Лукич, грязный, страшный, обросший бородой , с блуждающими глазами. Молча огляделся вокруг и вдруг дико заорал:

--Батарея к бою! Бронебойным по фашистским танкам! Прямой наводкой! Пли! Елкин корень!
Батарея к бою! Бронебойным по фашистским танкам! Прямой наводкой ! Пли! Елкин корень!
Батарея!.....

--Заткнись! Заткнись идиот! Слышишь, замолчи! Заткните его , кто поближе! Вот сволочь, сейчас охранник зайдет!

--Бронебойным! По фашистским танкам! Прямой наводкой! Елкин корень!

К Лукичу подошел парень с соседних полатей .

--Заткнись, псих! Слышишь, заткнись, говорю! А то я тебя сейчас на всю жизнь заткну. Как тебя только на поверках не застрелили.

В бараке поднялся шум, с полатей поднялся Трусин. Он был выбрит, причесан и в гражданской одежде. Оттолкнув парня, он поднял руку и перекрывая гвалт громко, приказным тоном крикнул:

--Барак, молчать! Заключенный номер 37, обратно марш.

Парень, скорчив недовольную гримасу, молча полез обратно на полку. Шум стих. Трусин подсел на полати к Лукичу, начал поглаживать его по голове, ласково приговаривая:

--Тихо, родимый, тихо. Успокойся. Танки повернули назад. Все в порядке. Ложись, ложись удобно. Вот так—то, родимый. Вот так—то . Тебе уже получше...Тихо, тихо...

Парень свесился с полки:

--Зачем вы с ним так возитесь, гражданин староста. Все равно ему не избежать этой, как его, эвтаназии. Пристрелит его офицер на поверке не сегодня, так завтра. Вы только грех на себя берете. Кто —нибудь стуканет на вас и вы тоже за ним туда же в печку пойдете...

--Уж не ты ли сам и стуканешь? Очень мне твое личико не нравится.

--А я не поблядушка блондинистая с локонами, чтобы всем нравиться. Каждому свое. У каждого свой вкус на личики—то. Вам—то, я вижу, бородатенькие все больше по вкусу. Я стучать я на вас не намерен, здесь и без меня сукачей стукачей хватит. Вы бы поостереглись, гражданин староста. Береженого и Бог бережет.

--Спасибо. Я атеист и с Богом связи не имею. И предупреждать меня не надо. Немцы народ не глупый и разбираются в людях. И старостой знали кого назначить.

Иосиф подошел к двери барака, заглянул в щель и задумчиво произнес:

Две бронемашины подъехали с солдатами. Машины чисто вымытые, как на парад и солдаты чистые, подтянутые...Что ни говори, а немецкая нация чистоту и порядок соблюдает неукоснительно. Это у них в крови от шведов и северных германцев. И они все же очень сильны и преданы своему вождю. Много он для них сделал. За десяток лет поднял страну, дал всем работу. Военные заводы загрузил и завоевал почти всю Европу. Мне кажется, что бороться с ними бесполезно. Бессмысленно. Такая мощь. Такая железная тактика. Такая машина. И я знаю, в чем их сила. Она в отсутствии у их вождей и всей нации в целом нравственных барьеров. Фюрер все грехи за убийства взял на себя:-- а ты , солдат свободен от совести и жалости и можешь во имя Рейха делать все. Убивать, насиловать, грабить, глумиться над религией и святынями! Ты свободен и всегда прав. Если мать и отец могут просить Гитлера убить своего больного ребенка....Своего! Вы что—нибудь понимаете?! Сво-е-го! Тогда какие могут быть нравственные барьеры у нации в целом ? Ну, а если не жаль своего, то, что говорить о чужих жизнях! Что!?! Непостижимо!?

--Есть одна надежда —Бог! Всевышний не сможет смотреть на это варварство бесконечно долго! В нем должен проснуться справедливый гнев! И он воздаст всем по заслугам.

Трусин прикрыл Лукича вытертым до дыр крохотным одеялом, подошел к говорящему о милости божьей и громко ответил.

--Господь будет долго терпеть и прощать немецкую нацию и ее вождя, Адольфа Гитлера, запомните это. И если он это терпит, значит ему это по душе. Запомните Господу богу все деяния Германии и лично ее фюрера-- по душе.

--Вы что герр староста, действительно искренне верите в это?

--Конечно, иначе бы я не был старостой. И вам я рекомендую пересмотреть ваши убеждения, если они другие. Я сейчас прочту вам одну мерзкую листовку. Я не знаю кто ее написал, но хочу, чтобы вы задумывались о ее содержании, и единодушно вынесли свой гневный, но справедливый приговор автору:

Бога здесь нет, друзья! Он остался за воротами лагеря. Он отказался следовать за нами, несчастными, которые так нуждается в его помощи. Здесь надо бороться с самим собой! Но нельзя сдаваться. Надо бороться с собственным малодушием и страхом, с тоской по дому. Нельзя скучать по дому, надо думать о дне возвращения домой. Надо всеми силами приближать этот день. Нельзя сдаваться! Нельзя бесконечно думать о тяжести плена и продолжения войны—надо думать о победе. Надо верить в это! Верить, что мы победим и вернемся домой обязательно. Только не думать о том, когда это будет точно. Я знал людей т, которые говорили себе: «На пасху мы вернемся точно!» И когда приходила эта долгожданная пасха, они сдавались и умирали. Нужно бороться, чтобы остаться человеком.»

Трусин остановился, чтобы отдышаться и выпить глоток воды из котелка. Заключенный из дальнего конца барака громко свистнул и задал старосте вопрос:

-- Бесполезно здесь выживать. Это все одно не жизнь, а каторга. Я не знаю ,какой дурак нацарапал эту листовку! Не знаю. Но то ,что он дурак --это точно. Даже если я и выживу, я все равно не совершу никакого героического поступка! И не совершу его никогда! Потому ,то я ни какой—то там герой , а обыкновенный маленький плюгавый человечек. Мне и мать моя всю жизнь с малолетства это талдычила, да и женка тоже. Да и почти все остальные тут в бараке такие же. Только некоторые выеживаются, как, например этот который состряпал эту листовку. К примеру, Митяй, может быть, конечно, и он тоже герой, кверху дырой.

--Ты заткнулся бы, сопля! А то не долго и дыру мою твоей башкой заткнуть!

--Оставить базар! Читаю дальше эту мерзость, может быть кое кому она вправит мозги: « Выжить здесь, оставшись человеком, не просто, Главное --это не утратить способность мыслить Они хотят сделать из нас мертвецов, и многие поддаются им и умирают. Выжить, и стать живым свидетелем этих зверств, это уже величайший подвиг! Это твой долг! И поэтому надо смотреть на наших погибших товарищей не отворачиваться и думать: Я должен выжить и жизнь будет прекрасной! Ибо кто испытал рабство, способен как никто оценить свободу. Кто столкнулся с варварством— познает сущность человечности! Кто ощутит в себе глубочайшую ненависть, тот возьмет на себя миссию добродетели! А теперь встать в строй! Равняйся! Смирно! Кто написал эту провокационную гадость— шаг вперед!

Трусин начал медленно обходить строй тыча пальцем в грудь каждого:

--Ты?

--Нет!

--Ты?

--Нет!

--Запримните! Забейте себе все в ваши протухшие от страха мозги! Все, что написано каким –то подлецом в этой грязной бумаге, напыщенная поза гордеца и ложь! Труссы! Малодушные сволочи! Вот, что сделал из вас бесчеловечный советский режим! Но мудрость, доброе сердце и железная воля фюрера, вернет вам человеческий дух и заставит понять всю правоту, всю нерастраченную силу, нравственные устои германского народа, несущего просвещение, мудрость и надежду на сладкую жизнь в послевоенной фашистской Германии! Хайль, Гитлер! 36-ой! Выйти из строя!

Из под полатей Митяя с трудом на четвереньках едва выполз тщедушный юноша. В грязной рубашке без шинели, на которой он спал под лавкой. Пустые, почти безжизненные глаза тупо уперлись в затоптанный, заплеванный пол. Его пошатывало и казалось, что он слабо соображает, кто он, и зачем его староста выволок в проход барака.

Смотрите на него! Вот, кто настоящий поэт! Вот кто после победы славной германии прославит русскую поэзию двадцатого века! Слушайте ублюдки и вдохновляйтесь победной гармонией великого поэтического дара этого юноши. Читай, только с выражением:

Юноша попытался принять позу великого пиита, таким он очевидно себя представлял, но качнулся и трудом сев на ближайшую полку загнусавил:

--Повесили мысли мои,

Утопили мой вздох,

Залили гноем глазницы,

Расстреляли мое беспокойство.

И вот задумчивый, словно серый закат,

Я смотрю сквозь кровавые стекла окна,

И сквозь залепленные веки мои, что дрожат как роса,

Меня преследуют, словно богатство, сокрытое в трюме.

И псы мою тень разрывают.

Гвоздями прибили к дверям мою кожу,

Камнями мои позвонки раздробили.

--Хватит! В строй! Вот так должен мыслить каждый из вас! Это посильнее еврейского Блока и маразматика черножопого --Пушкина с его похабщиной !Вот как должен мыслить каждый из вас, если хочет дожить до нашей славной германской победы! Ты согласен со мной Иосиф?

--Как прикажете, герр староста. У нас в Одессе на привозе так говорят : «Хороша кобыла, да с ослом заблудила». Вон нашего мальчика, вашего Христа к кресту гвоздями уж как накрепко приторочили, а он таки возьми да и воскресни.... Чего только на этом свете не бывает

--Глупости то не носи! Так и только так, выживать до конца войны надо, а не так как написано каким—то продажным ублюдком в этой листовке. Вам понятно, уроды? Я еще вчера хотел сдать дежурному офицеру этого писаку. Он ночью приклеил соплями к двери эдакое патриотическое дерьмо. На его счастье, исправился.

Трусин вынул из кармана помятую бумажку и отдав ее парню велел прочесть , да погромче..Парень испугано прижался к столбу полатей и начал мямлить, как и прошлое:

--Вы палачей своих сильней товарищи..

--Пусть враг старается разить сильней

--Ему не заглушить никак

--Шаг Красной Армии—самой свободы в вас!

Трусин выдернул у него листок и, крепко выругавшись начал с выражением читать сам:

--Но, ни железо, ни петля, ни обух, ни кулак,

--Ни истязующий огонь, ни гнусного застенка мрак

--Вам, несгибаемым, вам, верным, не указ.

--За Родину—хрипите вы—и в прахе кат и враг.

--Сочится ваша кровь из ран—из алых нитей ткется флаг,

--Который возвестит свободу—близок час.....

Трусин, вдруг уронил листок и упал, как подкошенный на пол барака.

--Опять у него, сучары, падучая. Хоть не успел испортить впечатления, от последних стихков... сволочь фашистская.

Митяй наклонился над старостой и плюнул ему в лицо. И вдруг с нар поднялся Лукич, встал на колени перед Трусиным, тщательно вытер рукавом грязного ватника плевки Митяя с лица и громко сказал:

--Николай Степанович, Николай Степанович, да что же ты так...елкин корень.

Опершись на стойку нар, он поднялся и плюнул в сторону Митяя.

Сам ты говно, елкин корень. Сам говно...сам говно...сам говно....

.....Х.....

Последние видения произвели на Лукича сильное впечатление. Так, значит, вот как оно на самом — то деле было.....Вот почему Трусин в старостой барака —то заделался.... Выходит из—за него, за Лукича столько ненависти барачной хлебнул. Ну, и дела, елкин корень....Получается, что я жив, здоров, жирую с его любимой женщиной. Детей и внуков с ней наплодил. А Николай Степанович лагерную баланду, да унижения от вертухаев из—за меня десять лет хлебал. Да, что там десять лет, почитай всю свою жисть из—за меня, дурака контуженного, на помойку выкинул. До сего дня каждый праздник победы для него презрением боевых товарищей оборачивается. А я , безмозглый инвалид с берданкой через плечо его еще перед Валюхой предателем обзываю. Господи вот грех—то, вот стыдуха —то какая! Это же всего остатка моей пустой жизни теперь не хватит, чтобы у него, да Спасителя прощения не вымолить! Господи! За что же ты так нас обоих так безвинно покарал?! Меня гнилой совестью, а его , считай, всю жизнью! Такой умница! Такой мозг и золотые руки, и вместо того, чтобы детишкам свой опыт передавать, учить их правильной жизни, он в чужом говне полощется! Трусин, Николай Степанович, --слесарь—водопроводчик! Это же подумать только! Надо взять с собой лейтенанта и Валентину и к нему с покаянием поехать! Обязательно надо! Можно сказать,—необходимо! На бензоколонке, что по пути домой заправился, и рядом в сельмаге прикупил хлеба, помидорчиков и огурцов. Хотел было взять бутылек, но побоялся паленки. Все же, как ни говори, сельпо-- оно и есть сельпо. Нынче бандитская, можно сказать ,вотчина. В него мордастое жулье бизнесменское , мать их в кашель, елкин корень, ворованную, да в грязных подвалах сляпанную продукцию бывшему колхозному трудовому народу, а нынче, после перестройки, свободным от работы алканавтам по дешевке сплавляют. Другое дело честный самогон. Не всякий, конечно, но скажем, очень пользителен соседский, Васьки Безбашенного, которого мы знаем уже лет сорок и из них добрых двадцать пять, с удовольствием потребляем евонную замечательную продукцию. Слеза, да и только! Человек, он в каждой профессии должен быть специалистом. В каждой! А уж в медицине и самогонварении особливо. Как в Библии написано: не навреди! Как и в медицине!А уж Библия это святая книга. Валентины дома не оказалось, у каждой женщины в свое время свои дела. Так, что и придумывать ничего не надо было. Но на всякий случай, как Вовка любит говорить —для отмазки, собрал немудреный стол. Поставил на плиту картошечку в мундирах. Нарезал огородные витамины. Достал банку маринованного перца с чесноком, мелким луком сеянцем, цветной капустой и свеколкой крупно резанной, эта ингредиентена присутствует в маринованном овощном банковском обществе более для цвета, чем для вкуса, но общий коленкор, как говорится, облагораживает. Собрался совсем уж было, графинчик с Васькиной слезой в серединку стола поставить, для интерьеру, как по телеку любят говорить, но подумав, решил, что это может быть лишним, Валентина может не одобрить. Все, как ни говори,—баба —есть женщина.... Могут начаться ненужные с вопросы с ейной стороны. А кому это нужно, особливо сейчас, когда прибыл ни весть откуда, да еще и без грибов вообще. Корзинку —то не захватил с собой в утренней поспешности. Пока поляну на столе накрывал, да придумывал, куда это он с раннего утра из дому смотался-- Валентина и заявила, не запылилась. Радостная из себя вся, аж светится на большом расстоянии. Оказывается, в парикмахерской с утречка сидела. Маникюр, шманикюр, стрижка, подкраска, да укладка, как у Пугачихи в этом фильме,....ну про женщину, которая поет....Это она, наверняка, к завтрашнему приходу командира намарафетилась. Тот, уходя обещался завтра не надолго забежать, про войну хотел еще что—то интересное рассказать. А уж для бесед за нее, родимую, в этом—то доме завсегда свободное времечко отыщется. Она все порушила ,и все потом собрала. Не будь той проклятой войны, не было бы и ихней с Валюшей семьи. Не успели и двух словечек между собой проговорить, как тут и гость дорогой объявился, елкин корень.

Валюша у зеркала кудряшками потрянула и тут же сама Васькино произведение на стол выставила. Лукичу осталось только рюмки выставить и квашеной капусты из холодильника достать. Добавили крупно нарезанной докторской, хотя, конечно, не той довоенной, и тем паче эстонской, а нынешней из туалетной бумаги и сои подкрашенной, горчичку для отбития нового вкуса открыли баночку и, после первой, пошел неторопливый разговор. Сначала про Троцкого, которого усатый конопатый шибко не любил. Боялся, что тот власть у него отымет. Узурпирует, как определил это действие командир. Тут Валентина задала конкретный вопрос:-- мол при этом шустром и разговорчивом еврейчике жизнь в стране получше бы была, чем при Еске, или как? Иосиф, между прочим, тоже не больно уж русское имечко было. Но командир правильно ответил. Все библейские имена в во всех христианских странах от евреев произошли! Вот такой коленкор, оказывается. А грузины –те тоже православные. А про Троцкого ничего хорошего не сказал. Он оказывается, тот еще самовлюбленный мерзавец и убивец был, и гонору у него не меньше чем у конопатого было, если и не поболее...Так что и выгнали его из России во время, и по башке ледорубом наш испанский герой, кстати, тоже, вроде бы, еврейской нации не зря ему врезал! Вообще, в разговоре этом много об еврейской нации сказано было, И не зря, как оказалось! Лукича давно мучил вопрос, который он хотел задать командиру. Как –то за домино во дворе, зашел разговор об этой нации. Ну, конечно, все началось с анекдотов, в которых, как тут и положено, еврей всегда оказывался самым хитрым и облапошивал представителей других национальностей—французов там, русских и всяких диких аборигенов. Особенно Лукичу понравился анекдотец про Бабий Яр. Это такое место на Украине, где фашисты почти всех киевских евреев расстреляли и зарыли в овраге. Рассказал его тот же Васька самогонщик, у него, особенно под пару другую рюмочек собственного продукта. Ну, поржали, конечно, и пошел тут разговор, что евреи во время войны все больше в тылу окопались, а на передовую и носа не высывывали. Особливо разорялся на эту тему тот же Васька. Из доминошников никто в отечественную не воевал. Одному ногу поездом еще в тридцать девятом отхватило по дурости. Поддатый переезд перебежал, да не успел. Под этим делом и у мужиков реакция не та. Витька туберкулезник– тот мал еще был в сорок первом. Ваську— заводиле спора, маманя любовница какого—то большого партийного шишки, бронь по какой—то грудной болезни заделала. Так он всю войну в Ташкенте на базаре в подсобниках у старого узбека и проконтовался. Там и самогон гнать научился. Раненым солдатам и эвакуированным фруктовый первач толкали из под полы. Хорошую школу, видать, прошел. Ну, а Лукич, тот, вообще, не в счет с его-- то контуженой памятью. Правда на складе, где служил евреев было достаточно и со всеми он дружил. Хорошие все были люди, сказать нечего, и если у него возникала какая—нибудь проблема, всегда приходили на помощь. Командир молча выслушал вопрос. Достал свою полевую сумку --энциклопедию, достал из нее листочек, и надев очки начал:

--После войны я много лет работал военным кадровым лектором, и был допущен к секретным архивным данным. Мне достаточно часто приходилось отвечать на этот вопрос, особенно в пятидесятые годы, когда Сталин собрался выселить всех евреев в Биробиджан, а часть и Сибирь, развязав безобразную кампанию по преследованию, так называемых, «безродных космополитов». Ввиду неустроенности быта и тяжелых климатических условий огромное количество этих несчастных, ни в чем перед страной не виновных людей, наверняка бы, погибли. Я несколько лет с большими трудностями собирал те архивные данные, некоторые цифры, из которых, я вам сейчас доложу. И можете мне верить, что в них нет ни грамма лжи:

В годы Второй мировой войны в рядах антигитлеровской коалиции сражались 1,685 млн еврейских воинов. В рядах Красной армии воевало 500 тысяч евреев, более 200 тысяч из них

погибли в боях. В командовании Красной армии евреями были: 92 общевойсковых генерала, 26 генералов авиации, 33 генерала артиллерии, 24 генерала танковых войск, 34 генерала инженерно-технической службы, 6 генералов юстиции, 6 адмиралов—инженеров. Из них 38 генералов погибло. Звание Героев Советского Союза было присвоено 157 воинам—евреям. По числу Героев на 100 тысяч населения, евреев опередили только русские. Не исключено, что эти цифры были бы значительно выше, если бы присвоение этого звания не сопровождалось различными дискриминационными ограничениями антисемитского толка. Подвиг Александра Матросова повторили 4 еврея. 14 летчиков повторили подвиг Гастелло, направив свой подбитый самолет на скопление вражеских войск. 13 летчиков совершили воздушный таран. Руководителями евреями были так же создатели военной техники, директора самых значимых военных заводов.

А вот еще один симпатичный документик. Он не касается нашей войны, но любопытен по сути своей, если же мы уже заговорили о еврейской нации. Антисемиты будут в восторге, если не помрут от злости. Я перекопал чертову кучу интереснейших архивных документов и оказалось, что царица наша российская, жена Петра Первого, Екатерина Первая, любимица русского народа, --была прибалтийская еврейка, причем, чистокровная. Как следует из энциклопедий и монографий, первое ее настоящее имя до принятия Православия было Марта Самуиловна Скавронская. Много ли вы братцы мои знаете литовцев, эстонцев и белорусов, имя, которого Самуил. Зато Самуилами очень часто называли евреев. Марта в еврейском оригинале это Марфа. А в Евангелиях, если помните, в доме еврейских сестер Марфы и Марии останавливался Христос. Ну, а переименовали ее в Екатерину еще и потому, что императрица Марфа Самуиловна Романова в самом деле звучало бы раздражающе для русского уха! Замена отчества императрицы на Алексеевну, было весомым нарушением всех русских традиций. И не какое—то там маленькое нарушение, которое исправляется покаянием, и за которое налагается епитимья—это нарушение одного из Основопологающих Принципов Церкви! Перед коронацией повелением Императора для изучения её происхождения была создана специальная высокая комиссия во главе с графом Репниным. Однако, несмотря на все продолжительные «усилия», не удалось установить не только кто её родители, но даже из какой страны царица родом! У нее словно память отшибло... Такая вот амнезия у всем прочем абсолютно здоровой женщины. Так что, спец комиссию создали не для того, чтобы что—то выяснить, а скорее для того, чтобы все и без того известное скрыть. Марфа Скавронская выросла в доме пастора Глюка, из которого ее и взял к себе сначала муж, потом Шереметьев. Затем ее взял к себе любовницей сам Меншиков, у которого её узрел и отобрал Петр. Любопытно, что были разысканы родственники Марфы-- Карл и Фридрих. Их обласкали, дали графские титулы и дворцы, а после « представления » быстренько выдворили из столицы куда—то очень далеко, чтобы не светились. А то, как сказал Репнин « зело сильно врут графья ». На самом деле комиссия многое прознала: и то что сестры Екатерины были замужем за членами еврейской семьи Веселовых (от города Веселов, где в то время была большая еврейская община). И кто был её матерью и кто отцом. И то, что над еврейскими родственниками Екатерины втайне от Государя хихикал весь Петербург. Петру было глубоко наплевать на слухи, ему были важны только профессиональные качества, и он как—то сказал: « Неча мне краснеть за шурина коего я признаю, и если в нем окажется прок, сделаю из него человека ». Первый ее муж, драгун Иоганн Крузе, за которого её выдал пастор в 17 лет, после первой брачной ночи ушел со своим полком на войну с русскими и погиб. Девушка была не только очаровательна и очень сексапильна, но и обладала даром целительства и во время эпилептических припадков царя могла его успокоить прикосновением—редчайший дар. Своего любимого Петеньку никогда не покидала. Скакала

рядом с ним на коне, грелась у костра и жила в походных палатках, став походно полевой женой и солдатской любимицей. После смерти мужа была избрана императрицей, как самая верная Петрову Делу спутница и соратница.

---Тимофеевич, так скажи почему эту необыкновенную женщину, любимицу народа, солдат и гвардии не жалует наша история?

--Как, за что, Лукич? Видать, за еврейское происхождение, а за что же ещё?!

--Мать моя женщина, елкин корень!....Такую красавицу замордовали, историки вшивые...

--А у меня и портрет ее есть, ты погляди внимательней. Ты когда –нибудь эстонец и белорусок с такими формами видел? С такими пышными грудями? А глаза, а губы? С таким носом? Все рисовавшие царицу художники стремились как можно больше спрямить ей этот типично еврейский нос. Валюша? На какую артистку кино она похожа?

--На Быстрицкую. Ну, просто копия!

--Это верно, на Элину Авраамовну Быстрицкую. Её лицо оказалось самым русским из русских, потому, что режиссер Герасимов именно ее, красавицу из красавиц кино и театра, выбрал, чтобы создала образ Аксиньи в экранизации « Тихого Дона». Самую русскую из всех героинь Лауреата Нобелевской Премии махрового антисемита Михаила Шолохова. Самую русскую из всех героинь, воплощение идеала казачки, сыграла чистокровная еврейка, и в этот образ влюблялся весь Советский Союз, так же, как в чарующую красавицу –государыню Марфу влюбился Великий Петр! Резюмирую сказанное: Первая русская императрица Екатерина Первая была еврейка. Императрица Елизавета, дочь Петра Первого Романова и Марфы Самуиловны Скавронской, полуеврейка. В Павле, правнучке Петра Первого, и « Екатерины» Самуиловны, по одной восьмой, а немецкой 3\4 . Во внуке Павла-- Александре Втором 1\32 русской и столько же еврейской. Во внуке Александра второго 1\128 русской и столько же еврейской. Далее: Поскольку все жены августейших потомков Петра Великого были немками, русских и еврейских генов у императоров Государства Российского: Елизаветы, Павла, Первого и Второго Николаев, и Александров Первого , Второго и Третьего было поровну. Думаю, что это обстоятельство заставит погрузится в некую меланхолическую задумчивость таких любителей этой нации, как господин Проханов, Глазунов, Бортко и многих других. Кстати, в дедушке Ленине тоже четвертинка этой кровушки протекала по склеротическим сосудам пораженного сифилисом головного мозга. Такие вот дела в нашей державе, Лукич, а ты своё –елкин корень.

--Егор Тимофеевич, так это как, хорошая эта кровь или плохая?

--У всех народов на этом свете кровь одинаковая и различается только по группам. Сегодня известно, что человеку можно добавлять в кровь даже кровь некоторых животных и, более того, вода мирового океана имеет тот же состав микроэлементов, что кровь человека и животных и, если её очистить от бактерий годится для капельниц. А еврейская кровь, даже если бы и отличалась от крови других национальностей, то только в лучшую сторону. Не забывай, что сын Божий, Иисус был евреем, а это значит, что и сам Господь тоже имеет такую же кровь, как и его сын, мессия.

Лукич разлил по —хозяйски самогон по рюмкам и не чокаясь, со значением опорожнив ее без закуски, поставил на стол.

--У нас в лагерном бараке тоже был один еврей, Еской звали, Иосифом, как Сталина, тоже очень толковый и смелый был товарищ. Уж на что там один здоровенный блатяра ему угрожал, так он его не только не испугался, но еще и на весь барак осрамил.

--Это ты откуда —то знаешь про это, муженек? Кто про это тебе такое рассказал?

Валентина удивленно и очень подозрительно подняла брови.

--Да сам не знаю откуда.... Черт его знает. Скорее всего, это мне во сне память подсказала... Так, шалит, чертовка, иногда...Елкин корень.

--Да.... Странная у тебя объявилась чертовка, раньше такого я у тебя не замечала. Может, еще что —нибудь интересное вспомнишь? Так не стесняйся, расскажи. Нам это тоже очень даже интересно будет.

--Скажите, командир, вот смотрю я телек, правительство вроде бы работает у нас хорошо, и живет не плохо. А народ, в общем—то, живет плохо. Особливо в глубинке, да пенсионеры? С чего бы это?

--Ты сам и ответил, Лукич, народ живет плохо потому, что не работает в этом самом правительстве.

--Да и еще, наверное ,оттого, что дураков в стране слишком много . Да и дороги никуда!

--Беда России, Лукич, не в дорогах и не в дураках, беда в дураках, указывающих дорогу. Россия нынешняя производит впечатление Великой Державы, но, к сожалению, кроме впечатления больше ничего она и не производит.

Так у нас же теперь демократия в стране стала! Значит дело пойдет!

--Вот тут ты на сто процентов прав. Был такой великий промышленник-- Альфред Нобель, слышал про такого?

--А то! Он же динамит придумал, паразит. Сколько кровопивец народу в землю уложил.

--Дело не в нем, Лукич. Он только открытие, как великий ученый сделал, а уже в землю людей убитых его динамитом закапывали другие. Так вот, он еще в начале века сказал замечательную фразу:

«Любая демократия приводит к диктатуре подонков». Уже только за эту прозорливость он достоин своей знаменитой премии. Ты обратил внимание, что на новом Российском Гербе две орлиные головы?

--Ну? А сколько надо?

--Ну, уж хотя бы три?

--Это почему?

--А потому, что одна его голова на Запад смотрит, другая на Восток, а своей—то, увы, и нету....Ну, да Бог даст--будет...На сегодня информации было довольно. Да и тебе Лукич в ночь на дежурство, тебе бы чуток поспать не помешает.

--Поспать я и на работе могу. У меня в каптерке все для этого оборудовано. И лежак есть, и телевизор всю ночь шуршит себе потихонечку. Когда кино веселое или военное дают—гляжу, пока глаза совсем не слипнуться, елкин корень. А когда про наше замечательное правительство с его неустанной заботой о трудовом народе, или какой секс там—это не смотрю, больно противно и то и это.

--Ну, а если воры ночью наведаются? Бывает такое?

--А, почему бы, и нет, бывает всякое. Но у меня сигнальная система для этого существует,—две дворняжки. Они такой трезвон устроят, что там твоя сирена! Ну, я тут, конечно, дверку на засов и берданку на изготовку. И глядишь, опять тишина. У меня на складе бревна, кругляк по шесть метров длины и в обхват пол метра в диаметре. Кто их утащит—то? Моя работа для хорошего полезного пенсионного сна-- очень даже приспособлена. Почитай, дом отдыха для тех кому за семьдесят. Коли не выгонят с этой благодати для какого—нибудь бластного от начальства, так я еще лет до девяносто на ней по отдыхаю. Вы бы чуток нам про вождей прошлых рассказали, про Ильича, да Виссарионовича...

--Ох, Лукич, о них уже столько и баек и правды описано, да говорено, что я вряд ли могу что —нибудь новое добавить. В библиотеках сотни, а то и тысячи биографических книг авторов самого разного толка. От честных, которых абсолютное меньшинство, до профессиональных графоманов --жополизов, которых и не счесть.

--А если, к примеру, взять того же Ильича—его же не зря до сих пор в мавзолее держат в стеклянном гробу. Вон и Сталина от него отделили да закопали, чтобы песню, как говориться не портил! Ведь если бы он так рано не помер, может быть, все бы по-- другому и сложилось, так ведь?

--На счет --«по --другому»,--то это вряд ли, ...хотя..... Недаром лозунг коммунистов : « Ленин --это Сталин сегодня!»-- продержался пол сотни лет. Оба негодяя и патологических палача действительно одной прочной веревочкой были связаны. Оба, как сумасшедшие жаждали неограниченной власти. Они были на ней помешаны! Как ты, очевидно, слышал Ленин о революции в своей заграничной синекуре и не помышлял. Думаю, что он хорошо знал, что революции называются Великими в зависимости от количества пострадавших. Зачем ему было это дело влазить? Этот узкоглазый, картавый, лысый убийца прекрасно жил на партийные деньги из России занимаясь политической болтовней. Более того, он, вообще, был уверен и утверждал, что в ближайшие десятилетия революции в России быть не может. Вляпался он в нее почти случайно. Соблазнился немецкими деньгами и авантюрой. Мужичек он был очень не глупый. Прекрасно знал историю и понимал, что все предыдущие мировые тираны добывали свои троны двумя простейшими способами: вначале враньем и заманчивыми обещаниями счастливой жизни для народа, а затем жесточайшим, звериным диктатом. Вспомни насквозь лживые лозунги Ильича: «Вся власть советам рабочих депутатов, земля крестьянам». «Грабь—награбленное». Для серого полунищего российского быдла это был сладкий приказ к счастью! Дальше ты знаешь что было. А когда все возвернулось обратно ,надо было уничтожить тех, кто мог помешать начать диктаторский террор, то есть-- думающую интеллигенцию, веру в монархию и церковное влияние

на массы. Еще был прекрасно обкатанный Иваном Грозным вариант—опричина! Вначале набрали фанатичных безграмотных зверей в ЧК, снабдив их подходящими лозунгами (кстати, потом их начали постепенно ликвидировать и заменять на еще, более отвратительных тварей:-- НКВД, МВД, КГБ.....). Руками этой своры была выгнан из страны и выбит лучший генофонд России, --вся, предварительно полностью ограбленная, интеллигенция. Он сам того не подозревая, создал чисто уголовную государственную систему. Огромный лагерь с блатными надзирателями, которых в основном выбирали из подонков. В Магадане четыре миллиона зеков ежедневно выходили на работу в рудники. В Норильске два мощных паровых экскаватора ежедневно рыли погребальные траншеи. Зимой в сорокаградусные морозы при диком ветре почти нулевой влажности воздуха, зек в ватнике из однослойного ватина, ушанке из искусственного меха и в холщовых рукавицах, в среднем жил сорок минут, потом замерзал. В этих траншеях похоронено более двух миллионов заключенных. Я сам туда ездил. Кстати эти ржавые паровые гребкопатели стоят там вместо крестов и до ныне. Памятники палачам. Одновременно Ильич быстренько расправился с церковью. Он был гениальной сволочью и врожденным палачом! И как многие убийцы и палачи – «милым человеком, доброй души». Такие уроды, а иного слова для них просто нет, баловали детей, кошек и собачек, разводили розы, на скрипочках пикикали, Аппассионату, слушали, вытирая платочком слезы умиления.....и рушили храмы, раскалывали вековые колокола, вешали на столбах и внутри церквей священников, грабили огромные, веками собранные, столетиями намоленные иконы, священные церковные богатства. Вот общеизвестная фраза из письма Ленина членам Политбюро: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и потому должны) произвести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять. Тем лучше!» Учитывая, что далее одним из самых популярных и нерушимых лозунгов коммунистов, как я уже говорил, был: «Сталин, это Ленин сегодня!», понятно каковы же были наши « Великие вожди» и наше прекрасное будущее! Китайцы говорили: – «великий человек – несчастье для нации» и, выходит, были правы. Германия не должна была финансировать и внедрять в Россию Ленина, чтобы организовать там революцию и вывести эту страну из войны. Возвратившегося в апреле 1917 года из Цюриха в Россию в немецком вагоне Ленина, Уинстон Черчилль назвал « вирусом», внесенным немецким Генеральным штабом, чтобы поразить Россию и вывести из войны. Эрих Людендорф помощник Верховного главнокомандующего Германии фельдмаршала Гинденбурга, один из руководителей гитлеровского путча в Баварии в ноябре 1923 года, писал в своих «Воспоминаниях о войне 1914—1918 годов»: «Наше правительство, посылая в Россию Ленина приняло на себя тем самым огромную ответственность. Это путешествие Ленина оправдывалось с военной точки зрения: нужно было чтобы Россия была повержена» Через 11 месяцев после приезда этот предатель России, а по другому его просто нельзя назвать, отработал полученные немецкие деньги и «доверие» своих хозяев –Генерального штаба. Он добился заключения преступного мира в Брест—Литовске между Германией и Россией. Возможно, если бы ни его приезд, Февральская революция не переросла бы в большевистскую. Германия не дошла бы до полного истощения, до ужасного разорения и до страшного унижения Версальским договором после позорного тотального поражения в войне. Гитлер, «сидевший на пустом желудке Германии», как сказал Эйнштейн не пришел бы к власти. Катастрофа европейских евреев не произошла бы. История могла бы пойти другим путем, ибо продолжения этой коммунистической вакханалии со следующим зверским диктатором Сталиным тогда бы не случилось. А о

чудовищном по своей жестокости расстреле царской семьи я уже и не говорю...И в этой новой системе бывший бандит Сосо точно в цвет пришелся. Он был воплощением посредственности, но ведь любой восточный убийца такой же. Честным трудом он занимался всего шесть месяцев за всю свою жизнь, когда наблюдателем работал на метеостанции в Тифлисе, температуру воздуха и влажность записывал. Все остальное время он был чистым бандитом и убийцей, и вот в этом он был действительно талантлив.

---Егор Тимофеевич, но его же весь народ любил! Весь! И в городах и в деревнях и селах. Когда я узнала, что он помер,---чуть было с окна не выбросилась. Выла неделю, как сучка в течке.

--Народ у нас, Валюша такой. Ему обязательно надо кого --нибудь любить. Был Господь, --любили и молились на Бога. Не стало его, заменили его Сталиным, --начали любить конопатого. А воспоминаниям не верь. Во--первых любили его далеко не все. Моя бабка, простая серая горожанка --швея с фабрики, пришла домой с бутылкой шампанского. Собрала нас всех, и разлив его по стаканам подняла свой и сказала: «все, дети мои , рябой пес сдох! За это и выпьем!». Ну, а зеки --те конечно ликовали: --«Отец дуба врезал», «Ус, бля, копыта откинул!». А воспоминаниям не верьте: это у всех гипноз от его власти был. Не от личности, а от власти! Скажем, улыбнется вам сосед--вы подумаете: симпатичный человек, а улыбнется владыка, тут вы скажете:-- « ах, какое мистическое обаяние». Обычный человек, что --нибудь умное сказал:-- «какая умница», а если то же самое изрек владыка-- «ах, гений, корифей мысли!» Собственных идей, кроме задумок палача, у него отродясь не было, крал он их у своих соратников,--своя была только бесконечная жестокость и гордыня безмерная. Хотя в свой гений он верил, да еще как! А машину для убийств он готовенькую получил, от учителя упыря лысого принял, только обкатать --то ее и надо было. Так что, не от воли его могучей или сил исполинских шел по коже холодок с мурашками у всех, кто вспоминал, а от всевластия и от готовности раздавить. Он был гений посредственности! Отсюда и убийца необузданный! Великое ничтожество! И самое страшное было то, что при нем не просто цвет России ушел, а еще и семья лучшее, вот о чем подумайте мои саратнички на досуге.

--А это правда, что из камней порушенного Храма Христа Спасителя был выстроен дом для правительства, --тирлич опричников, --на набережной Москва--реки. Дом, из которого их позже Сталин вывозил в лагеря и подвалы для расстрела и вселял новых до следующих чисток.

--Святая правда, Лукич. Надо сказать, что у палачей есть одно общее замечательное свойство-- они как правило обладают удивительной потерей памяти, когда надо вспомнить о совершенных преступлениях. Им не снятся жертвы. Они вспоминают только, что время было жестокое , да, но справедливое, и жили они в точности, как все, и это примиряет память с совестью стремительно и прочно! Доктор Менгеле, фантастически жестокий палач, экспериментатор на заключенных концлагеря Освенцим, после войны совершенно искренне считал себя мягким, добрым и отзывчивым человеком и великим ученым --экспериментатором. Ученым, которому мир обязан массе замечательных открытий ! А тысячи замученных им в страшных пытках заключенных--- это не более чем необходимый для опытов подручный материал, такой же, как крысы или лягушки и не более того.

--Егор Тимофеевич, а этого гада после войны хотя бы повесили?

--Нет, Валечка, он во время смылся и подох совсем недавно, где--то в Бразилии. Более того, он написал пространные мемуары, издание которых принесло ему неплохие дивиденды. Все ужасы

своих «опытов» он внезапно забыл, бедняга. Как после твоей контузии, Лукич. Плохая память— лучшее лекарство от уколов совести едкого стыда за изобилие сделанных тобой мерзостей. Этот «ангел смерти» все свои последние годы с раздражением и злобой осуждал современную расслабленную бездуховность общества. Вообще, перебирать былое— сплошное удовольствие. Там настолько все красиво, прибрано чисто аккуратно, словно в захолустную деревню ожидается приезд большого начальства. Скорее всего так мошенничает наша память, готовясь к страшному суду. Вот она и подчищает наши биографии. Лишь от нашего воображения теперь зависит яркость нашего былого и минувшего. А чем сильнее увяла память, тем оно становится прекрасней и значительней. Я почему—то вспомнил о моей встрече с незаурядно крупном убийце Сталинских времен—генерале Судоплатове. Существует книга его сына о незаурядных подвигах его КГБешного папаши. Старик расчувствовался и долго красочно рассказывал мне о своей прекрасной и, столь полезной для страны, молодости разведчика. Он работал палачом на Украине, где вместе с Никитой Хрущевым искоренял антисоветскую крамолу. И внезапно припомнил эпизод о появившихся листовках, написанных явно детским почерком. Нашли этого пацаненка достаточно быстро, опыт в этом деле у чекистов был большой, а за ним и взрослых, под влиянием которых он пошел на это преступление, считая что это его подвиг. Конечно, этих вдохновителей немедленно пустили в расход, а мальчонку решили пощадить, плетью хорошенько до кровей отстегали и в колонию к педикам-- блатным зекам, петушком определили. И убийца профессионал, пожевав беззубым ртом растроганно сказал:-« Да, как не говори, но много было гуманного, много».

--Егор Тимофеевич, а после смерти жизнь заканчивается?

--Не знаю Валюша, как другие, но я уверен что умершие где—то существуют. Они лишены возможности вмешиваться в жизнь живых, но наблюдать ее могут наверняка. Наша память— источник их существования. Именно поэтому, мне кажется, люди так боятся одиночества—словно знают, что одиночество при жизни обрекает их на небытие после смерти. Не отсюда ли их жажда продлиться в детях и внуках.

Валентина собрала грязную посуду, и подняла было поднос, чтобы вынести его в кухню, но почему—то поставила его обратно на стол и тихо спросила:

--А вы и в школе увлекались историей и другими подобными науками? Поди, в отличниках ходили? А почему не пишете книги?

--Не буду врать, Валюша, хотя и охота, науками я не увлекался, больше футболом, потому, закончив школу и институт оказался, как и большинство моих коллег—друзей разносторонне и глубоко невежественной посредственностью. Однако, очевидно, в силу характера оказался личностью, хоть и не очень значительной, но любознательной. А любопытство к людям и к событиям было у меня очевидно с раннего детства острое, щенячье, бескорыстное. А возможно заложенный природой оптимизм был утешением природы за некоторую умственную недостаточность. Легкомыслие же, и тот же оптимизм и неподготовленность к такому роду занятий—составили во мне такой законченный букет качеств, сомнительных для настоящего, более менее настоящего литератора, что страх взяться за перо пересилил желание все же попробовать стать писателем.

--Скажи, командир, почему люди без конца воюют и с такой злостью убивают и калечат друг друга ни за что, иной раз,-- просто так. Ведь простые нормальные люди не хотят этой проклятой войны,

но их кто—то заставляет и они не идут, а бегом бегут совершать совершенно не нужные им убийства? Почему?

Командир почесал в затылке, задумался. Вынул из полевой сумки свою толстую тетрадь, полистал ее и положил обратно в сумку.

--Валентина, у тебя в доме Достоевского случаем нет?

--Есть, Володька в школе его читать был должен, но и в руки не взял толком. Так полистал, полистал и бросил. Сказал: « лажа это все бабуля, скукота, муть собачья, и ты тоже не парься по напрасна, только время потеряешь, все это фуфло». Я, тоже на сон грядущий как —то попробовала —не пошло.... Заснула сразу. Агата Кристи и Маринина мне, как—то поболее по вкусу пришлись. Как—то полегче они, попонятнее для моего ума.

--Ну, это кому как ... Внего вчитаться надо....«Преступление и наказание» ? Если найдешь, принеси.

Валентина вышла в комнату внука и принесла потрепанный и порядком засаленный томик из собрания сочинений.

--Вот, Федор Тимофеевич. Как раз это самое « Преступление» и оказалось.

Командир взял в книжку, заглянул в оглавление и удовлетворенно кивнул головой.

--Сейчас найдем. Как раз в этом томике и есть ответ на твой вопрос, Лукич. Слушай, может и Валентина не заснет:

« Появились какие—то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей.»

--Трихины —это что—то сродни микробам, что ли? Елкин корень?

--Не беги впереди паровоза. Слушай дальше:

Но эти существа были духи, одаренные умом и волей.

--Интересно, про таких микробов я вроде бы и не слышал, елкин корень. ...

-- Люди, принявшие их в себя, становились тотчас бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, как считали себя зараженные. Никогда не считали себя непоколебимее сих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Не знали как и кого судить, что считать злом, а что добром. Не знали кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой--то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии уже в походе начинали сами терзать себя. Ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кусались, ели друг друга. В городах целый день били в набат, созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Люди оставили самые обыкновенные ремесла, потому, что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться, остановилось земледелие....»

Командир захлопнул книгу и передал ее Лукичу.

--Ты в своей каптерке попробуй почитай ее. Многое тебе покажется непонятным, местами скучным, но ты все равно заставляй себя читать дальше. Книга эта очень умная и полезная и написана гением. Она, хочешь ты или нет, но обязательно обновит твои мозги, Лукич. Потому, что по ходу прочтения ее ты сам будешь вынужден задавать себе трудные жизненные вопросы, и тебе самому, вместе с этим замечательным философом и писателем придется ломать голову, как на них ответить, понял?

--А что тут непонятного, елкин корень. Читай себе и думай на здоровье. Валь, ты книжицу эту далеко не прячь. Положи ее в мою котомку с термосом да едой, чтобы не забыть ее взять с собой. Может я ее и осилю. Вон Митяй и тот осилил же книжку про какую—то «му-му». А я, что, дурнее его, что ли, елкин корень?

Это что еще у тебя за такой новый дружок появился. Что—то раньше я о нем ничего не слыхала?

--Да это так, сосед из дома, что напротив нашего, в домино стучать иной раз заходит. Баламут, не приведи Господь. Все своей начитанностью хвастается. Вот он, давеча, про эту корову и рассказывал.

--Какая она тебе корова? Это собачка такая была махонькая и хорошенькая. А хозяйка этого Митяя велела ее утопить. Ты что в школе этот рассказ не читал?

--Читал, наверное, но как память отшибло, так со всем вместе и позабыл. Так он, этот Митяй ее что, так и утопил?

--Утопил, утопил, бедняжку, и камень ей на шею привязал.

Вот сволочь —то! Я бы его самого утопил, гада. Недаром у него и имя такое мерзкое, Митяй!

--Да его, вроде бы и не Митяем звали, а кажется Василием или Степаном, уже и не помню.

--Это имя —то получше будет. Только одно странно, почему эту собачонку коровьим именем назвали. Все —таки, как ни говори, а много еще странностей на этом свете бывает, много, елкин корень.

--Помню в школе такая байка ходила: ученик спрашивает учителя: « Вот, как это получается: вы говорите, что Муму написал Гоголь, а памятник на площади, почему —то поставили Карле Марксу?»

Валентина с командиром не смогли удержаться от смеха и ничего не понимающий Лукич, проникшийся состраданием к несчастной хвостатой утопленнице, так, на всякий случай, тоже поддержал их.

--У этого Митяя, дружок был еврейской нации. Анекдоты рассказывал, обхохочешься. Вот один я запомнил: еврейская жена говорит в компании, где все бабы похваляются своими мужьями: «А, между прочем, и мой муж тоже не хухры мухры—он сифилитик и мудозвон». А муж отвечает: «Сарочка, сколько раз тебе можно говорить: не сифилитик и мудозвон, а филателист и нумизмат». Командир рассмеялся, а Валентина свела бровки домиком и, фыркнув вышла в кухню долить графинчик соседской пятидесятиградусной «слезой». Лукич, почесал в затылке и заметил:

Правильно говорит наш шофер на базе: «Женщина- это как открытая книга на китайском языке- вроде бы все в ней видно и можно прочитать, но абсолютно ничего не понятно, да и ум ей дан только для того, чтобы скрывать свой гонористый характер». И он прав. Верно же, командир.

--На эту тему, Лукич, у мужиков есть много народных поговорок:

«Женщины созданы дарить нам на радость, и попробуй только отказаться от такого подарка».

Или, «У женщины никогда не узнаешь правду! Сначала у них девичья память, потом женские секреты, потом старческий маразм», так что, терпи братец. И мне еще нравится такая:

«Женщины-- они как Чебурашка—теплые мягкие, любят ушами и живут всю жизнь с каким—то крокодилом». И заметь, как бы мужчины плохо не думали о женщинах, но они о них думают, думают и думают....

Валентина вышла с графином из кухни и села за стол, подперев подбородок кулачком .

-- Вот вы Егор Тимофеевич говорили о палачах, так вот мой дед при Ежове сидел в подвале две недели на одной ржавой селедке без хлеба и воды. Чекисты золото у него требовали. А у него какое там золото, двое детей от голода скончались. Так в том подвале из двадцати человек он один в уме и памяти остался, остальные двадцать померли или головой тронулись навсегда. Редкое был дерьмо человек.

--А кто он был, этот Ежов?

--Правильно Валя говорит, был он был редкая сволочь, Лукич. Редкая! И руки у него не по локоть в крови, а куда как выше. А, впрочем, нет, не редкая, таких как он в правительстве Сталина была добрая половина, если не три четверти. Наркомом Внутренних дел он был. Сменил на этом посту такую же тварь, как и он сам, Ягоду. Ягода был до этого его начальником, но Сталин обвинил его в убийстве Кирова и расстрелял. Росточка Ежов был кепка с четвертью, карлик! А Коба рослых ненавидел. В судьбе людей к нему причастных огромную роль играл, как ни странно, и рост. Был случай, когда в Кремль вызвали несколько генералов, нужен был какой—то крупный начальник для какого—то ведомства. Они стояли в приемной с полными штанами от страха, не зная, зачем их вызвали. Коба вышел, трубкой ткнул в самого маленького и сказал, как в детской считалке:--«Ты будешь» --и ушел. И самый мелкий стал богом и царем для тысяч людей. Ежов был предан Кобе, как собака. И собачьими глазами глядел на него. Те, кто видели его в это время, не могли сдержать омерзения. Говорили, что у него выросла огромная грязная—седая борода . Глазенки бегают, весь дергается, то есть впечатление полного умственного расстройства, и боге все время вспоминает. Понимал, что пост этот он занимает ненадолго. Известно, что когда Ягоду посадили, и к нему в камеру Ежов приходил дела принимать, Ягода однажды сказал ему: «знаешь, я здесь в бога поверил». Вот какая метаморфоза с палачами происходит в финале. Они начинают понимать, что не все то, что блестело было золотом, а то, что пахнет дерьмом, дерьмо и есть. Государство—это же как велосипед: наверху рули, а внизу цепи. А в нашем замечательном свободном государстве смердящих называли сильными духом. Кстати, Господь ему тоже под насолил—его любимая жена изменяла ему с великим писателем эпохи, любимцем вождя, законченным антисемитом и, как я подозреваю литературным вором, Михаилом Шолоховым. Ежов, был таким же, как и многие, из тех, кто в то время сделали мечту явью, а потом не знали куда от нее деться. Маленков на пенсии тоже верующим стал, в церковь ходил. Грехи поддонок замаливал. А ведь в сорок девятом лично людей пытал, у него чуть ли не в кабинете пыточная камера была. Кабинет на третьем этаже, а пыточная камера в подвале. Он туда на специальном лифте спускался, и без него не начинали.

Любил он это дело, сволочь.... А в церковь--то они ходят, наверняка, чтобы Бога обмануть. Когда сменили Ежова на Берию, Коба его не сразу расстрелял, он любил свою жертву промариновать несколько месяцев, чтобы та помучилась в ожидании. Он и Егору тоже не сразу замочил, он сначала его сделал главным почтмейстером на короткое время. Так что Ежов прекрасно знал свой конец. Каждый день два верзилы баскетбольного роста привозили карлика в его кабинет. Пробегали вестибюль, все осматривали, вели до лифта и с ним ехали. И он весь день сидел в кабинете— крохотный за пустым огромным столом и жутким делом занимался. Перед ним лежала толстая пачка чистой бумаги, и он целый день вырезал ножницами петушков, вырезал и сразу кромсал их и бросал в корзину. Доклады ему пытались делать по насущным вопросам, как ни как, но нарком все же. Он в это время продолжал делать свою петушиную работу. Выслушав, равнодушно говорил, Валя прикрой ушки: «Хуйня», или давал невнятные или издевательские распоряжения, так что от него, вскоре, просто отстали. Потом исчез. Сгинул, как чертик из табакерки. Говорили, что его кто—то видел в сороковом году. Значит, не расстрелял его Коба, пожалел, видать, единокровную нелюдь. Очевидно, гнида--недоросток вылизал ему ягодицы до обнаженных тазовых костей. Да, что там говорить, гнусный был карлик с кристально чистыми фиолетовыми глазками.

Лукич засопел, выпил в одиночку рюмку и, закусив ее хрустящей капусткой, тщательно, о чем —то напряженно думая разжевал, и обратился к командиру:

--Вот ты мне растолкуй, Тимофеевич, глупому, может я что не понимаю в этой жизни, елкин корень. Может еще не дорос до разгадки. Вот вроде все мы русские люди, и все мы, вроде добрые и нормальные, ведь так же, елкин корень. Так откуда же из нашего русского племени рождаются такие уроды, такие, елкин корень, выродки, как эти убийцы, про которых ты сейчас говорил? Не свойственно же это нашему русскому народу?!

Валентина тоже налила себе пол стопочки и, пригубив ее, поставила обратно на стол .

--Ты мне, Лукич про добрый и честный русский народ песню не пой. Я с ним и в войну повоевала, и в лагере немецком посидела, и на допросах у следователей побывала. Да и в мирной нынешней жизни в волю общаюсь. А в лагерях и на войне светлее мест не бывает, чтобы человечков разглядеть. Да наций там разных тоже нагляделась всласть. Про всех говорить не буду, и скажу только за свою русскую: к примеру, если ты споткнулся или зашатался, русский человек тебя с удовольствием под зад подтолкнет. И не по злобе или ради собственной пользы—просто так подтолкнет. И еще с твоим другом будет вместе тебя жалеть по пьянке. А если друг не так о тебе кому скажет, он ему за это морду расквасит. И вдове твоей поможет и переспит с ней. Иной раз и пытки жестокие вытерпит не сдаст, а другой раз из зависти, или просто так спокойненько донесет и спать сладко будет совестью не терзаясь. Разный он этот народ, очень разный. У меня к русской нации такой антисемитизм выработался....Да, да и не смейтесь, Егор Тимофеевич, я сама себе такую форму придумала. И имею право, так как сама исконно русская, сельская.

Лукич пожал плечами, усмехнулся как—то кривовато, сходил в спальню и принес какую—то сильно потрепанную, книжку без обложки с засаленными порванными страницами, хранящими следы пролитого пива, хвостов и костей вяленого леща или воблы, и еще черт знает чего. Он бережно развернул рассыпающиеся листочки и, поплювив пальцы, начал ее листать, в поисках одному ему известного места. Наконец нашел его. Заложил вилкой, и важно надев очки ,торжественно произнес:

--Вот нашел, очень редкая , между прочем, книга. Очень! И очень поучительная.

--Где ты ее откопал, в какой помойке?

Валентина попробовала подтянуть книженцию к себе, но Лукич успел ухватить ее за край.

--Это еще, почему на помойке? Ее Сенька, профессорский зятек, между прочем, притащил. Мужики, правда, ее немного обидели, неаккуратностью своей, под пиво с рыбешкой читали, но буквы все видать и страницы тоже все хоть и не в целости, но в сохранности.

--А обложка --то где? Сохранилась?

--Вот чего уж нет, того нет. В нее Серега косой рыбы кости завернул и в урну выбросил.

--Понятно! Он, видать, большой любитель и знаток книги был. Книгочей!

--Это почему был? Он и сейчас есть, жив, здоров, чего и нам желает, елкин корень. Он, между прочим, имеет незаконченное высшее образование. Ушел с первого курса ветеринарного института, или может техникума, врать не буду, запомывал, по семейным обстоятельствам ушел, его жена бросила, ушла к его преподавателю. Ну, Сергей этому козлу морду почистил и пошел жить дальше холостяком.

--Лукич, не выражайся, пожалуйста , за столом, между прочим, интеллигентный человек находится, Егор Тимофеевич. Ты у себя во дворе и на складе набрался этих хулиганских словечек и выражаешься теперь ими по всякому поводу и без повода. С внука пример берешь!

--А что, козел, это выходит по твоему ругательство, что ли?

--Не ругательство, но и не застольное слово. От него дурно пахнет.

--От кого? От слова, что ли?

--Да ну тебя. Сам ты козел!

--Лукич, а про что книга --то эта? И кто ее автор?

--Вот за автора, Тимофеич, не скажу, врать не буду, но помню, что какая--то еврейская фамилия у него, не то Надсон, не то Берзон, ну, в общем, что--то вроде нашего Кобзона. А Кобзон--то наш, он же ихних еврейских кровей. А этот Серегин учитель, ну, которого он уму разуму и хорошим манерам по морде лица лечил, он тоже из еврейской нации будет. Елкин корень. Ну, и естественно, Серега к этой нации особых хороших чувств не питает. А книгу, между прочим, он нам во дворе сам громким голосом вслух читал, с выражением и, так сказать, со своими комментариями, как любят по телеку говорить.

--Ну ка, дай ее мне я тоже попробую с выражением....

--Только ты, Тимофеич все--то не читай, а только главные места. Их Серега ногтем отметил. Ну, тут все видать. Ногти у него, что железо. Он их по году не стрижет. Говорит из зубов удобно рыбы кости выковыривать.

-- Командир брезгливо полистал чуть живые странички, пытаясь внизу найти типографские повторы названия книжки и автора, но разочарованно вздохнув, начал негромко читать:

--« Для начала—усилить в каждом государстве недовольство, брожение умов и беспокойство. Сеять замешательство и разброд. Всячески компрометировать власть, то есть все совершаемые мерзости, бесчинства, и пакости творить от ее имени. Сеять национальные разногласия и вражду. Отчуждение всех от всех, недоверие рознь, злоба. Подонков усиленно продвигать наверх к власти, держа нити управления ими. Провоцировать неустанно гонку оружия, вражду между странами и народами Внедрять экономический хаос, путаницу и несправедливость. Неустанно подрывать нравственность, путем внедрения атеизма, распутства, умножения всяких пороков. Строить подземные дороги для удобства взрывов и покушений».

Что то за Израильянами я террористов как—то не замечал.... Но чувствуется, что писал специалист своего дела.

« Образование устроить так, чтобы насаждать невежество, темноту и отсутствие всяких интересов. Строптивых к ногтю.»

Вот это по нашенски!

« Для пресечения мышления —цензура. Тайная слежка за всеми и доносительство каждого на любого. Сумятица, озлобленность, растление. Покорность. Повиновение. Послушание».

Это уже повтор и сильно смахивает на «фальшак» сионских протоколов». У Губермана по --моему есть на эту тему неплохие и очень точные строчки: «На всем лежит еврейский глаз, у всех еврейские ужимки, и с неба сыплются на нас шестиконечные снежинки». И еще одни, если вспомню: «Я слышу ясно звон оков, которые эпоха нам готовит, недаром стал звездой большевиков обрезанный еврейский магендовид». Что я могу сказать: не сегодня завтра эти идеи станут народным достоянием и на Руси, и тогда ничего хорошего из этого не выйдет ребятишки, или, вернее как поется в песне:— «дорогие мои старики.» Кстати, многое из этих заповедей мы уже прошли, но многое еще ждет нас, и боюсь, уже при жизни, если не наших детей, то уж внуков почти наверняка. Уверен, что когда к власти приходят сукины дети, собачья жизнь начинается у всех. Вспомните, когда дуралом Никита Хрущев, добрался до руля и пообещал всем нам через двадцать лет счастливую жизнь, все у кого еще не свихнулись мозги за время правление прошлого великого гения, заранее похолодели. Вспомните, пока ленинская кухарка училась управлять государством—кончилась еда.

Я, Лукич, не знаю, кто писал эту омерзительную, я бы сказал —поганую , но очень толковую инструкцию, но, поверь на слово старому опытному пропагандисту и честному вояке в прошлом—еврейским пером тут и не пахнет. Мне это очень напоминает речь Черчилля о России перед войной и одного американского президента после ее окончания. Причем все это звучало в свое время очень серьезно и уверенно. И, пожалуй, еще более круто. И если еще и не было пущено в ход против нашей, зашедшей в тупик империи, то вскоре оно будет задействовано, помяните мое слово.... Уж больно мы сейчас для хорошо упакованных настоящих сверхдержав лакомый и слабеющий день ото дня сладкий кусочек, и надо быть идиотами, чтобы от него не откусить. Вот вам мои комментарии. А книженции этой, как правильно говорит наша умница и красавица Валюша, место даже не на помойке, а в выгребной яме, так что будешь на даче, выбрось ее именно туда. А на предмет большого количества мелких душонок в правительстве, не надо

сокрушаться. Потому что у нормальной великой нации, коей мы себя числим вслух и достаточно громко, должны быть на верху способные, энергичные, породистые, безнравственные, самовлюбленные, бездуховные, вороватые и жестокие подлецы – честные служаки – исполнители, блестяще умеющие в отличие от кошек, которые лизжут задницу только себе, делать это и другим.

--И еще, объясни нам серым, почему люди выбирают ненормальных правителей, а потом годами, а то и десятилетиями под ними уродуются?! Почему?

---Видишь ли, Лукич, в век монархии личность, физическое и психическое здоровье правителя могли иметь чрезвычайное значение для его народа, ибо, это естественно влияло на его возможность влиять на экономику внутреннюю и внешнюю и, соответственно, на политику с внешними странами. В демократический и полу или псевдо республиканский век, когда самодержавная монархия, с ее наследственной передачей власти членам той же семьи прекратила свое существование, а конституционным монархам принадлежит весьма ограниченная власть, имеющая чисто формальное значение.... Так, как, например, в Великобритании, Голландии, Бельгии, Испании, скандинавских странах и Японии, --она стала просто бледней тенью того, чем она была. Реальная власть перешла в руки президентов и диктаторов, премьер министров и политиков, но и они тоже находятся под давлением деловых и других интересов. Практически вся политика и экономика теперь подчинена олигархам, то есть денежным мешкам, и народ в этих странах практически никакого влияния на действия выбранных ими же правителей не имеет. Поэтому смена их, когда терпеть уже не вмогуту, как правило, решается либо военными переворотами, либо всякого рода революциями, в основном затяжными и кровавыми или, народ мучаясь терпит их, переизбирая законными выборами. Не могу сказать, что психопаты и шизофреники часто сидели на тронах, но случалось такое. Во Франции это был--- Карл 6 , в Англии ---Генрих 8, в Испании—Карлос 2. В древние времена Калигула, который спал со своим конем в постели и ввел его в сенат..а из жен своих высших чиновников и сената сделал бесплатный общедоступный публичный дом. За ним был небезызвестный нарцисс Нерон, о его задвигах написаны книги и поставлены пьесы. В двадцатом веке одиннадцать из тринадцати британских премьеров и шесть из одиннадцати американских президентов страдали от болезней, которые в какой –то степени мешали их работе. Так известный вам Уинстон Черчилль, был хорош во время войны, а сразу после ее окончания у него появились явные признаки замедления умственных способностей. В начале 1944 года он был совершенно не способен сосредоточиться больше, чем на несколько минут. В декабре 1947 года его личный врач сказал : « Черчилль живет исключительно прошлым и не терпит к переменам, он заметно сползает в старость». После небольших инсультов в 1952 и 53 годах он практически стал не дееспособным и врачи настояли, чтобы он покинул пост премьер-- министра. Такая же участь постигла его приемника Антонио Идена. Долгое продвижение на высокий пост и долгое пребывание на этой должности может повлиять на человека таким образом, что он как политик отдаляется от своих избирателей и склоняется к ошибочным оценкам политических реалий и от этого очень страдает жизненный уровень и обороноспособность страны. Такое произошло с «железной леди», премьер – министром Англии. Тяжелое психическое и физическое состояние в конце правления настигло и американского президента Франклина Рузвельта. Он с трудом смог провести Ялтинскую конференцию с Черчиллем и Сталиным . В лице Джона Ф. Кеннеди Америка пережила возрождение. Молодой, энергичный красивый, из хорошей семьи, он обладал удивительной харизмой, которой нельзя было противостоять. Однако с годами блеск несколько потускнел. Он был закоренелым бабником и мужчиной, сильно сексуально озабоченным. Он как –то сказал

ошарашенному Макмиллану: « Знаешь, если у меня три дня нет женщины, у меня страшно болит голова, и я не могу больше ни о чем думать!...» Не исключено, что его убийство, сыграло положительную роль в его дальнейшей политической и личной репутации. По мнению его личного врача он страдал нарушением функции надпочечников. Болезнь Аддисона. Это могло сказаться и на его умственных способностях. Частично он мог бороться с нею, принимая стероиды, но это грозило психиатрическим осложнением. У президента Ричарда Никсона уже с начала правления явно проявлялись черты схожие с манией величия-- «Глянь, сказал он спутнику, --кружа над Вашингтоном и Белым домом в президентском самолете , --и это теперь все мое!»

--Часто цитируемое изречение лорда Эктона, что власть всегда развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно, вероятно не аксиома. В прошлом были абсолютные монархи, например Людовик 14, во Франции и даже диктаторы XX века, такие, как Салазар в Португалии или Франко в Испании, правление которых наверно, не принесло большой выгоды их народам, но которые не производили впечатления ненормальных людей. «Патологический ум, заметил Гарольд Лассуел в своей книге «Психопатология и политика», , напоминает автомобиль, включенный на одну скорость, в то время , как нормальный ум может переключаться». Диктатор—это политик с узким кругозором, опьяненный властью, который пытается навязать свою волю и свои ценности всем своим подданным и устраняет тех кто их не принимает. Отличительной чертой в жизни большинства диктаторов, как правило, было обедненное детство и отрочество, не только в смысле материальных условий, но и на уровне семейных отношений. У Гитлера, Муссолини и Сталина обстановка в доме была жалкой и несчастливой (любящая мать и ненавистный отец). Отец Муссолини был, лентяем и пьяницей, так же, как и у Сталина, а матери обоих были тихими и набожными. Обе были кормилицами семьи. Юношеское неповиновение детей привело их к столкновению с властями, вызвав непрекращающийся протест. Лишенные любви, неуверенные, унижаемые в отрочестве, неспособные к созданию счастливой сексуальной связи, они были вынуждены искать компенсацию своему пострадавшему самоуважению в стремлении к власти и в злоупотреблению ею. В этом состоянии было и стремление отомстить обществу, которое не оценило их в полной мере, так как они заслуживали! Поэтому захват и сохранение единоличной, неограниченной власти становится единственной целью их существования! При этом Сталин был с оспинами на лице и частично искалечен. Муссолини чересчур хотел выглядеть настоящим мужчиной, эдаким могучим самцом. Широкоплечий, мускулистый, с накаченным торсом, который он любил демонстрировать гражданам страны, грозным взглядом. СМИ постоянно показывали как он водит комбайны, самолеты, вертолеты, корабли, подводные лодки, скачет на лошадях, катается на горных лыжах и водит спортивные автомобили. Если человеку ежедневно, ежечасно говорить , что он гений, то рано или поздно он обязательно поверит в свою непогрешимость. И так же в нее поверит толпа! Женщины подносили ему детей, чтобы он их благословил. Ходили слухи, что он только своей невероятной силой воли остановил поток лавы вулкана Этна! У Гитлера было почти женское сложение. Он не был трусом, так как во -время Первой Мировой войны действительно вел себя очень храбро, один захватил в плен четырех французов, имел заслуженные высокие награды. Однако это не мешало ему быть истериком и психопатом. Кстати психопатия оратора очень заражает толпу. Его героизм в войне очень импонировало гражданам Германии. Подозревали, что и Муссолини, и Гитлер были заражены сифилисом. Врач Гитлера писал, что тот переболел энцефалитом в Виннице в 1942 году и его перекормили амфетамином, что сильно повлияло на его психику. То, что, возможно, было их личной обидой, внешне преподносилось как идеология, нацеленная на благо общества, которая излагалась с большим искусством, чтобы

вызвать всеобщий энтузиазм по поводу политики диктатора. Это потрясающая сторона психологии масс (феномен идиотизма толпы),--миллионы нормальных мужчин и женщин позволяют так одурачить и буквально околдовать себя, что без оглядки посвящают себя делу одного человека, даже маньяка. Но даже в центре подхалимского окружения и безудержного идолопоклонства диктаторы оставались на протяжении всей своей жизни, оторванными от реальной жизни, ущербными личностями, обманывающими сами себя. Существует поразительное сходство между путями, которые привели Муссолини и Гитлера к власти и, затем, к последующему краху. Одинаковое ущербное детство. Оба в дальнейшем нашли цель и жизненную философию в военном опыте, и на газоне экономической разрухи и политической пустоты. Оба не отличались крепким здоровьем в зрелые годы и их поведение становилось все ненормальнее. Сталин умер на своем диване, но скорее всего ему, как и Тиберию помогли умереть. Гитлер покончил собой в берлинском бункере. Муссолини позорно повешен вверх ногами итальянскими партизанами вместе со своей любовницей. О Гитлере, Муссолини, Сталине и Ленине, можно говорить часами. Объединяет и термины « диктаторы—злодеи, диктаторы —убийцы» миллионов ни в чем не повинных людей. О двух последних вы знаете так много, что мне ничего нового, пожалуй, сегодня уже и не сказать. С самого начала русской революции большевистские лидеры Ленин и Троцкий сделали террор оружием политики, как захвата, так и сохранения власти. Так что может показаться, что правление Сталина отличается от их правления только размахом, его безжалостным уничтожением своих предполагаемых, почти всегда мифических врагов: кулаков,священников, интеллигенции, гениев в различных областях науки и искусства, его собственных соратников. « Я вспоминал своих друзей и видел только трупы—говорил Шестакович,--голые горы трупов». Он с такой ненормальностью уничтожал всех, кто стоял, или, как он думал, стоит на его пути, ссылал их в гулаговские лагеря или просто пытал и расстреливал, что даже в 1930 -е годы могли возникнуть сомнения относительно его нормальности. Трудно было доказать его безумие в 30—е годы, и так же трудно поверить, что около 1937 года он был в здравом уме. Врачи считали Сталина психопатом или социопатом. Очень похож на всех перечисленных диктаторов был и румынский вождь—Чаушеску, который вместе с женой Еленой был казнен в результате Румынской революции. О диктаторах говорить не буду. В России это началось с Ивана Грозного и Петра Первого. Кто из них был страшнее в своих бесчеловечных выходках —трудно сказать. Оба были извергами и деспотами. Оба обожали лютые казни и реками льющуюся кровь. Иван посадил на кол любовника своей жены, кол был поставлен у ее окна. Варил в масле неугодных бояр и стрельцов. Отрезал кусочки мяса у повешенных за ноги неугодных. Создал первое ЧК, КГБ,--опричнину. Петр любил сечь кнутом женщин, обожал самолично рубить головы. Любовнику своей бывшей жены он отрубил голову и поставил ее в хрустальной вазе со спиртом в ее в спальне. Последующие диктаторы XX века-Ленин, Сталин, Муссолини, Чаушеску, Гитлер были не лучше и людей положили десятки миллионов. Думаю, что все они , конечно, были людьми с больной психикой, но от этого их народам было не легче... На эту тему было так много написано, что говорить об этом можно бесконечно, так что , закроем эту тему.

--И последний вопрос, командир: а рай и ад есть на небесах?

--Круто задаешь вопрос, Лукич. На небесах их нет точно. Там уже все испоганили космонавты с их отбросами и отслужившие срок годности спутники. Ад периодически возникает у нас под носом на земле обетованной. А вот в Рай, если он и существует я тебе переселяться не рекомендую. Я всегда подозревал, Ильич, что в раю должно быть невероятно скучно энергичной душе. Ты только представь себе эти бесконечные, бесчисленные толпы усохших безгрудых, стерильных

девственниц, да еще сутками напролет играющих псалмы и фуги Баха на арфах. А от приличных людей и здесь--то воздуха не хватает, а уж там их накопились миллиарды, если не триллионы. А нищих духом? А идиотов, что искренне раскаялись? А бездарей, которые безгрешны из --за своей полной и абсолютной импотенции. Так что, ни туда, ни сюда --не советую. Живи с Валюшей счастливо и долго на нашей грешной земле. И запомни, Лукич--в раю есть все кроме жизни! Понял? И это главное. Ну, и чтобы на сегодня закрыть, как--то ненароком затронутую сегодня еврейскую тему прочту я вам очень неплохие с моей точки зрения сточки, случайно попавшие мне на глаза в интернете. Иной раз и в этой интеллектуальной помойке попадают капли росы. Это стихи поэта Михаила Рашкована. С творчеством его я , честно скажу --незнаком. Не попадался он мне на глаза ранее, но думает и пишет он правильно и честно. Это ответ на поэму о евреях поэтессы Маргариты Алигер. Написана и эта поэма в 1946 году , а ответ Рашкована в 1947 году. То есть почти на следующий год после окончания нашей с вами ребята войны. Поэтому я и обратил на нее внимание. Тема, как помните, была в те тяжелые годы актуальная и более того. Саму поэму я не читал, но в эпиграфе к стихам в этом ответе есть такие строчки:

«Нас уже почти что нет на свете,

Нас уже ничто не оживит...»

Командир достал из заветной сумки листок и, надев очки, начал читать.:

На ваш вопрос ответить не умея,

Сказал бы я: нам беды суждены.

Мы виноваты в том, что мы евреи.

Мы виноваты в том, что мы умны.

Мы виноваты в том, что наши дети

Стремятся к знаниям и мудрости земной.

И в том, что мы рассеяны по свету

И не имеем родины одной.

Нас сотни тысяч, жизни не жалея

Прошли бои достойные легенд,

Чтоб после слышать: « Эти кто?--евреи?--

Они в тылу сражались за Ташкент.»

Чтоб после мук и пыток Освенцима,

Кто смертью был случайно позабыт,

Кто потерял всех близких и любимых,

Услышать вновь: « Вас мало били, жид! »

Нас удушить хотели в грязных гетто,
Замучить в тюрьмах, в реках утопить,
Но, не смотря, но, не смотря на это
Товарищ Алигер, --мы будем жить.

Я покопался в документах и выяснил, что этот молодой в те годы человек, смелый человек, прошел войну. В 1941, на передовой получил тяжелое ранение. Вылечившись снова ушел на фронт, прошел всю войну, был еще дважды ранен и демобилизовался только в 1946. В том же году он прочел в журнале « Знамя» чрезвычайно смелую для тех лет поэму Маргаиты Алигер «Твоя победа». Это был нравственный подвиг поэтессы. Рашкован выучил наизусть отрывок из этой поэмы : « Мы евреи», которое заканчивалось таким четверостишием:

Народ бессмертен! Новых Маковеев

Он породит грядущему в пример...

Да! Я горжусь! Горжусь и не жалею,

Что я еврей, товарищ Алигер!

Михаил любил стихи и сам их писал, стихотворение нашло живой отклик в его сердце, и он написал в стихах ответ поэтессе. Когда поэма Алигер была запрещена, он отпечатал свой ответ в нескольких экземплярах и раздал его своим друзьям. Свое авторство он естественно не указал. Органы МГБ разыскивали автора, но никто из друзей его не выдал. Долгое время авторство стихотворения приписывали Илье Эренбургу. Так оно и ходило по России, а потом по Израилю, и числилось как народное творчество. Но совсем недавно я узнал кто же его настоящий автор. Человек он прекрасный, очень скромный, лишенный всяких амбиций. В России он окончил университет. Долго преподавал. Сейчас живет в Израиле, пишет стихи. Имеет трех сыновей и восемь внуков.

--Скажи , командир, а почему ты так ратуешь за евреев, ты что сам ихних кровей? На личность с виду , как—то не очень заметно?... Верно, Валюша?

-- Нет во мне никаких кровей , кроме русской. Но я бы ничего не имел бы против, если бы и была. Кровь еврейская первородная, сильная и честная! Отличная, проверенная тысячелетиями кровь. В жилах почти всех народов, если и не во всех, частички этой умной, удивительно выносливой закаленной крови наверняка есть! Нет в мире ни одного народа, который вынес бы так много страданий, жестокости со стороны других народов и преследований, чем евреи! И нет никакой другой религии, которая бы так мощно устояла столько тысячелетий, сплотила и сохранила эту нацию и, не смотря ни на что, не изменилась ни на йоту! Послушайте, что по этому поводу говорил великий славянин, гениальный русский писатель Лев Толстой:

«...Еврей—это святое существо, которое добыло с неба вечный огонь и просветило им землю и живущих на ней! Он—родник и источник, из которого все остальные народы почерпнули свои религии и веры». «...Еврей —первооткрыватель культуры. Испокон веков невежество было невозможно на Святой Земле, и еще в большей мере, чем нынче даже в цивилизованной Европе».

« ...Еврей символ вечности. Он, которого ни погромы, ни резня, ни пытки не смогли уничтожить! Ни огонь, ни меч инквизиции не смогли стереть с лица земли! Такой народ не может исчезнуть. Еврей вечен. Он –олицетворение вечности».

Командир сложил листочек вдвое и вернув его обратно в сумку. Стал прощаться.

--Ну, что, родные, пора и честь знать. Побреду я в свою каморку, завтра рано на стрельбы вставать.

Валентина засуетилась. Быстро собрала со стола, что хорошего еще осталось. Завернула остаток еще не нарезанной колбаски, да капустку в банку наложить не забыла. Командир было отнекивался, но, конечно, подарок взял и поцеловал хозяйку в щечку.

А знаете, ребята, может нам на недельке к Трусину в гости наведаться? Поднять настроение боевому товарищу? Как вы?

--Как, как, конечно, согласны. Лукич сменщика попросит за него отдежурить и вперед! На том и порешили.

-----х-----

Малогабаритная двушка Трусина, мало напоминала жилье слесаря--водопроводчика. Ни в одном углу не стояла пустая вино--водочная посуда. Если не замечать светящуюся в солнечных лучах тонкую книжную пыль, воздух был достаточно свеж, благодаря настезь открытым форточкам. По количеству книжных полок, занимавших все мыслимое и не мыслимое пространство, включая спальню, часть кухни а, как позже оказалось, и туалет, это жилье скорее можно было бы назвать жилищем мыслителя. То есть, от однокомнатной квартиры-- бочки из под оливкового масла древнего философа Диогена она отличалась, разве что, материалом стен, присутствием совмещенного туалета и газовой плиты, и наличием небольшого, заставленным грудой тех же книг, письменного стола с ноутбуком на нем. Обеденным столом хозяину этой незамысловатой интеллектуальной бочки --пещеры служила дверца от небольшого шкафа, уложенная на два табурета. Спальным местом-- узкий диванчик. Местом для отдыха и дум свободного полета, -- довоенного образца кресло--качалка с плетеным сидением и такой же спинкой. Соломка плетения сильно обветшала, но дырки были аккуратно и умело заштопаны полиэтиленовой оплеткой. В отличие от провонявшего потом и, наверняка, овшивевшего греческого предка--мыслителя, Николай Степанович Трусин был гладко выбрит, причесан, и издавал ненавязчивый запах « Шипра». Его выдавший виды, застиранный до легкой махровости домашний спортивный костюм, отнюдь, не выглядел неопрятно. Гостей он принял с некоторым удивлением, уж больно долго он не видел своих фронтовых соратников, бывших некогда друзьями, и без положенных в таком разе радостных эмоций. Мужчинам спокойно и крепко пожал руки, Валентину обнял и, слегка отстранившись, отметил отдельным внимательным взглядом. Все в этом седом человеке, сохранившим не по годам удивительную стройность и подтянутость в осанке, ясность во взгляде, трезвый ум в лице, дышало спокойствием и уверенностью в себе. Жестом предложил гостям диванчик со скрипучими пружинами, а сам сел насупротив, на проживший нелегкую жизнь старенький колченогий венский стул, незаметно стоящий в углу и прикрытый оконной шторой. Стул был, наверняка, славного дворянского происхождения. Тяжело пережил революцию, Гражданскую и Вторую мировую войны, а так же уплотнение буржуйских хором во временна коммунального большевистского бытия и был выброшен на помойку новыми элитными хозяевами эпохи дикого капитализма. Поломанную и утерянную в битве за жизнь заднюю ножку,

Трусин заменил неплохо выстроганным протезом, а старую, выдавшую виды просиженную обивку перетянул дешевым веселеньким ситцем с очень милыми набитыми полевыми цветочками. Хозяин достал дешевую сигарету и закурил. Лукич и командир сделали то же самое. Валентина молча сидела сложив руки на коленях. Длительную паузу повисшую в облаке табачного дыма, натужно крякнув, первым нарушил Лукич.

--Давненько, елкин корень, давненько мы не видались Егор Тимофеич... С тех пор когда ты из Колымы вернулся. Худой тогда совсем был, дряхлый можно сказать, елкин корень. А сейчас—то герой! Настоящий герой! Молодцом. На днесь, вот с командиром да Валентином тебя добрым словом вспоминали. И батарею нашу, как пушки подрывали детонаторами.

--Долго вспоминали, однако. За эти годы могли бы и окончательно позабыть. Спасибо командир, я вас и Валюшу очень рад видеть. Только не совсем понимаю, чем вдруг обязан буду за такую неожиданную вспышку памяти.

Валентина вынула платок и промокнула слезинки на щеках. Шмыгнула носом и отвернулась. Командир снял с плеча свою заветную полевую суку, с которой видно редко расставался, зачем то открыл ее, вынул какие —то листки и, не взглянув на них, аккуратно положил обратно. В воздухе повисло неловкое молчание. Валентина подтянула к себе тяжелую плетеную корзинку, которую нес Лукич, поставила ее на обеденный стол и не на кого не глядя начала доставать провизию взятую из дома.

Что, Валюша, подкормить лагерника решила? Похвально, у меня сегодня гостей порадовать небогато. Огурчики с помидорчиками поди свои?

--А как же. Лукич вырастил, а я обработала. Да и эти грибочки его работа. Он у меня по этому делу мастер. Ты только погляди какие беленькие малышки—то ! Один в один, как на параде.

--А как они, Николай Степаныч перед стопкой честь прямо с вилки отдают, любо дорого поглядеть, а не то что закусить. Валь, ты беленькую-- то доставай, а то того и гляди мужики слюнями захлебнуться. Ты Николай Степаныч водочке—то чай не противник?

--А где это ты Лукич непьющего слесаря —водопроводчика видел? Если вдруг сыщешь, так сразу его в музей редкостей тащи, в питерский этнографический или в куст камеру, прямиком к Михаиле Ломоносову, там у витрины этого чудика народ сутками в очередь толпиться будет. Как в Эрмитаже на Сикстинскую мадонну, когда ее раз в сто лет привозят. Хотя, если, по правде сказать, если и балуюсь то в основном по праздникам да и по чуть—чуть, для аппетита. А тебя командир я особенно рад видеть. Не ожидал, честно говоря, такого подарка. Хотя всю нашу батарею помню, как будто все было вчера. Да....Много у нас хороших ребят там было.....Много....Только вот куда их всех судьба пораскидала?... После лагеря, уже нашего, колымского, я так никого и не встречал. Нечипайло—то хоть жив еще? Про его две каски часто вспоминаю. Частенько. Смешной, конечно, дурачек был, вернее нелепый, но если чисто по—человечески,..... парень—то неплохой ...И все—таки, что вас толкнуло вспомнить о скромном работяге на славном поприще выгребания реального дерма из под славного населения чудесной, свободной от человеческой жизни великой страны. Неужели у Лукича вернулась память?

Егор Тимофеевич взял со стола бутылку «московской» с медалями, разлил по стопкам, поставленным на стол хозяином, и поднял свою. Потому, как он это сделал, было заметно, что командир волнуется.

--Сказать, что полностью вернулась, было бы не совсем правдой, но то главное, что решило наш приход к тебе, Николай Степанович, он, я бы сказал несколько странным образом, вспомнил.

--А если по конкретнее? По- нашему, по лагерному?--Колись, Лукич. Какой обрывок бывшего неожиданно вспыхнул в твоём мозгу?

Лукич, вернул не начатую стопку на стол и, крикнув, смущенно взглянул на командира.

--Ну, что же ты зарделся, как красная девица перед брачным ложем? Докладывай, все как есть, как давеча нам с Валюшей.

--Да, что там рассказывать, Егор Тимофеевич. Все как было с нами, когда командир с Валюшей вывели меня к дороге и вспомнил, елкин корень. И как дураком на дорогу выскочил, по которой немцы пошли. И как в лагерь немецкий попали. И как ты меня ненормального от немцев спасал, став для этого старостой барака. И про Митяя из блатных и про еврейчика из Одессы, доходягу Иосифа. И про стихотворения, елкин корень. Вот, правда, про побег, который ты устроил для меня и других заключенных, еще не вспомнил. О нем мне Валентина только недавно рассказала. Но постараюсь, вспомню!

--Да, любопытно....Жаль, только, что ты поздно вато об этом вспомнил. А, впрочем, какая это теперь разница? Жизнь, считай, прошла и сейчас уже ничего назад не возвернешь. Как говорится, —Бобик сдох, и туда ему, видать, божья дорожка проложена. Конечно, было бы лучше, если бы я эти годы зазря не потерял. Если бы мог ребятишкам в школе настоящую историю растолковывать. Да не ту коммунистическую, что современные гнилые холуи историки угождая своим хозяевам страны, вбивали в головы нашей молодой поросли, а настоящую, честную, правдивую.

--Долго бы не вбивал, Николай Егорович, после первой же анонимки коллег учителей или завуча с директором опять бы на Колыме тайгу валил, или в Норильске в шахте гнил.

--Это верно, но можно было хотя бы немного просветлить их, ни в чем не повинные детские головки, забитые социалистическим лживым маразмом.

--Ох наивный вы человек, Николай Степанович! Столько ужасов прошли и фашистских и советских, а так идеалистом и остались. А пора было бы и повзрослеть. Скажите спасибо им. И те и другие, как могли, постарались ваши неправильные мозги поправить. Да, видно, горбатого только могила и исправит. Рыба немного тухлой не бывает, она либо свежая, либо поганая. Не мне вас учить. Скажите спасибо нашим добросердечным властям, что они вам своими ГУЛАГовскими санаториями жизнь от глупых решений и поступков спасли. Не пустили воевать с собственной совестью в школу, и калечить мозги детишкам программным враньем продажных историков угодное нашим властям, а дали в руки разводной ключ и лопату, да опустили в канализационный люк. Дерьмо, правда, и тут и там воняет, но ко второму, хотя бы со временем, можно привыкаться или надевать противогаз и так, возможно тихонечко, но дожить до старости. Согласен со мной Егор Тимофеевич?

--Да не очень.... Честно говоря, я помню тебя Николай Степанович совсем другим. Видать поломали они тебя, согнули, а жаль.

--А что поделаешь, голыми руками можно бороться с человеком и с такими же как ты человеками, а бороться с системой всевластных подлецов, это равносильно вольной борьбе, где тебя поставили паре с тяжелым экскаватором. Поди не забыл еще командир, что мы с нашими пушечками сделали, когда ни снарядов, ни патронов не стало? Взорвали, родимых чем бог да Трусин послал, и разбрелись кто куда по лесам и болотам. Судьба обтесывает наш характер, а промахнувшись, оставляет на лице, да и не только на нем глубокие зарубки. Но, зато о жизни так много узнаешь, что периодически впадаешь в глухую, глупую надежду быть услышанным, а иногда даже, сдуру, пытаешься давать советы молодым. А сохранился я еще более—мнее в основном потому, что живу по совету Черчилля, который услышал и усвоил в лагерях и перенес на мирную жизнь. Он как--то сказал, что дожил до столь преклонного возраста только потому, что никогда не стоял, если можно было сидеть, и никогда не сидел, если можно было лежать. А так же свое долголетие он продляет тем, что выпивает в день три--четыре стакана виски и выкуривает пять шесть сигар и никакой физкультуры. Я, правда, курю сигареты, а не сигары, но никакой поправки не могу внести в эти заветы. К этому могу добавить слова мудрейшего Эпикура: «Умение жить и умение умирать—одна и та же наука». Я даже никогда не тороплюсь вызывать неотложку, потому что знаю, что чем позже она придет, тем точнее будет диагноз. А уж больницу, особенно частную не лягу никогда. У нас в стране дороже здоровья —только лечение. Причем не надо забывать, что у нас мало записаться к врачу, надо еще до приема и дожить. Мне очень понравилась карикатура в газете: Объявление: « Успешно дробим камни в почках. —Амон.» Вот уж это стопроцентная правда, испытал на себе в Колымском лагере. И еще одна «Тампакс, --доставка и установка».

--Вот, вот,-- оживился Лукич, —я лично этого твоего Черчилля и не знал и не читал, но на своей работе только так и живу, елкин корень. Смену принял, берданку на гвоздь, до темноты у окошка за телеком отсидел и на боковую. Я в сторожке, мои дворняжки в будке, так и отрабатываем трудовые харчи. Сторожить чужое добро-- это собачье дело, особенно за такую зарплату.

--Николай Степаныч, не слушай ты моего дурачка, на самом—то деле он еще очень даже шустрый старикашка. Сторожит он сутки через трое, а в свободные дни его и не увидишь. Хвост трубой и хоть через дымоход, но из дома его вмиг выдувает. Уж больно природу любит. Лес, грибы, ягоды. Одно слово семейный био-- кормилец.

--Это заметно Валюша, ты на его витаминах выглядишь молодкой. Да и ты, командир, еще хоть куда. Каков же твой рецепт долголетия и доброжелательства?

--Прочел я где—то, что ученые выдвинули такую гипотезу. Они предположили, что, мол, у живого организма есть некое особое свойство, понукающее живой организм избегать пассивности и покорства обстоятельствам. Необходимо непрерывно и настойчиво искать выхода, перемен, новизны. Так замечательно созданы мы Творцом, что если нет в нашей жизни игры, целей, устремлений, надежд, азарта, перспектив и динамики, словно вянет и скисает биохимия нашего организма, в результате приводя к депрессии, упадку и болезням. Мы запрограммированы на непрерывное движение, стремление постоянно что —то искать, а наше душевное и телесное здоровье—награда за исполнение этой программы. Пассивная отдача течению-- гибельна для живого организма. Даже если нету вредоносных внешних обстоятельств —болезни непременно покарают за пассивность изнутри. Нет, упаси Бог, я не собираюсь никому давать медицинские

советы, я просто вслух, научно и старательно планирую свое закатное существование. Мне просто жалко стариков, которые упрямо хохорятся и петушатся, забывая о неминуемой возрастной истощенности. С этим трудно примириться. Если высохла в голове творческая чернильница, а ты еще по привычке макаешь в нее перо, --ничего кроме боли не почувствуешь. Ну, разве что, на кончик пера попадет иногда дохлая муха или высохший таракан, или комочек пепла от давно сгоревшей сигареты.

--Да, Николай Степаныч, тебе не в дерме копать-- туалеты прочищать, а всякие там диссертации кропать надо. Ты как был, елкин корень, философ, так им и остался.

--Диссертацию, Степаныч я уже давно написал. Но нет еще в нашей стране научных учреждений, в которых принимают защиту у водопроводчиков и говночистов, даже у очень хороших..

--И на какую тему?

--На самую, что ни на есть актуальную—тему человеческой памяти.

--Ну, тогда выходит это прямиком про меня.

--Не только Лукич, не только. Есть еще большая группа людей и у нас, для которых плохая память—лучшее лекарство от уколов совести и едкого стыда за изобилие сделанных глупостей. Ты, надеюсь, знаешь таковых, командир?

--В изобилии, Степаныч. Думаю, тебе, с твоей диссертацией будет, ох как трудновато, пробиться через любое современное ученое сборище.

--При этом, поверь, я не критикую современные нравы и обычаи. Они, подчас, чудовищны настолько, что я их просто тихо презираю.

--Понимаю и сочувствую.

-- Тоже самое относится и к политикам. Уму непостижимо, как это наш, совсем не глупый в массе народ каждый раз выбирает себе на голову этих темных, алчных, лживых, продажных, своекорыстных болтунов! Критиковать их—трата времени и сил. Это писк крысы из подвала. Их надо просто гнать драной метлой.

--Согласен, но для этого этот самый народ надо разбудить и собрать. А это сделать очень трудно.

--Это уже пахнет революцией, елкин корень. Ведь так же?

--Спи Лукич! Спи! Дольше проживешь. А старости бояться не стоит. Вообще, специалисты утверждают, что здоровая старость—это когда болит все и везде, а нездоровая --это когда в только в одном месте. Но хочу заметить, что сейчас уже почти одиннадцать, а это, то самое время, когда можно уступить влечению. А в утреннем алкогольном глотке --двойной высокий смысл имеется: ты жив и ты свободен! И утренняя легкая заправка хороша еще и тем, что улучшает помышление о вечере с его уже законной выпивкой всерьез. Подняли!

--Вот сейчас Степаныч, в тебе проснулся настоящий водопроводчик . Предлагаю выпить за нашу военную память.

Трусин выпил, поставил свой стаканчик на стол, закурил и продолжил:

--И еще один очень важный момент, который помнить надо обязательно, как таблицу умножения. Главное—не слушать с утра радио и не читать газет, ибо от этого жить вообще уже не хочется. А особенно если передача бодрая, под марш, и с глубоким оптимизмом. Тут меня еще и чуть подташнивает. Но, пока еще тебе никто ночью в дверь не забарабанил, и Мессия не пришел—можно жить, а это означает, что вертится еще наша планета. Коперник был прав!

--Ну, а если отбросить твои шуточки, как оно здоровьишко —то на самом деле?

--Да как тебе сказать, Валюша, я уже говорил, что когда у человека много разных болезней—считай, что он здоров, а вот когда только одна—тут скорее всего дело серьезное. У меня одна, очень банальная, но достает она меня крепко.

--Какая?

--Одиночество, подружка. О--ди—но--че—ство! Поговорить не с кем. Помнишь, как в том старом анекдоте:

Два алкаша поймали в парадной хлюпика-интеллигента и спрашивают : --Третьим будешь?

Тот смущенно:

--Ну, буду.....

--Гони рубль.

Он дал рубль, ему отмерили в стакан водяры, он выпил, и ему дали занюхать черствой корочкой из грязного кармана брюк.

Он говорит:

-- Спасибо ребята я пошел.

--Как это пошел? А попи...деть?!

Вот так и со мной, вроде бы все ни так уж и плохо, а потренькать, обменяются настроением, мыслями—не с кем... Живу как сыч на ветке в глухом лесу....

-- Ты, что, так и не женился после лагеря?

Видишь ли, Валенька, я по своему дурацкому характеру -- однолюб. Есть такие люди в природе. Вот в чем беда. Мне любая, даже если она молодая, красивая и не глупая—не нужна. Мне нужна была моя, понимаешь? Единственная и любимая? Как тому пацану по имени Ромео. Слыхала такое имя?

--Слыхала, Коля..... Слыхала.... Даже в театре в молодости видела и его и ее... Давно это было, до войны еще....А в войну своего встретила, да не надолго...Встретила, да война его отобрала...

Лукич, поперхнулся и натужно закашлял. Утерся рукавом, достал сигарету, глубоко затянулся и подошел дымить к окну. Валентина с Трусиным понимающе переглянулись и оба не сговариваясь,

поглядели ему в спину. В комнате повисла неловкая пауза и, чтобы ее как то снять Трусин продолжил разговор о смысле долгой жизни.

--Писатель Умберто Эко, уж и не помню какой он национальности, в эссе « Как подготовиться к безмятежной кончине» предложил достаточно небанальную идею.

Он достал с полки небольшой потертый томик и, открыв страницу на закладке, прочел:

«... в момент, когда ты покидаешь эту юдоль слез, попробуй обрести неколебимую уверенность в том, что весь мир (насчитывающий пять миллиардов человеческих особей) состоит из одних мудаков: мудаки пляшут на дискотеках, мудаки думают, будто постигли какие –то тайны космоса, мудаки предлагают панацею от всех наших бед, мудаки заполняют страницу за страницей пресными провинциальными сплетнями, мудаки—производители—самоубийцы, разрушающие планету. Разве не будешь ты счастлив, рад, доволен, что покидаешь эту юдоль мудаков?» Далее он пишет, что убедить себя в этом-- вдохновенный труд, и учиться этому надо не спеша, так рассчитав время, чтобы радостно прийти к полной уверенности этого перед самой смертью, встретив кончину беспечально и достойно. Лучшего совета я не читал ни у кого из классиков и великих ученых.

-- Николай Степанович, наверное, живешь, как образцовый холостяк. Встаешь с петухами, делаешь зарядку, бегаешь в трусах вокруг дома, так ведь.

--Ты, Лукич, наверное, имеешь ввиду бег трусцой от инфаркта?

--Вот, вот, именно его,....этой трусцой, елкин корень. Говорят, один китаец вот таким макаром добегался аж до 250лет. Не знаю, правда это или вранье?

--А ты что, Лукич, тоже хотел бы дотянуть до такого срока?

--А это, как про того слона в зоопарке, который может съесть сто килограммов бананов в день. Съесть –то он может и съест, да кто ему ,елкин корень, столько их даст. Мне бы еще годков пять шесть прокоптить небо и большое спасибочко Господу скажу в раю. Нам с Валюшей и командиром до перелета в мир иной одно важное дело сделать необходимо, на совести моей оно как пудовая гиря висит. Не сделаем, --нет мне прощения, елкин корень. Видит Бог, нет! Верно говорю, командир?

--Да, дело хорошее и правое. А вот с какой стороны к нему подойти, еще не знаю.

--Может быть, тогда и я могу чем –то помочь. Я готов хоть сейчас.

--Ты, Николай Степаныч, вряд ли... Хотя тебя это тоже касается. Но об этом позже.

--Как знаете, ребята. Если не доверяете....это одно, если меня бережете –другое. Время сегодня смутное. То чем я в свободное время занимаюсь, увы, никому, к сожалению, не нужно. Так по инерции занимаю свое свободное от унитазаов время. Запросы населения нынче поменялись радикально. Правит страной не гений мысли и не отец народов, а его ненасытное бездарное окружение и такое же бездарное, жадное до денег, частное телевидение, для которого важна только реклама. Мои философские и прочие литературные потуги, им, да и никому сегодня не нужны. Пишу в стол. До сего дня мой внутренний цензор, глубоко забитый в мозг

коммунистической силовой системой еще с тех лживых и кровавых времен, заставляет говорить с оговорками и оглядкой, так, на всякий случай, чтобы упаси Бог не пришлось бы опять лизать задницы лагерным вертухаям.

--Да тех лагерей, Коля, дано уже вроде бы и нет....

--Может быть сегодня и нет, хотя вряд ли, но, я же могу дожить и до завтра.....Правда, я честно ни чего не делаю для продления этого срока. По жизни я вижу достаточное количество стариков – самоубийц, которые с раннего утра, презрев радость позднего вставания, мучительно проводят физкультурную зарядку, неуклюже вскидывая ревматические ручки и суча увядшими ножками. Я их, обычно, наблюдал уже в больнице. Ибо их домашние утренние пробежки от инфаркта, которые зверски насильовали еще не проснувшийся с ночи их увядший организм, как позже оказывалось, двигали ими в ошибочном, обратном направлении. То есть приближали к нему. Я же, уже много лет веду нездоровый, но очень приятный образ жизни. Ибо богини Парки, ткущие мою судьбу, должно быть, задыхаются от моего частого курения, хотя и сами, думается мне, покуривают целебную травку из богатого набора зелья на Олимпе.

--Коля, ты, что врачам вообще не веришь и в медицину в целом тоже?

--Ну, Валечка не так категорически. Я отношусь к ней как к жене: --немножко люблю немножко ревную, немножко хочу другую. Среди докторов, конечно, изредка попадаются гении, которые что —то понимают в этой науке и даже могут, кое что подправить в здоровье. По слухам они даже воскресали умерших. Как, например, знаменитый алхимик и врач семнадцатого века Парацельс. Он, пишут, придумал эликсир бессмертия. Очень был талантливый человек и ученый. От медиков никуда не уйдешь. Поскольку самое опасное на склоне лет-- это страстное желание лечиться. Нет, безусловно, когда что—то, где--то постоянно свербит и болит, когда положение безысходное, приходится сдаваться. Если же только с помощью врачей вы хотите сохранить собственное здоровье—пиши пропало. Бросайте грабли и тушите свет. Ведь врачи не более чем обычные люди. Их, конечно, обучили кой чему. Например, бесцельно и бесполезно слушать сердце с левой стороны. И почти сразу отличать сухой кашель, скажем, от плоскостопия. Но дальше —чистое пространство домыслов и безответственных предположений. Врачам же тоже надо как — то выживать. И я заметил, чем меньше знает врач, тем авторитетней он выглядит. Кстати, тот же самый великий всезнающий создатель элексира вечной жизни, Парацельс умер в сорок восемь лет от элементарного гриппа. Поэтому я за народную медицину. То, что народ собрал за тысячелетия, попробовал на своей шкуре, для организма, не может быть фальшью. Ассортимент этих снадобий так велик и разнообразен, что просто нелепо его забывать и не пользоваться. Приведу один, замечательный, с моей точки зрения, пример, который я вычитал у одного очень мудрого человека.

Его товарищу —врачу однажды в полнейшей панике позвонил его коллега. У семьи хороших знакомых—жуткое несчастье: двухлетний малыш утром выпил бутылочку тормозной жидкости. Дитя ревет в голос, у него болит животик. Его уже отправили в больницу и сейчас будут делать промывание желудка и ставить капельницу.-- Малыша так мучить —глупо и жестоко,-- говорю я. Тогда советуйте что делать и вся ответственность ложиться на вас.

--Ты трубку не клади три минуточки, я подумаю,—сказал мой товарищ и позвал к себе лифтера Тимофеича.

Было известно, что старик завзятый выпивоха, однако на работу никогда пьяным не являлся, ибо всячески гордился, что он сотрудник такого ответственного учреждения. Мой товарищ у него спросил совета.

-- Ну, молодец пацаненок! -- Восхитился сосед, надо же — тормозуху выпил. Ты посмотри, как рано начал! А какую, -- для автомобилей или самолетную?

Коллега сообщил, что автомобильную.

-- Эта полегче пройдет, -- объяснил лифтер, -- она особенно под соленые грузди хороша.

-- А делать — то что надо?

-- А ничего, дай ему водички и пусть поспит. Уж если наревелся, то как пить дать уснет. В крайнем случае, дайте ему сонную таблетку. Ну, и, естественно, просрется он, конечно, само собой пока спит, и будет как огурчик. Ну, разве что с похмелья головка у малышки чуток поболит. Опохмеляться — то ему, пожалуй, еще рановато, пусть привыкает, с этим вопросом у него еще все впереди.... У его, как у собачки академика Павлова, так кажись, у этого доктора фамилия будет, со временем рефлекс на это дело образуется. А всякий хороший рефлекс он завсегда в жизни пригодится.

Все так сделали и обошлось. А Тимофеич польщенный, что попросили у него совета, головой покачал, выходя из кабинета, и дважды с некой печалью повторил:

--- Да, маленькие они сами просираются, им легче.....

-- Вот такая поучительная история, говорящая о вековой мудрости народной медицины. А старость, вне всякого сомнения, тоже имеет на фоне очевидных минусов и свои плюсы. Масса остроумцев придумали к этому возрастному феномену достаточно симпатичные афоризмы: -- Старость это послесловие к жизни. Старость — это переходный возраст :с этого света на тот. Или, -- старость, — это когда знаешь все ответы, но тебя никто не спрашивает. Или, — не бойся старости -- она проходит. Или, вот такой очень светлый афоризм: любой возраст хорош, пока он есть. Врачи придумали свой термин этому возрасту: « нефокусированный взгляд и неосознанное мочеиспускание. » А этот разве плох: -- чтобы постареть надо, как минимум до этого дожить. Так что нам, мужики повезло, мы до вскоре ожидаемого маразма дотянули, ну, а Валюше нас еще догонять и догонять. В общем, если не возражаете, -- закрыли эту нездоровую тему.

Командир кивнул головой, в знак солидарности и, как бы случайно, спросил:

-- Николай, а ты почему вместе с Лукичом не бежал из лагеря, ты, как я сейчас понял, для себя и для него побег — то и готовил?

-- Ну, не только. Бежали в подкопе под колючей проволокой двенадцать человек. Все надежные мужики. Я должен был прикрыть ветками место побега, чтобы часовые не сразу нас засекли. Но часовой с вышки заметил. Ребята — то успели, а мне вот не повезло.

-- А ты в лагере так старостой барака и остался?

-- Куда там. Избили до поломки костей и хотели пристрелить, но офицер, почему — то, пожалел, и я выжил до конца войны. До американцев, которые нас и освободили.

--А остаться у них ты мог? Ты же, наверно, слышал, что усатый с бывшими пленными в лагерях делал?

--Да так,...вроде бы и слышал, но не поверил, думал немецкая пропаганда. Уж больно много наших в концлагерях к концу войны дожили до победы. Миллионы! Куда думал такую армию бывших солдат девать вождю всех народов? Их же в лагерях кормить надо? Да и детей после войны кто делать будет? Как ни говори но чтобы восполнить военные потери в 27 миллионов душ, большая нагрузка на мужское население должна лечь? Ну, а что со мной стало дальше вы знаете.

--Хорошо, Николай Степанович, а почему ты после лагеря не попытался реабилитироваться?

-- А как, Лукич?

--Например, найти кого—нибудь из сбежавших?

--Ты память потерял. Еще троих я нашел, вернее фамилии их отыскал, а остальные, как в воду канули, да я и фамилий многих из них не знал. Скорее всего, мужики на сибирских лагерных лесоповалах Богу души, а Сталину последние силенки отдали.

-Положим, я сейчас многое вспомнил, да и Валюша разве не свидетель? Мы хоть завтра куда скажешь, пойдём и будем стоять на смерть, как в войну стояли.

-- В войну не стоять, а драться надо было. Мы и так почти три года стояли, если это слово можно к драпающим войскам применить. Это стояние нам дорого стало. Да и маловато вас одних будет, ребята. Если бы еще пару тройку свидетелей.... Да, ладно, не надо, как говорится, суетится под клиентом. Добиваться в ней чего—то, ценой падения клеркам в ножки,—я не буду. Характер не тот. Спасибо, ребята.

--Ну, ты, как знаешь, а я складывать ручки на груди, не намерен, елкин корень. Так, что не взыщи, Степаныч, не взыщи!

Командир подошел к книжной полке и достал довольно потрепанную книгу. Полистал странички, заглянул в содержание.

--Николай это твои пометки на полях? Книжка —то очень любопытная. Я её долго искал, но не нашел. А что тебя в ней заинтересовало?

--В ней много любопытных сведений о войне, много развенчанных мифов, и интересные цифры о реальной помощи союзников по ленд-лизу в ходе войны.

--И что, эти америкашки и англичане действительно здорово нам помогали?

--Не то слово Лукич. Без них мы бы не выиграли эту войну. Кстати, это слова самого Сталина. Если хотите, прочту несколько любопытных цифр.

--Мы никуда не спешим Степаныч, читай, послушаем. Любая информация, она только, как говорится, только на пользу идет, елкин корень. Давай.

Видите ли, роль западных поставок в годы войны традиционно умалялась советской историографией еще с начала «холодной войны». Говорилось лишь, что все западные поставки

составляли всего 4% от советского производства. А недавний союзник по антигитлеровской коалиции именовался не иначе как: « Ожиревший на народной крови монополистический капитализм Соединенных Штатов Америки». Да ,помощь союзников по ленд –лизу не отрицалась, но, якобы, существенно она не приблизила сокрушительную победу над Германией Советской Армией. Победу выковала мощная промышленность нашего тыла.-- Это, конечно, бред. Так Жуков в 1963 году в беседе с Константином Симоновым , подслушанной органами безопасности сказал: « Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали...но нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы не могли бы формировать наши резервы и не могли бы продолжать войну... У нас практически не было взрывчатки, особенно порохов. Не было чем снаряжать винтовочные и автоматные патроны. Американцы по—настоящему выручили нас порохами и взрывчаткой. А сколько нам гнали листовой стали! Да разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не их помощь сталью? А сейчас представляют дело так, что у нас всего этого было в изобилии.» Я не буду утомлять вас цифрами, не затем мы тут собрались, несколько наиболее показательных приведу. Они взяты из документов союзников, а уж что—что, но считать эти проклятые капиталисты умеют получше, а главное более честно, чем наши горе—экономисты. Правда, безусловно, это не их вина, директива была спущена, как вы понимаете, с очень высокого верха. Надо сказать, что действительно Сталин оказался честнее своих коммунистических наследников престола. В пятидесятые годы он честно признался, что без помощи материальных поставок США и Англии, СССР не смог бы выиграть войну. Есть такая очень точная эпитафия о Копернике, который отрекся от своего величайшего открытия в астрономии: « Он знал, что крутится земля, но у него была семья!»

Трусин раскрыл книгу и, вынимая закладки начал читать:

--Поставки США по бензину превысили собственное военное производство в 1,4 раза.

За время войны из США было поставлено 409 ,5 тысяч автомобилей, что в 1,5 раза превышало отечественное производство.

Поставка паровозов и дизель –электровозов превысила в 11раз, вагонов—10,2 раза .
Мотоциклов-- 1,2 раза. Для угля— в 2,1, для стали в 2, для алюминия тоже в 2.

Из США было поставлено 7057 танков и САУ, из Англии и Канады--5480. Самолетов из США—15481, из Англии --5480. США также поставили --7944 зенитных орудий.

Поставки сахара составили 41% от общего производства страны. Мясные консервы-- 108%. Не буду считать, сколько высокоскоростных станков оборудованных электронными ЧИПами. Так что сказки, что мы выиграли бы войну без этих поставок ,не более, чем очередной липовый советский миф.

--Красиво. Знаете, я недавно нашел немецкий сосисочный фарш в квадратных консервных баночках точно таких же, как те, американские. В войну эта американская колбаса у меня, да и у всех была самым дорогим и любимым продуктом. Я на пробу купил одну баночку, съел ее разом —точно такая же, как американская, помчался и закупил еще десяток банок. А Валюше уже и после войны очень нравилось американское молочное, а скорее соевое суфле на сахарине. Она за эти годы вспоминала об этом лакомстве не раз.

--Да, Лукич, в моих кулинарных воспоминаниях это было нечто! И еще я обожала дынный джем, тоже в баночках. Тут приезжал один наш знакомый эмигрант из Америки, все хвастал, что у них есть все, что только пожелаешь. Я попросила привезти в следующий раз хоть одну маленькую баночку этого джема. Он в следующий раз приехал и сказал, что обошел несколько магазинов, там были какие только пожелаешь джемы, но именно дынного не было. Так что, я посрамила нынешнюю Америку.

--А какие еще мифы ты отыскал в своих книжках?

--Ох, Лукич, мифов этих было значительно больше, чем хотелось бы. Например, миф о 28 панфиловцах, которые погибнув в героической схватке с немецкими танками у разъезда Дубосеково 16—17 ноября 1941года уничтожили за двое суток 60 немецких танков. Миф этот сочинил корреспондент газеты «Красная Звезда» Кривицкий. Статья эта получила огромный резонанс, по ней была написана поэма и, по—моему, даже снят кинофильм. На самом же деле у этого разъезда действительно был жестокий бой, в котором погибло не 28 красноармейцев, а 400 солдат, 600 пропало без вести, и 100 солдат были ранены. Такое положение говорит о том, что большое количество солдат попали в плен и большое количество раненых было оставлено на поле боя и погибли от потери крови и холода. На самом деле было уничтожено всего 5—6 немецких танков. Легенда о 28 героях —панфиловцах, шумиха поднятая этим мифом спасла командира и комиссара полка от суда за бездарно организованную оборону. Наспех из списка убитых были наугад выбраны 28 фамилий, которые были представлены Сталину, и Военный Совет Западного фронта ходатайствовал о присвоении 8—ой гвардейской дивизии имя генерал—майора Ивана Васильевича Панфилова, погибшего в этот же день, за «образцовые действия» дивизии на фронте. Кстати, среди этих списочных 28 погибших солдат, после войны оказалось два предателя, один из которых-- Иван Добробабин, как установило следствие проведенное в 1947—48 году, служил полицаем в концлагере. Очень похожим был миф о пятерых моряках--героях защитников Севастополя. Они в неравном бою ценою своих жизней уничтожили 10 танков. Этот подвиг был описан в листовке и так же имел огромный резонанс. Особый героизм этих моряков заключался в том, что когда кончились патроны бронебойных ружей, они, обвязав себя связками гранат ложились под гусеницы танков. Смысл этих подвигов был не очевиден, ибо, если уже удалось подобраться к танку, то гораздо толковее было бы просто кинуть эту связку под гусеницы, а не рисковать своим телом, которое могло лишь ослабить силу взрыва. Более детальное исследование этого подвига приводит к выводу, что эпизод с танками, вообще не имеет под собой реальной основы. Дело в том, что 7 ноября моряки —севастопольцы при всем желании не могли уничтожить 10 танков, поскольку к этому времени 11-ая немецко—румынская армия действовавшая в Крыму, не располагала ни одним танком или штурмовым самоходным орудием. Об этом в своих мемуарах писал германский фельдмаршал Манштейн. Писатель Платонов написал по этому легендарному эпизоду очень пронзительный рассказ— «Одухотворенные люди». В нем отважная пятерка не только уничтожает десяток танков, но еще и целую роту немецких автоматчиков в придачу! Да, я где —то согласен, что боевой дух армии и народа в целом в те годы надо было поднимать всеми честными и не совсем правдивыми средствами. Это был и легендарный Александр Матросов, который, как оказалось, не кидался на пулемет, а обойдя дзот, вместо того, чтобы, забравшись на него бросить гранату в амбразуру или вентиляционное отверстие на крыше, пытался неизвестно почему заткнуть этот воздуховод своим телом, а еще проще --расстрелять через него пулеметчиков. Через это отверстие немцы его и застрелили. Это миф о молодогвардейцах Краснодонска, из которого до сих пор непонятно--кто же их сдал ребят

гестапо не выдержав пыток—предатель Стахович или сам руководитель организации —Олег Кошевой. Это легендарный летчик, Гастелло, который, как оказалось позже, направил свой горящий самолет не на колонну немцев, а в поле. А на колонну направил свой самолет его напарник по звену, которого почти одновременно с ним подбили. Да, согласен, героические легенды в тяжелые времена нужны, может быть даже очень нужны, но....

Командир потянулся к бутылке, налил себе и остальным и задал еще один вопрос:

--Скажи Николай Степанович, ну диссертация диссертацией. С этим вопросом вроде бы разобрались, а почему бы тебе книжечку мемуаров было не написать в назидание потомкам. Талантами тебя Бог не обидел, лишняя честная книжечка, думаю, очень бы не помешала повзрослевшим нашим детишкам со временем разобраться в деяниях своих отцов и дедов. Если бы, конечно, таковое желание у них бы появилось....

--Ой, как сомневаюсь я в этом Егор. Ой, как.... Не та нынче пошла молодежь, не та!

--Да брось ты. Такие же глупые утверждения старшего поколения о своих детях и внуках были всегда. Вспомни извечную тему отцов и детей в мировой литературе и истории. Вспомни! Молодежь нынче образование нас и умнее. Просто не надо грести всех под одну гребенку. Ты получше, повнимательней к ним приглядывайся. Подростут—все станет на место почти у каждого. И все таки, почему же ты не писал мемуаров.

--Почему, спрашиваешь? Просто время было такое, пока мои травмированные войной и концлагерем мозги еще работали нормально, и могло возникнуть такое желание... В наших лагерях,—сам понимаешь, было не до мемуаров. Солженицин был гигантом наблюдательности и памяти, он смог запомнить огромное количество материала, достаточное для описания впоследствии ужасов ГУЛАГА. В меня, увы, таких талантов природа не заложила! ...А после А после,... тебе прочту одну любопытную листовочку, пущенную по рядам советских писателей во время съезда советских писателей еще до войны, 20 августа в 1934 года. В ней все очень правдиво и толково написано. Думаю, поймете. Ибо с той поры еще много десятков лет в нашей стране лучшим положение в этой профессии, увы, не стало. Аналогичная, очень похожая на эту листовку была распространена в писательской массе и отправлена в Кремль еще 1927 году, но я прочту вам последнюю.

--« Мы, группа писателей, включающая в себя представителей всех существующих в России общественно политических течений, вплоть до коммунистов, считаем долгом своей совести обратиться к вам, зарубежным писателям. Хотя численно наша группа незначительна, но мы твердо уверены, что наши мысли и надежды разделяет, оставаясь наедине с самим собой, каждый честный(насколько возможно оставаться честным в наших условиях) русский гражданин. Это дает нам право и, более того, это обязывает нас говорить не только от своего имени, но и от имени большинства писателей Советского Союза. Все, что вы услышите и чему вы будете свидетелями на Всесоюзном писательском съезде, будет отражением того, что вы увидите, что вам покажут и, что вам расскажут в нашей стране! Это будет отражением величайшей лжи, которую вам выдают за правду. Не исключается возможность, что многие из нас, принявшие участие в составлении этого письма и полностью его одобрявшие, и сами будут на съезде или даже в частной беседе с вами говорить будут совершенно иначе. Для того, чтобы уяснить это вы должны, как это будет нетрудно для вас, живущих в совершенно других условиях, понять, что страна вот уже 7 лет находится в состоянии, абсолютно исключаящую какую—либо возможность свободного высказывания. Мы,

русские писатели, напоминаем себе проститутку публичного дома с той лишь разницей, что они торгуют своим телом, а мы душой и совестью. И как для них нет возможности выйти из публичного дома, кроме как умереть голодной смертью, так и для нас.... Больше того, за наше поведение отвечают и наши семьи и близкие нам люди. Мы даже дома избегаем говорить, о чем мы думаем, ибо в СССР существует тотальная круговая система доноса и подслушивания. От нас берут обязательства следить и доносить друг на друга, и мы доносим на своих родных, друзей и знакомых.... Правда, в искренность наших доносов власти уже перестали верить, так же как не верят нам, когда мы выступаем публично и превозносим « блестящие достижения власти». Но власть требует от нас этой лжи, ибо она ей необходима, как своеобразный «экспортный товар» для нашего потребления на Западе. Поняли ли вы, наконец, хотя бы природу, например, так называемых вредителей с полным признанием преступлений ими совершенных? Ведь это тоже « экспортное наше производство» для вашего потребления.

Неужели вы не знаете о нашей тюрьме для живого слова — коммунистической цензуре? Неужели до вас не доходит лязг цепей, надетых вместе с намордниками на нашу литературу и весь русский народ? Правда, живое и честное слово, огромное течение русской художественной литературы, считается государственным преступлением. Наши классики этого направления изымаются из библиотек. Набегами особых инспекторов из библиотек и книжных магазинов конфискуется вся дореволюционная детская литература и все произведения народного эпоса. Современные писатели, заподозренные в идеализме, лишены не только возможности, но и всякой надежды издать свои произведения. Сами они объявляются ненадежными, изгоями, лишаются заработка и даже могут попасть в тюрьму. Любая рукопись в двух экземплярах идет в цензуру. Отпечатанная окончательно, она идет туда снова — для второго чтения и проверки. Любая ошибка или опечатка может привести к конфискации всего тиража. Печатается только то, что не расходится с обязательным для всех коммунистическим мировоззрением. Все остальное, даже крупное и талантливое, не только не может быть издано, но должно прятаться в тайниках. Найденное при обыске, грозит арестом, ссылкой и даже расстрелом.

Вы устраиваете у себя дома различные комитеты по спасению жертв фашизма, вы собираете антивоенные конгрессы, вы устраиваете библиотеки сожженных Гитлером книг — все это хорошо. Но, почему же, мы не видим вашу деятельность по спасению жертв нашего советского фашизма, проводимого Сталиным? Этим жертв действительно безвинных, возмущающих и оскорбляющих чувства современного человечества, больше, гораздо больше, чем жертвы всего земного шара вместе взятые со времени окончания мировой войны... Ведь у нас уничтожается лучший в России, да и в мире человеческий генофонд! Поймите же, наконец, это!

Почему вы не устраиваете библиотек по спасению русской литературы, поверьте, что она много ценнее всей литературы по марксизму, сожженной Гитлером. Поверьте, ни итальянскому, ни германскому фашизму никогда ни придет в голову тот наглый цинизм, который вы можете прочесть в « Правде» от 28 июля 34 года в статье посвященной съезду союза писателей: «....крупнейшие писатели нашей страны показали за последние годы заметные успехи в деле овладения высотами современной культуры — философией Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина....». Понимаете ли вы всю чудовищность подобного утверждения и можете ли сделать отсюда все необходимые выводы, принимая во внимание наши российские условия. Мы лично, опасаясь и поверьте не напрасно, что через год — другой недоучившийся в грузинской семинарии Иосиф Джугашвили (Сталин) не удовлетворится званием мирового философа и потребует, по примеру

Навуходоносора, чтобы его считали, по меньшей мере, «священным быком» (разве вы не видите, что весь СССР—это сплошной военный лагерь, выжидающий момента, когда вспыхнет огонь на Западе, чтобы принести на своих штыках Западной Европе реальное выражение высот современной культуры—философию Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Все это, «кстати», удивительно близко «философским взглядам» гениального писателя Германии-- геноссе Гитлера. То, что Россия нищая и голодная, вас не спасет от фашизма... Наоборот, голодный, нищий, вооруженный человек—это самое страшное.

И не надейтесь на вашу многовековую культуру, и у вас дома тоже найдется достаточно поборников и ревнителей этой философии, она проста и понятна, может быть многим. Еще раз повторим:-- «Мы проститутки по страшной, жуткой необходимости, нам нет выхода из дома терпимости СССР, никуда, кроме смерти!»

Трусин аккуратно положил листочки в книжку и поставил ее на полку.

--Предполагая, что я внес некоторую ясность в заданный вами вопрос коллеги. Если еще есть вопросы-- выкладывайте, не стесняйтесь, попробую ответить.

--Да-а, вот он каков, елкин корень, твой Валентина великий вождь.... Глубоко засел он в нашем социализме-- усатый конопатый!... Вроде бы, елкин корень, вон сколько годков назад дал дуба, а дело его вурдалакское все живет и живет. Живее всех живых, как говорится... Живее... Ну, что братцы, пора и честь знать. Утомили мы Николая Тимофеевича. Да и нам домой пора, мне сегодня еще с любимой женщиной--берданочкой 22 калибра всю ночь обниматься надо... Бывай, Степаныч, хорошо посидели. Есть о чем дома будет поразмышлять. Есть о чем. Скоро юбилей победы отмечать станем, хотелось бы очень и тебя на сходке увидеть. Прощевай, и дай я тебя обниму напоследок. Должник я твой до конца моей жизни. Большой должник!...Очень большой! Почитай, заново я тебя, да и себя сегодня узнал. Заново. Хороший ты человек Степаныч, вот только жаль, что на столько лет ты из моей контуженой памяти выбыл. Жалко! Вот она какая жизнь штука... Вот такая, елкин корень.

Домой добрались быстро на командирском УАЗике. Настроение тоже было неплохим, как ни говори, а боевые товарищи люди не чужие. Трусин Лукичу сегодня очень понравился. Цельный мужик, сильный характером, да умом и талантами Бог не обидел. Немудрено, что такой мужик Валентине полюбился. За такого и не обидно.... Лукичу до него-- ох да как далеко, елкин корень. Да что там говорить--то сейчас, когда жизнь, считай, пролетела. Одни воспоминания только и остались, да и то какие--то расплывчатые, как не свои все равно.... И что это за страна у нас такая драная. Сколько жизней хороших людей погубила. И вождей себе выбирала-- черти каких. По началу,-- палачей. Попозже дурака, а за ним застойщика. Потом болтун на лысину меченый всю страну развалил и пьянице ее отобрал, и на разграбление олигархам передал. А сейчас что?Ладно,.... что уж там,..... жизнь покажет.... Жизнь она такая штукаНепонятная простому человеку, но после ее окончания все встает на свои места, и каждый получает по своим заслугам. Каждый! Господь человек справедливый и порядок в его небесной канцелярии образцовый... не то что....Валентину жалко. Грустная она сегодня. И понятно это. Конечно, надо было бы ее пожалеть... Отвлечь как--то от былого..... Но с другой стороны если поглядеть, можно совсем наоборот еще и больше ей сделать. Вот и уютю включила, и доску гладильную расставила. Значит я не ошибся, так она, елкин корень, всегда мысли тяжелые из себя выглаживает. Вот такое у нее свойство существует. Как говорится, у каждого свой способ. Я, лично, стопкой другой организм нормализую.

И помогает. Правда, иной раз приходится еще парочку другую вдогонку запускать, так сказать, для верности. И все таки, надо как—то подглядеть, как это я из лагеря —то сбежал.... Так сказать, воочию увидеть своими глазами. Может быть, вспомнить— кто со мной еще рядом был.... Может, кто еще в живых остался? Вот тогда —то мы Степаныча точно из его положения вытащим. Точно.

--Валюша, И все таки, как я такой сумасшедший смог без шума за проволоку сбежать, елкин корень?

Валентина не отрываясь от глажки внимательно поглядела на мужа и спокойно, даже как—то даже безразлично, не повернув головы тихо ответила:

--Ты был не сумасшедшим, а контуженным, это разница. Временами ты приходил в себя, а потом снова замыкался. Это еще долго случалось с тобой уже после войны. А потом, лет через пять—шесть, совсем, видать прошло. Николай Степанович этот момент просветления и использовал для твоего побега.

--Что? Выходит все под меня и подстроились?

--Да, пожалуй, что так.

--Не понял, что это значит —под меня момент использовал?

--А вот так и использовал. Он же этот побег и для тебя тоже организовал. Без него ничего и не было бы. Он, староста все и организовал. Его все слушались. Он большой авторитет имел --у наших и доверие --у немцев.

--А ты —то откуда все это знаешь? Елкин корень...

--Знаю. Я много чего знаю. Знаю, да молчу. Молчу да знаю.

--Извини, Валюша, не допонимаю тебя?....

--Да чего здесь непонятного? Я ведь сама в том же лагере была. В женском бараке. Потом меня в лазарет лагерный определили, помогать врачу —поляку. Туда Трусин сам два раза попадал со своей падучей. А потом он и тебя перед побегом туда же определил.

--Так что же ты мне об этом раньше не рассказала? Да и тем кому надо?

--А что тебе было рассказывать—то? А им тем более! Тебя по головке, думаешь, погладили бы? Ордена медали вернули бы? Валил бы ты десяток годков сибирский лес, как Николай Степанович. Для этого памяти не надо иметь. А им —то что надо было рассказать? Что тоже в лагере была? Что тебя после побега оттуда вывела? Что по лесам, да болотам голодного недели две водила? Что сочинила историю про партизанский отряд, в котором тебя якобы контузило? Это?! Я, муженек любимый, НКВДешникам эту придуманную мною легенду со слезами рассказывала, чтобы тебя в расход не пустили, как дезертира или в другой лагерь не засадили. Героя —разведчика из тебя сделала. Такой театр перед пьяным майором разыграла, сам бы Станиславский рот раскрыл от удивления глядя на мое актерское мастерство. Недаром в школьной самодеятельности первой артисткой слыла. Правда, мамочку с батей тут поблагодарить бы надо. Очень этой тыловой крысе в погонах мои внешние данные по семенникам в галифе пришлось. Едва отбилась, вроде бы и

хлипкий с виду был крысенок, а прихватился за грудь—не отодрать. Сказалась больной по женским органам. Испугался сученок, отстал.

--Трусин—то в лагере неспроста старостой стал, он же людей агитировал. Я помню.

Открыл Америку, а то я не знала. А ты—то, интересно, откуда это помнишь? Что—то я за полсотни лет с жизни тобой таких всплесков памяти не наблюдала? Может быть, ты тоже в себе затаился?

--Да ничего, я не затаился, просто в последние дни вроде бы память тех годов кусками возвращаться стала...

--Чего это она вдруг? Может на полигоне кого—нибудь из наших старых вояк встретил? И бутылочку лекарства за встречу и для памяти раздавили?

-- Да, ну тебя, елкин корень! Говорю тебе ,что—то так в мозгах щелнуло и картинки прошлого как в кино увидел. И знаешь, четко так.... Как будто я там сам нахожусь. Как в подзорную трубу !

--Ну, и что увидел, расскажи толком хоть?

--Что, что? Много чего рассмотрел, много.... И как Сапунок подорвался от штыка Нечипайлы. И как пушечки наши родные перед ихней смертью целовали. Прощались как. И как уходили мы с Николаем Степановичем и тобой. И, как вы с Трусиным у березы целовались. И про то, как в бараке он меня от немцев покрывал и листовками наших агитировал замаскировано.

Валентина, продолжая гладить, удивленно подняла глаза на мужа

--Да, целовались мы с Колей. Один раз всего и целовались за всю жизнь. Один только и разок...к сожалению...

Валентина вынула из фартука платок, промокнула глаза, и отпила глоток воды из стакана стоящего на гладильной доске.

Я же любила его. Сильно любила. А вот не дождалась. Ждала долго, почти до 48-го. Все думала, может, жив он. Может, немцы его не расстреляли, и он с американцами или французами в другую страну попал и остался там. А может быть, попытается вернуться. Он же из лагеря практически уже и убежал, случайность подвела, а в мирное —то время это сделать проще. Там все же не колючка с автоматчиками на вышках, а наши союзники по войне. И письма писала в разные ведомства, не сидит ли такой—то в нашей тюрьме. Но никакого ответа, конечно не получила и сдалась. Тебя жалко было. Потом привыкла. Ты же, как маленький ребенок в первые--то годы был. Совершенно беспомощный. Пенсия крохотная за контузию, едва концы с концами сводила. Ты же знаешь русских баб. Они жалостливые и стожильные. А те, кто войну на передовой прошли, тех поломать еще куда как труднее.

Лукич опустил голову. Он, конечно, догадывался о чувствах жены. И все, что она сейчас рассказала, не было для него неожиданностью. Понимал он, что не большая любовь к нему в ЗАКС ее свела. Но понимать это одно, а услышать все из ее уст—другое дело. Ревновал ли он Валентину к Трусину? Наверное было и такое. Но сейчас—то зачем?... Когда есть хорошие дети и внук. Когда жизнь, считай, прошла, елкин корень, и думать об этом забыл. Полюбил он в войну санинструктора Валентину. Молоденькую, хорошенькую. Полюбил всем солдатским сердцем. Полюбил навсегда. И контузия со всеми ее последствиями не смогла выбить из солдатского сердца и почти убитого

мозга это сильное чувство. И спасибо судьбе, Господу Богу, если он все же есть, где--нибудь за облаками или, может быть, повыше--в космосе, что не убил он в его груди это замечательное чувство, частичку его отдал и Валентине, и соединил их сердца и тела на всю долгую и, как он считает, счастливую жизнь. На этом бы надо было разговор и закончить, а он, сдуру, возьми да и спроси:

--Ну, а как снова его встретила, в городе --то нашем, не всколыхнулось

разве?

-- А может, что и всколыхнулось, да когда же все это было. Мы уже стариками к этому времени заделались, елкин корень! Да и к тебе уже сердцем прирослась. Бабье сердце--то оно податливое на жалость и любовь. А ты --то всегда был ко мне очень уважительным....

--Да я тебя и сейчас не меньше чем в войну люблю.

--Ну, вот, глядишь, через полсотни с лишком годов и объяснились...

--Вот что, Валюша, я твердо решил, надо Николая Степановича реабилитировать, обелить, елкин корень! Первый орденосец в части, агитатор в немецком тылу, в полном народном равнодушии и забвении пребывает! Да я готов на улицу выйти и кричать в голос:-- «Не повинен он ни в чем! Верните заслуги ветерану! Елкин корень! Верните!» И вернут! Вот увидишь, вернут! Не все же у нас бюрократы и сволочи!

--Народ ты может быть и уговоришь, а вот наших чиновников --бюрократов-- вряд ли. Этих только взятка уговорить может! И не малая!

Звонок в дверь прервал разговор. Валентина открыла и впустила в квартиру командира. Лукич подскочил к нему и радостно обнял.

--Молодец Егор Тимофеевич, до чего же ты вовремя пришел. До чего же во времечко!

--А что случилось то, всего неделя с нашей поездке к Трусину --то и прошла. Заболел кто, что ли?

--Да нет же, все здоровы, просто опять заговорили о Трусине и решили, что надо за него с бюрократами биться. Как говорится, --на войне, как на войне, елкин корень! Там я, считай, три с лишком года не довоевал, так ут довоюю! Жалко такого хорошего человека. Раз он перед страной ни в чем не повинен--справедливость должна торжествовать! Я же, командир, украденной мною у Трусина жизнью эти годы прожил. Я, считай, их у него отнял! А забрал--отдай! Хоть сколько сможешь! Прав я?

--Как тебе сказать? Так судьба распорядилась...А за нее человек не в ответе, если не сподличал, конечно! А вот подлеца в тебе я не замечал, как--то.А вытаскивать Николая необходимо, ведь об этом мы уже у него, когда навестили, думали. Но какие доказательства есть?

--Как какие? Большие! Во--первых, Валентина знает, а во--вторых я вспомнил!

--Действительно, доказательства большие. Веские, что ни говори, доказательства. Неопровержимые! Одна, тоже, кстати, военнопленная, полсотни с лишком лет молчала, боялась в лагерь загреметь, вдруг застыдилась своего обмана государства и заговорила! Да и второй

свидетель и заступник , хорош! Отсидев в том же лагере срок до побега, да еще и без памяти по контузии, тоже вдруг воспрял от болезни, все вспомнил и пошел бороться за справедливость! Это, ребята, тот еще елкин корень у нас получится. Наши родные, мягкосердечные и честные до штрибок кальсон ФСБэшники, тут же расчувствовавшись, пустят крокодиловую слезу, сразу же, бегом, бросятся поднимать военные архивы. Непременно найдут и внимательно изучат все перечисленные мною биографии, включая Трусинскую. Все поставят на свои места. Николая Степановича наградят современными наградами, а остальных беглецов, если кто еще остался в живых, поглядят по седым головкам и сделают ветеранами прошедшей войны со всеми вытекающими отсюда льготами.

--Да, командир. Все так и было. Мы поздно вспомнили, елкин корень. Но на то уважительные причины есть. Валентина, по бабской дурости боялась. Что и говорить, насмотрелась, наслушалась, как НКВДешники после войны свирепствовали. Как голодные волки в овчарне себя вели, сучьи дети. Только сейчас полегче стало. Боялась, что меня из сторожей в конюхи разжалуют. Да и я Николая Степановича практически и не знал. Забыл же все и всех. Так, после войны разок видел мимоходом. Тебя –то тоже не узнал. Хорошо ты меня в трамвае по «елкину корню» опознал. Только слышал от Валентины про тебя, про него и об остальных ребятах, да и то, так, урывками. И вот только сейчас на твоём полигоне под снарядами память –то и раскрылась, елкин корень!

-- Не понял? Это, под какими такими снарядами?!

--Какими, какими--обыкновенными, фугасами. Я по старости своей числа стрельб перепутал:—чет, —не чет! Черт их знает, когда кто? Вот и попал, как хрен во щи! А как засвистело н , что интересно: —целыми живыми картинами! Вот какая трихотомия произошла, елкин корень!

Валентина охнула, и в ужасе закрыв лицо фартуком села на стул. Руки у нее тряслись, и из под фартука донеслись глухие рыдания.

--Батюшки мои! Это же надо! Под снаряды залез! Еще одну войну на ровном месте себе устроил. Мало ему прошлой контузии. Вот оно, значит, какое дело задумал, черт старый! А я то думаю : какие это такие бульдоги моему старому хрычу всю фуфайку в клочья изодрали. Еще и штопала их... тоже дура старая.... Догадаться не могла. Да и как тут было догадаться –то нормальному человеку, когда столько лет после войны прошло?! Это слава Всевышнему, что не убило совсем, что клочьями фуфайки дурачок отделался, елкин ты корень, чтобы не сказать покрепче! Господи, спасии помилуй моего дурачка ненормального!

Валентина подошла к иконке в углу и, встав на колени, начала громко причитая, истово молится. Командир вынул платок, вытер вспотевший лоб, налил из-- под крана большую кружку воды, выпил ее залпом, и повторил еще раз..

--Та—а—к! Ты что ж, Лукич, под трибунал решил меня подвести на старости лет? За что? Чем я перед тобой провинился?

Лукич подошел к буфету, достал початую бутылку водки. Дрожащими руками отвинтил пробку и, плеснув пару больших глотков в кружку, пробормотал,...елки едреные....

--А трибунал –то вряд ли знать захочет, понарошку тебя убили на полигоне или взаправду! И уж мне, поверь, впаяют по самые не хочу, по полной программе и по всей строгости. Это, как пить дать!

--Прости дурня, Егор Тимофеич, но для старого человека так важно хотя бы под конец жизни память молодости своей военной обрести, а для контуженного инвалида, может статься, еще и поважнее будет, елкин корень.... Не хотел я тебя подставлять, видит Бог, видит Бог,.... но под снарядами и не подумал об этом, а уже потом, позже, как—то и не до этого было....Так что прости, командир, старого солдата. Не со зла и всякого другого намерения под смерть лазил. За потерянной жизнью...

--Ну это хорошо, что все так обошлось, Лукич! Хорошо что обошлось.... А не обошлось бы?...

--И вот знаешь, что интересно, я когда про себя и других многое узнал, даже принял все, как будто, так и надо было. Как будто, ничего и не случилось этого со мной.... А ведь до этого, веришь, Егор Тимофеевич, тех, кто у немцев в плену побывал, за людей считать не мог. Все возмущалось в груди, елкин корень. Эта коммунистическая пропаганда насквозь человека своим враньем пропитывает! До костей и хрящиков в коленках! Вот уж насобачились наши всякие там органы карательные и те, что на самом веру, и те что пониже, народу мозги засирать,.....Да уж, насобачились, сучье отродье, елкин корень! Может, им казалось, что в лагерях у фашистов пленных, как в ихних спец столовках кормят, да еще и спец пайки в благоустроенный барак дают! Сволота, одно слово-- сволота, елкин корень! Ить, и Валентина, чай, все помалкивала в тряпочку. Видать боялась, что я от внутреннего расстройтва на себя руки наложу. А не наложил ить, елкин корень. Видать человеку на своей собственной шкуре надо все испытать, да мозгом своим все по местам расставить и запомнить, чтобы потом в тишине, все до конца окончательного осознать...

-- Я вот все соображаю, как нам Трусину помочь? Хорошо бы, конечно, к очередной дате, а тем более к юбилейной в ветеранский строй вставить, награды вернуть, да чтобы и по площади со всеми прошел....А ты Валюша, может быть, кого –нибудь помнишь, кто вместе с ним в бараке был, а еще лучше вместе с Лукичем бежал с его помощью?

--Двоих помнила, в лазарете лагерном недолго лежали. И фамилии даже знала—Егоров Николай из Харькова и Соломенцев Борис из Белгорода. Нормальные мужики были их фрицы в госпитале взяли, раненых. Обоим тогда лет по 20 и было, мальчишки из школы лейтенантов. Наводила справки через военкомат—без вести пропащие. Видать в лагере их в расход и пустили. Ребятки были шепутные. Тоже все бежать хотели....

--А так больше никого. Я, ведь, на женской половине находилась...

--Но вы же бежали группой? Может, все таки, кого оттуда запомнила?

--Группой, оно--то группой, это так, но как за проволоку вырвались, сразу разбежались как зайцы, кто куда... Правда, Лукичу трое молодых парней помогли. Довели до лесаспасибо им.

--Надо же какое глухое дело получается....Дрянное дело...

--Да, Лукич, дряннее некуда.... Видать не судьба Николаю Тимофеевичу. Дело дохлое, считай ,глухарь...

--Один способ остается все же...

-Это еще какой?

--Вот как раз тот самый, про который ты сейчас думаешь.

--Надо же? Ну, что ты, старый дуралей еще надумал? Совсем мозгами шевелить перестал!? Не пущу я тебя больше туда! Не пущу, так и знай! Выбрось из головы! А за грибами теперь будем вместе ездить и по тем дням, что и положено! Да и будь они прокляты эти грибы!

--Права, Валюша! Нам сейчас в этом хлебосольном доме только молодой вдовы не хватает. Зашибет тебя Лукич на раз! Как пить дать зашибет, ни за что, ни про что! Да еще не дай бог недолет!.... Артподготовка—дело далеко не шуточное, поверь мне на слово...Так, что , Валюша, глаз за ним, да глаз!

--Сговорились! Держать и не пущать! Как какие держиморды! Еще и до стола не дошли, рюмку не пропустили, а уже, глядишь, спелись на два голоса. Новый дуэт « АББА», елкин корень! Я вчерась, когда на полигоне в окопчике лежал себе, барак наш видел. Как Николай Степаныч листовку читал вслух для всех—громко так читал, с выражением. Как все равно артист какой, в театре. Помнишь Валюша, мы с тобой кинофильм по телеку видели про датского Гамлета? Принц такой был в давние времена все шпагой махал. Там еще такие слова были: « Быть, мол, или не быть?». Я, правда, тогда не очень понял, кем он хотел быть, принц этот датский, но Николай Степаныч не хуже этого артиста тогда в бараке эту листовку читал. Я вот сейчас думаю-- он же сам ее и написал! Наверное? А кто же еще? Такое мог сказать сам Ленин или Карл Маркс со своим Энгельсом. Смелый он человек. В бараке всякого дерьма порядком было. Один Митяй чего стоил. Из блатных был, вор домушник. Такому сдать его немцам за понюшку табака, было как два пальца струей замочить. А вот не испугался, прочел с выражением! Молодец он! Одно слово и есть!... Я из этой листовки некоторые слова запомнил. У меня, вообще, что теперь вспоминается, крепко в башку засаживается, очень даже крепко! Все запоминаю, елкин корень! Все буквально! Ночью разбуди-- расскажу!

-- Механизм памяти сложная штука. Наука до этой разгадки еще не дошла....

--Так, значит, вот какие слова там были, и главное, складные: «Выжить здесь, оставшись человеком, это уже величайший подвиг. Выжить и стать свидетелем—это твой долг»... Вот, елкин корень, какие были слова....Значит, Николай Степанович совершил величайший человеческий подвиг, и наша совесть тоже должна быть чиста перед героем!

--Лукич, тебе уже пора лезть на трибуну! Ты просто готовый трибун, агитатор и пропагандист. Особенно убедительным у тебя получился финал! Про чистую совесть перед героем. У меня нет такого пафоса в подходе к героическим подвигам, но то, что очень хотелось бы помочь реабилитации Николая Степановича, это бесспорно и не нуждается в дальнейшей дискуссии.

--Молодец, командир, у тебя это тоже складно получилось. И особенно мне понравился конец— про дискуссии. А теперь скажи без этих трибунных выражений :--ты готов пойти со мной под стрельбы или боишься, что под фугасами наложишь в подполковничьи штаны. А то гляди я тебе

эти,... как его,... все забываю, елкин корень,-- мамперсы куплю, так вроде бы, нынче подгузники кличут.

--Не мамперсы, а памперсы!

--Верно, Валюша, верно. Только название у этих говно накопителей неправильное, --малышке на пупочку их не папы надевают, а мамыши!. Скажешь, не прав я? Елкин корень!

--Прав, прав, муж всегда прав, даже если он и не прав. Мир полон несправедливостей. Но тебя я одного все равно не отпущу. Все вместе и поедем!

--Ладно, поедем вместе. Вместе вспоминать будем, вместе и под трибунал пойдем. Вам, правда, трибунал не грозит. Ответ с меня будет.

-- Нет, Тимофеич, с тобой и Валюшкой не получится. Вы меня отвлекать будите. Мурашки спинные могут и не повылазить. Тут страх должен весь организм прихватить, елкин корень, Такая уж у этого явления технология, так сказать! Ты, командир, в сторонке, да подальше от меня постоишь. Так, сказать, подстрахуешь, на всякий там случай. На фрос-- мажор, как мой начальник говорит. А я уж постараюсь. И фамилии, если смогу, опрошу...

--Не фрос, а форс.

--Один хрен, как говорится. Что фрос, что форс, результат, елкин корень, один! Самый, что ни есть-- летательный, как говорится....

--Не летательный, а летальный.

--Летательный! Именно летательный! Душа—то, она что после смерти делает? Она на небо улетаёт, к Богу в рай! В самые, что ни есть райские кусты.

--Не кусты, а кущи.

--Надоела ты мне, Валюша! Больно образованная стала! Никакой мочи от тебя уже нет! Не-е-т, я тебя с собой в эти кущи не возьму, ты мне там всю райскую жизнь испортишь своими поправками. Я вот лучше о командире похлопочу перед Петром или Павлом, с ним мы под райскую музыку, Есентуки номер четыре и чирикание птиц будем за бутылочкой душевные беседы вести.

--В раю водки нет! Там сухой закон.

--Надо же, Горбач со своими глупыми запретами и туда уже добрался! Ну, ничего, мы и на райской мальвазии душевные беседы организуем, просто побольше ее затарим. Там же она бесплатная! Бери, пей, не хочу! Зато, говорят, после нее никакого похмелья, голова не болит поутру, сколько с вечера не выпьешь. Градусов в ней не много.

--Интересно, кто это на себе в раю проверял и обратно на землю информацию спустил?

--Пожалуйста! Сосед, Василий! Он эту весточку по интернету от своего почившего тестя получил. Тот пьяница был, не приведи Господь, но в этих компьютерах—колдун. Все мог достать из своего

гугла, любую информацию, откуда хочешь! Васька тоже большой потребитель этого дела, но умом в своего тестя пошел! Специалист высшего класса! Елкин корень!

-- За приглашение спасибо, воспользуюсь непременно, но мне одно не совсем понятно—ты что и разговаривать с этими своими видениями можешь?

--Честно говоря, еще не пробовал, хотя себя там видел, и с ребятами разговаривал. Но это, как бы, в прошлом было... А как сейчас будет?....Просто целью такой не задавался. Сегодня попытаюсь, если что, елкин корень.

.....X.....

На сей раз Лукич ехал на полигон с легким сердцем. Валентина и слова поперек не сказала. Еще бы, на этот раз его страховал сам командир. Мотоцикл он оставил в гараже, добирались комфортно на УАЗике Егора Тимофеича. До полигона доскочили махом. Все же, как ни говори, а зря ругают наши УАЗики. Конечно, на джипе крутить баранку куда как полегче, все же гидроусилитель руля, как ни говори, мотор раза в два, если не в три, посильнее, да и подвесочка, куда как помягче, не говоря уже про внешний и внутренний марафет. Зато месяцок другой руль покрутишь в полевых условиях, мускулы так накачаются, никакой штанги с гантелями не надо. Конечно, что естественно, на наш вседорожник расфуфыренную кралечку не больно —то заманишь, платье модное, глядишь, замарает, да и шик ну никакого. Но, ежели взять по проходимости и надежности в переводе на отечественные дороги, с их выебинами и колдоебинами,—то нашему козлику, ох какая есть возможность с этими буржуазными фраерами, которые только на валюту и возьмешь, на распутице или лесной дорожке потягаться! Чтобы, елкин корень, не выеживались! Наши дорожки--это не ихний капиталистический Бродвей, елкин корень! Да и оставить везде можно—не больно их и воруют угонщики. И цена для них не та и рынок другой. Не то бобло в наваре, как молодежь сейчас выражается. Не стоит париться. Командир машину подальше от полигона поставил и пошел взглянуть на окопчик. Вроде бы ему понравился. Однако, для порядка вынул саперную лопатку и еще сантиметров на тридцать углубил. Копал споро и аккуратно, благо и время еще было, и сноровку военную старый вояка еще не совсем потерял. Бруствер соорудил как надо, и дерном его укрепил, чтобы от воздушной волны не разваливался. В общем, окопчик, получился на загляденье. Сам прилег, не побоялся китель замарать, примерился, потом мне залезть приказал, поглядел сбоку, остался доволен. Хороший был в войну командир и человек, таким и остался в мирное время на гражданке. Побольше бы таких! Так и время незаметно истекло, а ведь ,казалось, по началу, что сильно загодя подъехали... Сверили часы. Командир отошел к машине. Лукич занял позицию. Проверил на месте ли карандаш и блокнотик, а тут как раз и засвистели голубки фугасные. Все точно, минута в минуту. А тут и мураши по спине и в паху забегали и представление началось в полномасштабном объемном виде. Как в стерео кино, а то и лучше, яснее. Сначала появилась двухрядная колючка. Потом первый беглец объявился. Лукич пригляделся—Митяй. Оно конечно и правильно, так и должно было быть спланировано. Митяй тот на работу всегда последним плелся, охранники его и прикладами угощали и собаками стращали, а как бежать так ловчее его не сыщешь.... Во-- первых он самый здоровенный и к побегам привычный, можно сказать, тренированный, сукин сын. Вор—он и есть вор, а Митяй еще и в «вор законе»! Это у ихнего брата в «малине» и тюрьге-- высокое звание. На советском партийном уровне, считай, оно к секретарю райкома может быть приравнено, это чтобы понятнее было. Правда, те больше из кабинетов с кожаными диванами, и длинноногими секретутками правят. И, в

основном, делают это при помощи телефонов, приказов и выговоров по партийным линиям на бумагах с гербовыми печатями. Матюгаются они тоже нередко и не хуже воров в законе! И где их только этому боцманскому языку обучают? Не на партийных же собраниях? За Митяем вылез из под колючки Иосиф, это который умный еврейчик из Одессы. Ему Митяй помог, проволоку повыше подержал. Потом еще сразу пять человек, один за другим. Вот и он сам, наконец показался, ему и Митяй помог, и Трусин с другой стороны колючку попридержал. Потом еще пять мужиков рядом поползли. Двое, что поначалу тоже помогли Лукичу вылезти, бросили его и лихими зайцами поскакали к лесу. Но три парня подхватили и потащили к придорожным кустам. В этот момент с вышки по колючке загремела автоматная очередь, забегал луч прожектора. Все четверо затаилась в канаве.

--Ну, что, Лукич, в Бога--то веришь?

--А кто он есть, этот ваш Бог?

--Я и забыл, что ты у нас контуженный на память. Бог, Лукич, это самый большой человек в нашем деле, самый, самый! Он покруче собаки Гитлера и самого товарища Иосифа Сталина. Этот на любом расстоянии, что хочешь с человеком, или даже блохой и тараканом сделать может. Ему главное захотеть. Но хочет сделать он доброе дело не часто. Очень редко хочет. Иная бабка всю жизнь в церкви поклоны бьет и иконы вылизывает, а вымолить у него здоровья или еще чего не получается. Но я слыхал, что всяких убогих и дурачков он любит. А ты же у нас со своей контузией и есть убогий дурачок.

--А убогий-- это что?

--Убогий это вроде, как все равно мудака, у него котел испортился и не варит. Но ты сейчас лучше помолчи, некогда нам тебе в данный момент память возвращать. Сейчас смываться пока толком фрицы не хватились надо. А сирены, слышишь нет, значит, часовой на вышке решил, что ему показалось. Вот только жаль, что ребятам проскочить уже не получится, этот, гад, теперь внимательней следить за колючкой станет.... Поползли....

Лукич попытался встать и спросить у ребят их координаты, но по вою летящего снаряда понял, что тот упадет не долетев. Взрывом его выкинуло из окопчика и подняло над землей. Он ударился о край бруствера и почувствовал резкую боль в груди, покотился назад, подальше от разрывов. Как ни странно, но сознание у него не выключилось. Оно, как бы раздвоилось. Он вновь увидел себя, но уже старого, сегодняшнего.... разговаривающего с тремя помогавшему ему товарищами по побегу. О чем он их спрашивал, и что они ему отвечали-- он не усек.... Нестерпимая, резкая боль закрыла плотной черной пеленой сознание и, мозг как --то странно отключился. Он увидел длинный туннель, в конце которого был яркий свет. Его легко, как пушинку несло с огромной скоростью по этому туннелю к этому свету. Боль прошла. В теле появилась необыкновенная легкость. Он просто не чувствовал его. Это был скорее дух, а не плоть. Еще мгновение и его пулей выбросило в светлый, наполненный всеми переливающимися цветами радуги мир. Вокруг летали какие --то довольно большие легчайшие пузыри с глазами, из которых исходило тепло и еще, что --то живое.... Иначе он не смог объяснить себе, что же это такое. Негромкий, теплый, но в то же время очень строгий голос остановил его вращение вокруг своей продольной оси и произнес:

--Ты честно и правильно прожил свою жизнь. Ты выполнил в том мире все, что тебе было предопределено в книге судеб. Но твое вечное существование здесь, еще совсем немного

повременит. Ты должен не надолго вернуться и простится с любящими тебя на земле людьми. По возвращении сюда вторично, ты пролетая тоннель короткого земного пребывания, вспомнишь всю твою прожитую жизнь, со всеми ее радостями, горестями, невыполненными чаяниями и неоплаченными долгами, и поймешь, чего ты стоишь. Поймешь и сам очень честно оценишь ее. А пока, ты можешь попросить меня о чем—то очень важном для тебя сейчас.

--А вы—то, кто будете здесь? При какой должности состоите? Неужто Вы --Сам Господь бог?

--Нет, я диспетчер —распорядитель.

--Ах, вот оно как... Понимаю, Господу одному--то за всем не углядеть, тут, ох какой большой штат необходим....Учеников святых, ведь тоже всего двенадцать.... Хотелось бы полюбопытствовать, как там у моих родных дальше жизнь сложится? Я имею ввиду-- уже без меня?

--Как обычно. Сначала жена ваша, Валентина к вам прилетит. Годков, эдак ,через пять. Точно не помню дату, надо заглянуть в книгу судеб. Потом за ней прилетят и ваши сегодняшние друзья—однополчане. Так, что не успеете толком и соскучится.

Лукич на мгновение представил себе картину внизу на полигоне. Увидел, как бы сверху, стоящую возле его тела любимую, плачущую Валентину, внука, командира и стоящего в стороне Трусуна. Какой—то комок сдавил ему несуществующее сейчас горло, и на его таких же несуществующих, призрачных глазах навернулись слезы. Он попросил голос приблизиться ближе и тихим шепотом попросил его найти имена и фамилии тех людей, ради поиска которых он закончил свое земное пребывание. Голос ничего не ответил, и он снова влетел в тоннель, но уже с другого конца и в обратном направлении... Сознание было светлым, и обратный путь длился значительно дольше. Неожиданно он начал вспоминать какую—то передачу по телевизору, в которой очень солидный дядька, скорее всего академик, которых нынче развелось как крыс в подвале, долго и по ученому рассказывал о том, что смерть —это глупая выдумка недоумков. Что человек просто перемещается в какой—то там параллельный мир, где существует вечно, но, к сожалению, его общение с прошлым миром чрезвычайно затруднительно, хотя и возможно, при определенных обстоятельствах.... Например: телепатия, гадание, общение с призраками, вызывание человеческих душ с помощью блюдца на круглом столе с буквами, спиритизм, и прочая чертовщина. А раз так, подумал он,... значит, я еще не умер окончательно. Значит, еще есть надежда увидеть своих.... попрощаться.... Рассказать об этих троих ребятах, с которыми бежал. Жаль только не помню, записал я их фамилии или не успел. Да и голос этот был, не знаю уж и чей?... Может самого Бога, а скорее, какого--нибудь святого чиновника из малоизвестных, ... Богу и без меня делов хватает. Он хоть и Господь вездесущий, но, сколько же можно загружать порядочную личность? Надо же и совесть знать!

Приземлился без удара. Просто открыл глаза и увидел своих. Лица озабоченные, хлопотливые, кой у кого даже заплаканные... Командир стоит над ним на коленях.

--Лукич! Лукич! Где ты? Жив? Открой глаза! Родимый ты наш! Жив! Жив он! Надо же, очнулся? Минут двадцать без дыхания был...Я уж было решил, что осиротил ты нас. Ан, гляди, очухался! Молодец ты, герой! Одно слово только и есть—герой!. Ох гиря с сердца свалилась! Лукич, ты говорить можешь?

Лукич попробовал поднять руку, но не смог. Говорить попробовал, но голос сильно ослабел. Шепот такой, не очень внятный, а, скорее, даже, можно сказать, сиплый, но все же из горла показался...

--Опять недолет, елкин корень.... Порох экономят, паразиты.. В войну им за такие дела Сталин бы трибуналом яйца поотрывал...Под корень. Это уж точно, елкин корень. Командир, ты возьми это на заметку.

--Возьму, возьму, Лукич. Обязательно возьму. Так не оставлю. Брак это, чистый брак. Не порядок это...

Тарахтение старого ИЖа, на минутку отвлек его. Из коляски Костик с трудом вытащил Валентину и, почти взвалив на себя, потащил к мужчинам. Валентина вдруг остановила его, выпрямилась и сама без его помощи побежала к Лукичу.

--Бабуля, стой! Куда понеслась! Свалишься же, расшибешься нафиг! Потом еще и тебя будем по косточкам собирать! Валентина не слыша ничего, добежала до лежащего на плаще командира Лукича и, с громким криком рухнула перед ним на колени, рыдая в голос:

Убили, ироды! Ироды вы и есть! За что убили--то. Ой да говорила я тебе, малахольный ты мой! Не ходи! Не ходи, убьет! Так и стало! Так и стало! Миленький, золотенький мой! Любименький, только не помирай ! Только не помирай!

Командир нежно погладил ее по голове и поцеловал в висок.

--Дышит он Валюша, дышит! А раз солдат дышит, значит жив, и будет жить дальше... Видишь, он и руку чуть приподнял, значит прав я, все устаканится.

Валентина не слыша его, продолжала рыдать в голос, прижавшись лицом к груди мужа.

Валюша не плач. Видишь, он все понимает и даже говорит, а уж про поднятую руку и не говорю, а это значит, мозг в порядке, не задохнулся без кислорода, выжил молодец! Солдатский мозг,-- он мозг не простой, не какой там штатский, он особенный, закаленный, даже через полсотни лет в нем военная закалка и живучесть сохраняется!.

--Дед, ты молоток! Смотри, как все равно древний Лазарь. Сначала он Богу душу отдал, а потом его Христос оживил, причем уже всего зеленого и с запашком. Так и с тобой вышло. Только ты у нас еще свежачок ,а вместо Христа, бабуля тебя своим плачем вымолила у этого самого Бога! Видать, не успел тебя старина Хорон, так, кажись, этого лодочника, перевозчика мертвых душ на тот свет через речку Стикс звали. Алкаш он был, бабник и взяточник, блин, тот еще!.... Я кино по телеку про тот свет глядел. Классная завируха! Четкая! Там этого Харона—лодочника классный артист играл, точно не помню имя, то ли Машков, то ли Папанов, но гигант! Так что, не парься, жив будет наш предок! Смотри, бабуля, у него кровь с правой стороны течет через ватник, ее чем—то заткнуть и перевязать надо. Егор Тимофеевич, у вас в машине аптечка есть?

--Есть, Костя, в багажнике с правой стороны лежит, в железной коробке из под конфет немецких, еще трофейных, тащи скорее.

Валюша, перестань, девочка, рыдать. Осмотри мужа, это твоя специальность. Видать, его действительно осколок справа зацепил.

Валентина с командиром приподняли Лукича и сняли ватник. Справа из раны в районе печени медленно фонтанировала кровь. Валентина охнула и отключилась, привалившись к командиру.

--Вот те фокус! Сержант Балужева! Это еще что за проявление женской слабости в боевых условиях. Вы что, под трибунал хотите пойти?! А ну очнитесь и поспокойнее, поспокойнее. Ты это что? В войну раны куда как пострашнее были и ничего, в обморок не падала, с поля боя в траншею бойцов вытаскивала, и если надо было, прямо в блиндаже конечность ампутировала! Я же помню! А тут так раскисла! Вон Костя аптечку несет, там полный военный боевой набор, все вплоть до шприцев и ампул всяких.

Валентина медленно открыла глаза и, глубоко тяжело вздохнув, начала хлопотать у раны. Командир активно взялся помогать ей.

--Ну видишь, ранка --то не такая и большая. Сейчас мы ее тампончиком заткнем, укольчик от сердечной слабости сделаем и порядок будет. Как новенького в больничку повезем. Верно, Валюша!

--Верно--то, верно, но место уж больно нехорошее этот осколок подыскал. Боюсь, печень он мог задеть, а тогда кровотечение внутреннее будет и нам его не остановить без операции.... Ах, дура я, дура, зачем отпустила, ведь как чувствовала! Как чувствовала....

--Бабуля! Давай я сейчас рубашку разорву на полоски и тампон покруче будет. Ты не бойсь, рубашка у меня чистая. Ты же сама мне ее сегодня переодеть дала!...

Лукич приоткрыл глаза и попытался обнять жену, но смог только пошевелить рукой, поднять выше не хватало сил.

--Да не реви ты, мать. Не рви зазря сердце--то, елкин корень. Обойдется и на этот раз... Я еще ого--го!...У нас, у Бондаревых, завсегда здоровья на полную жизнь хватало. Мы крепко обручами с клепками схвачены, не хуже дубовых бочек.... Нас так просто, так, на фу-фу, голыми руками не поломаешь, не возьмешь. У нас ведь какое особенное строение организма:-- снаружи крепкая бочка, а внутри Иван Царевич сидит, богатырского сложения, и не какие волны и штормы нам не страшны. Не страшны, елкин корень! Поняла?!

--Дедуля, ты офигенный путаник. Какого черта тебя опять потащило под стрельбы? Ну отметил бы себе эти дни на календаре и порядок. Ты знаешь какой базар мне бабуля устроила! По утру половником с кровати подняла чуть свет. Поехали, поехали! Сейчас деда снарядом убьет! Я ей говорю:-- бабеч, не парься, я знаю, где этот полигон. Мы туда махом долетим. Ой, дед, пороть тебя некому!

--Не шуми, внучек, я оклемаюсь. Постой в сторонке, не мешай ей оздоравливать деда....Валюша, слышишь, я запомнил. Позвал их всех троих назад в кусты и адреса и фамилии запомнил. Всех троих, слышишь? Всех троих, елкин корень ...

-- Да помолчи ты, неугомонный. Каких там еще троих--то? Ох, горе ты мое! Радость ты моя! Боль ты моя!...Как я без тебя жить --то стану?

--Дед! Не бойсь! И ты бабуля тоже. Ништяк! Бондаревы афигенная фамилия! Пробьемся!

--Они, Валюша, уже у самой кромки полянки были, у самого, можно сказать, леса. А я им так громко из кустов— мол, постойте братцы, адресочки оставьте на будущее... И рукой вот так их в кусты поманил... Они и вернулись... Хорошие ребятки...Хорошие.... Хорошие, елкин корень... Другие может и не вернулись бы... Митяй, к примеру... А эти сразу вернулись. Особенно когда я их рукой, вот так, к себе поманил...Так все трое и возвратились к кустам...так и возвратились...

--Бредит он, наверное, бабуля. Видишь мысли у него все в раскоряку....заплетаются....

Валентина вытерла слезы и, обтерев кровь с рук тряпицами от Костной рубашки, кивнув головой внуку, прошептала:

--Бредит, бредит, сердечный... Если в больницу через полчаса не привезем его, не спасем от внутреннего кровотечения...

Командир наклонился над Лукичем и пощупал пульс .

--Да, сердечко сдает. Поехали, пока не поздно...Как ты, браток?

--Все путем, Тимофеич, все путем. Я адресочки —то их зафиксировал. Всех троих. Я их на бумажку записал для памяти. А то, вдруг, думаю... Мало чего там...Всех троих запомнил и фамилии тоже. На всякий случай.. А то, думаю --мало ли какой фокс —манжор случится, елкин корень... Жисть она ведь такая штука... неопределенная...

--Лукич, ты лучше помолчи. Не трать зря жизненную энергию. У тебя и так ее не много осталось.

--Да ничего, Егор Тимофеевич, пусть лучше разговаривает, это его отвлекает от забытья... Я в войну всегда пыталась разговаривать с ранеными, так им полегче вроде было....Лукич, миленький ты слышишь меня? Скажи что —нибудь, не молчи...

--А ты не переживай, Валюша, у всякого человека свой срок есть. Он в небесной канцелярии зафиксирован. Сволочи и черепахи живут долго.

--А почему черепахи?

--Черепашам Бог такое назначил, а сволота-- та кровь человеческую сосет, бюрократией своей, и по маленьким кусочком эту чужую жизнь себе присваивают, этим самым и век свой продлевает... Человеку отпущено Господом семьдесят годков, а все остальное он от тех, кто не дожил до этих годов берет. Не сам берет, ему это тот же Господь прибавляет. Я, женушка моя золотая, свои года прожил. Хорошо ли прожил, или может плохо, это с какой колокольни поглядеть... По разному скорее всего. И не перечь мне, так только Бога обижать станешь. Я с ним в те двадцать минут, что в отключке находился, беседовал. Жизнью моею он, по всему видать, удовлетворен. Потому, как вернул, правда сказал, что совсем ненадолго обратно. Я ему про Николая Степаныча все чин по чину изложил, и он с моим решением согласился. Сейчас меня там у него в небесном приемном покое уже ожидают. Буду я там находится вечно, но только не в моем теле, в обличии пузыря с душой и глазами. Я их там вдел, эти пузыри. Ничего, даже симпатичные ребятки. Глаза у них добрые, вот, как твои, Валюша, когда ты меня не ругаешь... И сам, если честно сказать, все эти двадцать минут таким же пузырем был, сразу им стал, как из туннеля вылетел с той стороны, на свет божий... И знаешь, ничего, жить можно, только с непривычки рук, ног и прочих причиндалов не хватает. Но ничего человек, если у него душа и глаза есть, ко всему привыкает. Правда, райских

кущ я там не увидел, врать не буду и ангелов с крыльями тоже. Там светло и пусто. Космос, одно слово. Безвоздушное пространство, как у Гагарина и Терешковой. Так что можешь во всех справках честно писать, что нынче ты жена космонавта, а была сторожа. Видишь, повысили, значит. А Трусина не забижай, он еще сильно любит тебя... Человек—то он уж больно хороший... Ну, а теперь поцелуй мужа на прощанье, пока теплый, елкин корень, Бог уже завет...

Лукич закрыл глаза, и тихо отошел в свой космос. Валентина обняла его, прижалась к еще живым теплым таким родным губам и заревела ... Костя тоже встал на колени, прижался к голове деда и тоже беззвучно зарыдал.

--Бабуля, бабулечка... Милая, любимая моя, не плачь, ему хорошо сейчас. Он летит по своему туннелю в божий космос и будет оттуда смотреть на нас и скучать, пока мы не прилетим к нему тоже. А мы же прилетим! Обязательно прилетим, так уж мир устроен, елкин корень...

Командир снял фуражку, вытер пот со лба, и смахнул крупную слезу катившуюся по щеке к усам.

--Не утешай ее, Костя, пусть поплачет. Торопится нам уже некуда, а слезы помогают. Помогают... Сердце от тяжелого груза отмывают. На то они и даны человеку, да и не только ему...

Костя очень нежно погладил Валентину по голове. Вытер рукавом куртки глаза и негромко, прерывающимся голосом спросил:

--Что же теперь будет, дядя Егор?

Командир тяжело вздохнул, надел фуражку прикурив сигарету от бензиновой зажигалки из боевого винтовочного патрона, подарок старого друга фронтовика, большого умельца по этой части. И, выдохнув облако дыма от глубокой затяжки, медленно, словно чеканя слова ответил:

--Да, что и должно быть. Трибунал.

Трибунал?! За что, дядя Егор?

--За честное имя человеческое, сынок. За честное имя. За него твой дед и отдал свою жизнь, как на войне. Не смог дальше жить в нечестности, хотя и не в своей. За такое в войну геройские награды давали. Валечка, вставай родная наша сестричка. Он не умер, он без сожаления жизнь свою отдал за то, чтобы человечество долги свои честно платило ...Хоть это и фанфарно звучит, может избито, по казенному, но так оно и есть, а слово из песни не выкинешь...Ладно, горевать будем позже, а пока давай его в машину отнесем, да поудобнее положимпока он еще теплый.

--Пока теплый... Господи, Лукич мой муж родной и самый любимый, прости ты меня, дуру старую неразумную, если не так ценила тебя, не так любила при жизни!... Прости и попроси там наверху Бога поскорее забрать и меня к тебе! Мне без тебя тут какая жизнь... Какая жизнь...! Родненький ты мой! Любушка ты моя!...

--Знаете, Егор Тимофеевич, а это, может быть, даже и хорошо если трибунал будет! На нем эту историю и рассказать можно будет! Мы с Костей и бабулей расскажем, как дед втихаря, рискуя жизнью под снаряды ходил вспоминать свою настоящую прошлую жизнь. И все только затем, чтобы доказать правду о человеке, которого надо было наградить, как героя, а не гноить десять лет в Сталинских концлагерях. Сволочи они все тогда были. Вот их бы и надо было потом, а кого,

может и сейчас в Сибирь лес рубить отправлять. У нас про эту историю весь класс знает, Костян проболтался!

--Спасибо за поддержку, утешил. Помоги мне с Лукичем.

Мужчины подняли тело солдата и понесли к машине. Правая рука Лукича безжизненно упала вниз, и из разжатой ладони на траву выпал смятый листок бумаги и огрызок карандаша. Валентина подняла его, разгладила и прочла вслух:

--Егоров. Борис Михайлович, Ростов, 1918 год. Булкин Никита Радионович, 1917 год, Белая Церковь. Мишин Олег Федорович, Тула, 1918 год.

КОНЕЦ

Германия, Фульда, 04.2014

Сквирский Вениамин Яковлевич.

049 0661 40 26 76,

8 921 999 26 76

Иришка! Посылаю тебе писулю и нашу любовь! Прости эксплуататоров!

Уважаемый господин Каррас. (Karras).

Fragebogen заполняла моя жена. Она не была свидетелем аварии и не знает правила уличного движения. К тому же она не в достаточной степени владеет немецким языком. Заполняя фрагенbogen она по незнанию допустила ошибку. Прилагаю первоначальный вариант анкеты записанной с моих слов и слов моего свидетеля. Подъезжая к перекрестку я примерно за 20 метров до него начал снижать скорость, так как светофор переключился на желтый свет. Впереди идущая автомашина проехала на желтый сигнал светофора и проследовала далее через перекресток уже на красный свет. Я остановил свой автомобиль, как и положено, у пешеходной дорожки. В этот момент в мой задний бампер последовал сильный удар автомашины фрау Jurato, в результате которого мой автомобиль отбросило на два с лишним метра вперед за пешеходную дорожку, а я сильно ударился затылком о подголовник, и до сих пор у меня достаточно часто

возникает головокружение и головные боли.. И я и мой свидетель господин Razancev водители с пятидесятилетним стажем знаем правила движения не разу не попадали в подобного рода аварию.

С уважением . Вениамин Сквирский.

Свидетель: Georgi Razancev